

Преподобный Варнава Гефсиманский: «Пророк в отечестве своем»

Одному из посетителей отец Варнава предсказывал игуменство, другого – плачущего о сыне, по неразумной ревности устремившемся в Африку — утешал: «Ну, что ты плачешь? Твоего сына завтра же привезут в Москву с другими товарищами на такой-то вокзал». Третью обличал с любовью в утаенном грехе: «Барыня благая, брось ты свой табак курить, вот и будешь у меня золотая»

В начале прошлого века имя о. Варнавы (Меркулова) из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры в России было известно от центральных губерний до самых отдаленных ее уголков. Старец принимал народ без различия чина и звания, и каждого приходящего приветствовал ласковым словом: «сынок» или «деточка». Монах строгой аскетической жизни, пастырь, Преподобный Варнава был поставлен на служение Церкви перед ожидавшими Ее испытаниями.

Преп. Варнава Гефсиманский

24.01.1831 г. – 17.02.1906 г.

У двери старца

В иные дни посетители, ожидавшие приема у отца Варнавы, смыкали ряды так плотно, что даже его мать – кроткая, смиренная старица схимонахиня Дария, после нескольких неудачных попыток протиснуться сквозь множество людей, тихо отходила в уголок, пряталась за спинами. А через минуту как вразумление барыням, оттеснившим ее, раздавался высокий, чистый голос батюшки: «Где здесь «монашка»? Пропустите

«монашку»... Матушка, ты разве очереди дожидаться? Зачем же ты отказываешься от своего сына! Я вот от тебя не отказываюсь!»

Но не только перед ней, как по звонку, отворялась дверь его кельи. «Где тут лаврский монах?», – и сам о. Варнава уже пробирался сквозь толпу к растерявшемуся молодому человеку, сбивчиво повторявшему: «Я не лаврский монах, я из Белых Берегов». В ответ раздавалось: «Ну, я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и станешь лаврским монахом». – Ободряя паломника, старец вводил в свою келью того, в ком ему был указан будущий старец и духовник лаврской братии – схиархимандрит Захария, которому предстояло пребыть в [Лавре Преподобного Сергия](#) до конца, вплоть до ее закрытия большевиками.

Одному из посетителей отец Варнава предсказывал игуменство, другого – плачущего о сыне, по неразумной ревности устремившемся в Африку на помощь бурам[i], — утешал: «Ну, что ты плачешь? Твоего сына завтра же привезут в Москву с другими товарищами на такой-то вокзал». Третью обличал с любовью в утаенном грехе: «Барыня благая, брось ты свой табак курить, вот и будешь у меня золотая». А однажды усадил возле себя молодого человека и вдруг по-отечески обнял его: «Милый ты мой, подвижник, исповедник ты Божий». Спустя годы его посетитель Илья Четверухин станет настоятелем московского храма Святителя Николая в Толмачах, и после гонений, арестов и ссылок, примет мученический венец в одном из пермских лагерей.

«Кормильчик»

Принятие даров Святого Духа, как учат святые отцы, зависит не от возраста и не от усилий подвигающегося. Пост, молитва, [борьба со страстями](#) и послушание – начало подвига, «венец» же – благодатное просвещение души и в особых случаях – избрание для духовного руководства другими – зависит от Бога.

В 30 лет, имея уже немалую опытность, за послушание принял на себя отец Варнава подвиг духовного окормления, а уже через десять лет стал известен как истинно народный священник.

Быстрое возрастание было подготовлено несколькими обстоятельствами. Родился будущий старец в 1831 г. в благочестивой крестьянской семье под Тулой. Родители его были людьми добрыми, глубоко верующими и трудолюбивыми. Их добродетельная жизнь стала для мальчика первым примером, благой основой душевного и духовного воспитания. С раннего возраста Василий Меркулов – таково было его мирское имя – вместе со старшими ходил на богослужения, стараясь на память учить молитвы, а первыми его «взрослыми» книгами были Псалтирь и Часослов.

Необычный случай, приключившийся с ним в отрочестве, был указанием на богоугодность его занятий и близость к миру высшему, духовному еще на первых ступенях жизни. Однажды во время приступа тяжелой болезни удушливый кашель заставил его приподняться на постели, и в этот момент Василий увидел юношу в светлом одеянии, который, перелистывая книгу, ласково и кротко смотрел на него. Явление Ангела, открытое детскому взгляду, подтвердилось и мгновенным исцелением – боль утихла, словно и не было болезни.

Последующее направление жизни Василия определило общение с монахами. В юности свободные от работы дни он проводил в расположенной поблизости от их села Троице-Одигитриевой Зосимовой Пустыни, где старался помогать по мере сил. Основным

мастерством его было слесарное дело: кому старый замок починит, кому приспособит крючок. В тот период Господь послал ему и первого проводника в жизни духовной – известного подвижника, старца Геронтия, возгравшего в нем устремление к монашеству.

Но поворот в судьбе Василия определило паломничество в Троице-Сергиеву Лавру, куда он направился вместе с матерью осенью 1850 года. К богослужениям они ходили вместе, стараясь не пропускать службу, и однажды у мощей [преподобного Сергия](#) Василий пережил необычное благодатное явление. Спустя годы он вспоминал о нем как о великой радости, неведомой прежде, в миг охватившей его с такой силой, что он решил тут же, если будет на то Божие благословение, поступить под кров обители Преподобного Сергия.

В 20 лет, получив родительское благословение, Василий Меркулов поступил в число братии, а вслед за ним пришел в Лавру и его наставник – отец Геронтий, принявший в обители схиму с наречением имени Григорий. По благословению духовника и с дозволения наместника монастыря, молодой послушник поселился в расположенном в 3-х верстах от Лавры Гефсиманском скиту. Здесь он встретил нового руководителя – старца Даниила, строгого постника, подражавшего подвигам древних святых, столь же кроткого в обращении с другими, сколь требовательного к себе.

Жизнеописание Преподобного Варнавы открывает лишь внешнее. Послушаниями его были слесарное дело, работа за свечным ящиком, а потом – чтение в церкви. Но между двух старцев Василий совершенствовался духовно до момента, пока перед самой их кончиной ему не было велено принять как послушание благое бремя своих учителей.

Тогда же, благословляя его, старец Григорий, передал ему и благословение на будущее: устроить по воле Царицы Небесной женскую обитель в отдаленной местности, зараженной расколом.

Год спустя, 20 ноября 1866 г., послушник Василий был пострижен в мантию с наречением ему имени Варнава, а через шесть лет – рукоположен в иеромонаха. К тому времени о Варнаву знали богомольцы со всех концов России. Это и побудило наместника монастыря архимандрита Антония определить для него в качестве места служения и молитвы Пещерное отделение Гефсиманского скита.

Гетсиманский
Черниговский скит

У аналая в уединенном домке с самой простой обстановкой было развязано множество жизненных «узлов», в таинстве исповеди открывались грехи, забытые и утаенные.

Опытность о. Варнавы граничила с прозрением. Многим беднякам старец помогал, обращаясь к более состоятельным из своих воспитанников. Одним из таких усердных жертвователей на протяжении многих лет оставался известный в те годы петербургский купец Василий Николаевич Муравьев. Не только частные лица, но и храмы, и монастыри получали от него необходимые средства. Порой через руки старца проходили и весьма значительные суммы, сам же он по-монашески довольствовался малым, будучи необыкновенно воздержанным и в еде, и в одежде.

Наконец, пришло время ему исполнить и благословение старца Григория. В начале 1860-х гг. в Нижегородской губернии недалеко от селения Выкса он подыскал уединенное место для закладки нового женского монастыря. Возведение обители с двумя соборами – в честь Святой Живоначальной Троицы и Иверской иконы Божией Матери – потребовало немалых вложений. И снова помощником о. Варнавы в деле устроения нового монастыря стал его духовный сын В.Н. Муравьев.

Иверская Выксунская обитель

В начале XX века Выксунская обитель стала центром духовного просвещения для всех окрестных жителей, а отец Варнава долгие годы был для ее насельниц внимательным духовником. «Кормильчиком» называли его сестры, «кормильцем» был он и для сотен и тысяч своих духовных воспитанников.

На рубеже

Старцу Варнаве, подвижнику, пребывавшему в неразвлекаемой молитве, спавшему не более трех часов в сутки при постоянном попечении о людях и о святых обителях, Господь даровал прозорливость в отношении не только отдельных лиц, но и всей России и Православной Церкви.

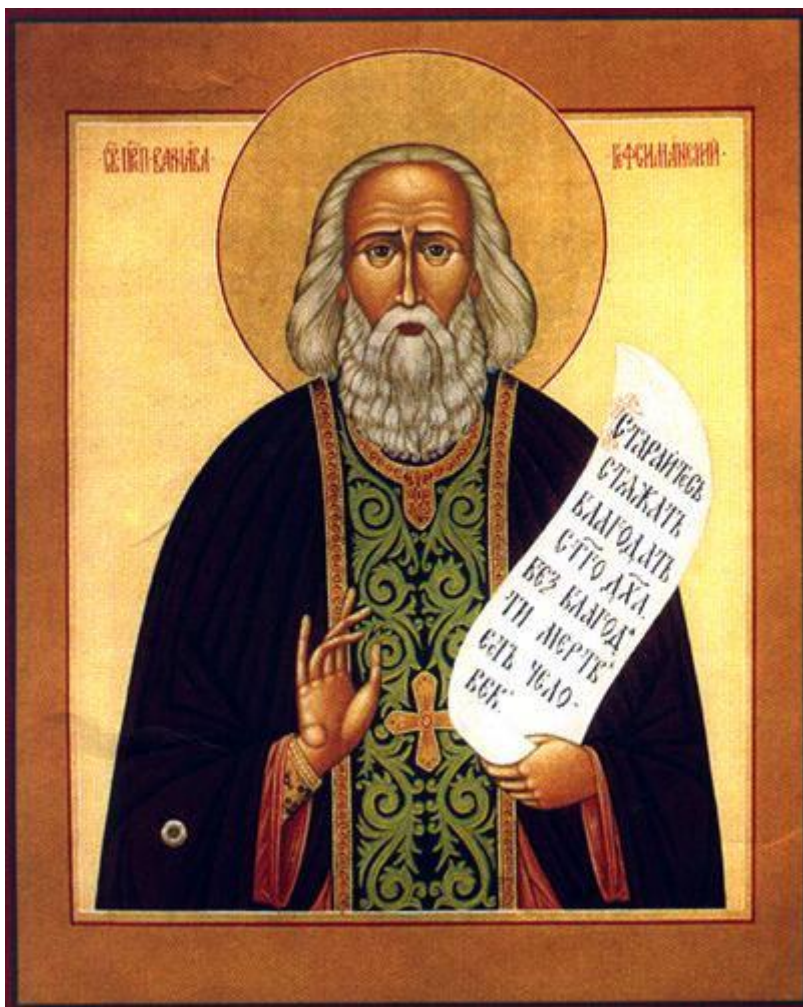
В разных концах страны раздавались в те годы предупреждения о наступающих тяжелых временах. [Св. Праведный Иоанн Кронштадтский](#), старцы Оптиной Пустыни, дивеевские подвижники прямо и иносказательно обращались к соотечественникам, призывая их соблюдать установления Церкви. К этим «пророкам в отечестве своем», чей голос далеко не всегда бывал услышан, принадлежал и о. Варнава. Он говорил о десятилетиях богоотступничества и гонений на Церковь, но даже в такие моменты ободрял надеждой на последующее возрождение Православия: «Преследования против веры будут постоянно увеличиваться. Неслыханные доньше горе и мрак охватят все и вся, и храмы будут закрыты. Но когда уже невоготу станет терпеть, то наступит освобождение. Храмы опять начнут воздвигаться. Перед концом будет расцвет»[ii].

Есть и свидетельства о том, что предупреждение о предстоящем ему испытании получил от старца и [государь Николай Александрович](#), посетивший его в начале 1905 г., после трагических событий в Петербурге, произошедших вследствие чрезмерной «ревности» людей, ответственных за наведение общественного порядка в столице.

Встреча прп. Варнавы и государя Николая Александровича

Сохранилось предание о том, что преподобный Варнава благословил царя так же, как и [преподобный Серафим Саровский](#) в письме, переданном Николаю Александровичу одной из дивеевских стариц, – на принятие мученического венца и терпеливое несение креста тогда, когда Господу угодно будет этот крест на него возложить.

Икона прп. Варнавы

До последних дней старец Гефсиманского скита укреплял тех, кому предстояло дожить до времени испытаний, а перед самым исходом из жизни временной в 1906 г. он оставил по себе достойного преемника для окормления стада Христова в годы гонений. Его воспитаннику и преданному помощнику Василию Николаевичу Муравьеву предстояло вступить на путь духовного подвига и спустя годы явиться в своем отечестве с ангельским именем Серафим «в силе и славе» своего учителя и старца. Тихая, уединенная Вырица, должна была сохранить, как неугасимую лампаду, благодатный источник духовного опыта и духовной силы.

- i. Описанный эпизод относится ко времени англо-бурской войны (1899-1902 гг.)
- ii. Новопрославленные Радонежские святые. Преподобный Варнава Гефсиманский. Житие. Духовные поучения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2006. С. 43

Рекомендуемые для чтения источники и литература:

- 1. Новопрославленные Радонежские святые. Преподобный Варнава Гефсиманский. Житие. Духовные поучения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2006
- 2. Филимонов, В. П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа, СПб.: Статисъ, 2004

3. К 100-летию преставления старца Варнавы Гефсиманского (комментарий в свете веры)
// Церковно-Научный центр «Православная энциклопедия». Седмица. Ru
(<http://www.sedmitza.ru/text/404796.html>)

Читайте также:

Читайте на Правмире: <https://www.pravmir.ru/prepodobnyj-varnava-gefsimanskij-prorok-v-otechestve-svoem/>

Вместо предисловия

Прославляющая Мя прослаблю

[1Цар.2:30](#)

Вознамерившись как можно более полно и подробно рассказать о преподобном [Варнаве Гефсиманском](#), начнем с некой вершины его служения, с 1904 года. Именно в том году исполнилось пятьдесят лет со дня вступления Василия Меркулова – в будущем всероссийски прославленного старца, основателя и строителя Иверской женской обители – в число братий Троице-Сергиевой Лавры.

В тот год духовные чада и почитатели отца Варнавы решили устроить ему юбилейные празднования. Приготовление к чествованию происходило в строгом секрете от самого виновника торжества, поскольку тем немногим лицам, кто был осведомлен о грядущей годовщине, старец строго запретил разглашать и обсуждать все, что было с этим связано. Но, по большому-то счету, с отклонением торжества батюшка немного запоздал. Высокопоставленные духовные чада старца, в частности будущий обер-прокурор Синода В. К. Саблер, обратились к митрополиту Московскому Владимиру и получили высочайшее благословение отпраздновать такую славную дату в жизни их дорогого аввы. Нижегородский епископ Назарий одобрил намерение провести торжества в Иверском монастыре – этом выстрадавшем детище иеромонаха Варнавы, теперь уже во всей своей красе поднявшемся среди глухого леса близ раскольничьего села Выкса в Ардатовском уезде. Оба владыки сообщили о своем согласии в самых милостивых выражениях. Московский митрополит, кроме одобрения, высказал в письме пожелание лично поздравить батюшку. Преосвященный Назарий искренне поблагодарил духовных чад за их сердечную отзывчивость и готовность утешить старца.

Хлопоты по устройению торжеств взяли на себя пятеро из числа особо близких старцу лиц. Кроме уже названного В. К. Саблера, юриста, выдающегося церковного деятеля, в группу «доверенных» вошли В. О. Лутковский. Н. А. Журавлев, В. Н. Львов, а также действительный статский советник А. Н. Столпаков. Именно Алексей Николаевич в приветственной речи к юбиляру извинялся перед всеми собравшимися, признаваясь, что они вынуждены были ограничиться самым тесным кружком, чтобы не смущать

батюшку. «Мы отлично знали, что стоило лишь кликнуть клич, и отозвались бы на него не пять, а пятьсот раз по пять, если не более, православных почитателей нашего дорогого отца. Но мы знали также, что такое всенародное чествование не только не было бы батюшке приятно, оно было бы им бесповоротно отклонено».

Духовные дети отца Варнавы пожелали ознаменовать сей юбилей каким-либо «знаком памяти». По человеческой слабости, им хотелось как-то так устроить, чтобы при батюшке всегда пребывало молитвенное о них напоминание. Надо заметить, намерение почти не исполнимое, поскольку все знали, что ничего из того, что дарили старцу, у него никогда не оставалось: любое подношение он тут же кому-нибудь передавал. Пока господа раздумывали, как в таком случае лучше поступить, начальница сергиевopосадского Дома призрения Е. С. Кроткова посоветовала поднести отцу Варнаве наперсный крест, «без которого он не ступает шага и который будет всегда и везде на нем».

На том и порешили. Заказали ювелиру иноческий наперсный крест по древнему образцу, с византийским узором, еще более древнего вида – чеканную филигранную цепь. И всё это – из чистого золота. Во время чествования многие из присутствующих со своей стороны тоже пожелали поднести старцу дары любви и почтения – сребропозлащенные крест, Евангелие, Иверскую икону Пресвятой Богородицы, украшенный жемчугом и драгоценными камнями крест для жертвенника и, наконец, иерейский посох с рукоятью темного серебра и выгравированной на ней надписью. Такими «царскими» дарами батюшкины чада выражали свое пожелание, чтобы к их глубоко почитаемому старцу не прикасалось ничего поддельное, ненастоящее. Как сказал А. Н. Столпаков, «в этом нашем подношении ценны не злато и не труд художника, а ценна наша любовь к Вам, нашему дорогому отцу, батюшке и кормильцу сей обители, любовь всех Ваших духовных чад...».

Слегка склонив голову, маститый старец выслушивал эти слова любви и, казалось, едва мирился со своим положением. Он принимал приветствие с искренним сознанием своего недостойнства, а потому не совсем охотно. Батюшка поклонился поднесенному кресту, несколько раз тихо произнес: «Спаси вас Господи...» Хор монахинь и священнослужители пропели старцу «многая лета». Отслужили молебен о здравии владык, иеромонаха Варнавы и участников подношения... В завершение торжеств глубоко растроганный батюшка обратился ко всем, кто почтил его своим присутствием. Среди прочего старец сказал: «Вы говорите, что я пятьдесят лет прожил в монашестве. Но какая в этом моя заслуга? Господь призвал меня... Он же подавал и подает мне силы в борьбе со страстями... А сам я – ничто! Вы говорите, что я назидал вас своим словом. Но я никогда ничего не говорил от себя, а всегда – из слова Божия и отеческих писаний... Я не нахожу и не имею у себя никаких заслуг, вижу одни немощи. Только ваша любовь, дети мои

возлюбленные, не замечает или не хочет видеть этих моих немощей... Благодарю Царицу Небесную, благодарю и вас всех, мои дорогие братия и чада о Господе, за все, в чем сказалась ваша любовь ко мне, недостойному ни любви, ни почтения, ни этих подношений... Молитесь обо мне...».

На протяжении многих лет среди батюшкиных почитателей были богатые купцы, промышленники, высшие должностные лица Петербурга, Москвы. К старцу-простецу за советом приезжали архиепископ [Трифон \(Туркестанов\)](#), Павел Иванович Плиханков, потомственный дворянин, оставивший блестящую карьеру военного ради монашеской келлии, будущий оптинский старец преподобный Варсонофий. У батюшки бывали духовный писатель С. Нилус, модный тогда философ Владимир Соловьев, известный адвокат Ф. Н. Плевако... Наконец, сам император Николай II.

Чем же привлекал смиренный скитский иеромонах всю эту сановную знать? Какие были в нем силы, чтобы утешать и пригревать простой люд, съезжавшийся со всех волостей и каждодневно тысячами толпившийся возле батюшкиной келийки «у Черниговской»? Что в нем было такого, чем он располагал к себе богатых жертвователей, и они отдавали огромные суммы на дела милосердия, вкладывали капиталы в строительство Иверской обители на пятьсот сестер, – обители, состоящей из нескольких храмов, жилых корпусов, гостиниц, водопровода, конного и скотного дворов, огородов, парников, пасеки и даже своего кирпичного завода?

Житие старца дает ответы на поставленные вопросы. Иеромонах Варнава, подвизавшийся в середине XIX – начале XX века в Гефсиманско-Черниговском скиту Троице-Сергиевой Лавры, и все, что с ним связано, подтверждает теперь уже забытую истину, что во все времена русские старцы – монахи-подвижники, люди святой жизни – пользовались непререкаемым авторитетом как духовидцы в самых разных сферах российской жизни, будь то церковная (в первую очередь), семейная, хозяйственная и даже государственная.

Гефсиманский батюшка, будучи умудренным от благодати Божией, стяжал такие духовные дарования, имел такую веру, что для него не существовало преград между миром видимым и невидимым, временем прошлым и будущим. Отсюда его прозорливость, способности советчика и наставника. Как писал уже упоминавшийся оптинский старец преподобный Варсонофий, «у нас кроме физических очей имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая... И от нас не скрыто ничего».

Что же касается отца Варнавы, то у него, по слову апостола Павла, была *вера, любовью поспешествуема*¹. Именно любовь притягивала к нему самых разных людей. Велико было обаяние его личности, сформировавшейся в сокровенном иноческом делании.

«Он жил во славу Божию» – начертано на его надгробии в пещерном храме Черниговского скита. В жизнеописании отца Варнавы нам предстоит

раскрыть, что же стоит за этими словами, по возможности полно показать особенности его характера, черты личности, те свойства и способности, необходимые духовнику в окормлении не только монастырских братий, но и каждой православной семьи, каждого верующего человека, словом, всё то, что составляет суть теперь уже редкостного явления – русского старчества.

Детские и юношеские годы

Иеромонах Варнава родился в 1831 году, 24 января, в селе Прудичи² Тульской губернии и во святом крещении, состоявшемся 30 января, в день памяти Трех святителей, наречен был Василием в честь святителя [Василия Великого](#).

Его родители, Илия и Дария Меркуловы, – люди добрые и богобоязненные – особенно радовались рождению сына. В их семье после смерти старших детей – сыновей Лазаря, Георгия, Авраама и дочерей Ксении и Александры, умерших во младенчестве, – оставалась лишь одна дочь Матрона³. Господь оставил Василия и его сестру расти на утешение родителям и для облегчения их тяжелой крестьянской доли. Несмотря на всю свою бедность, они старались делиться последним куском хлеба с неимущими, усердно и часто посещали храмы Божии, любили ходить на богомолье по святым местам. Храм и святыни были для них почти единственным утешением.

Предызбранный десницей Вышнего от утробы матери идти вослед Христу, Василий в ранней юности всей своей душой воспринял зачатки высоких добродетелей, став впоследствии славным подвижником веры и благочестия, истинным носителем и верным исполнителем заветов Христовой любви. Младенческие годы шли безмятежно в тиши родного крова; но и тогда уже для окружающих было очевидно особое божественное благоволение к этому избраннику Божию, о чем свидетельствуют бесхитростные рассказы-воспоминания самого иеромонаха Варнавы.

Пример добродетельной жизни родителей, их постоянное стремление памятовать о Боге, ходить пред лицом Его не могли не повлиять благотворно на впечатлительный ум и чистую душу отрока. Благодаря своим родителям он уже с детства начал обнаруживать склонность к духовной жизни: любил бывать в храме за богослужением, старался заучивать на память церковные молитвы; когда же научился грамоте, то с особенным прилежанием стал заниматься чтением слова Божия.

Преимущественное влияние на воспитание в мальчике добрых качеств оказала мать. Это видно уже из того, что отец Варнава, касаясь в разговоре своего прошлого, чаще всего вспоминал о своей родительнице; он подтверждал это и тем, что не раз выражал ей впоследствии при посторонних лицах свою признательность за доброе воспитание. Впрочем, и пример отца – труженика и нищелюбца – не был тщетен: сын рос трудолюбивым, отзывчивым к ближним, в особенности к беднякам. Но поскольку по своему положению хозяина и единственного работника в семье отец часто вынужден

был оставлять дом под присмотром жены, то и бремя воспитания детей ложилось главным образом на ее плечи. Очевидно, что она жила богоугодно, в простоте и смирении исполняла свой долг, воспитывая в сыне истинного христианина. И тогда уже будущему старцу открылся мир таинственного. Благочестиво настроенное дитя временами словно бы отрешалось от всего земного, воспаряло мыслью к горнему миру, доступному его младенческой душе.

Господь, предызбравший отрока Василия служителем Себе и предначертавший ему путь жизни во славу имени Своего святого, невидимо руководил им, охраняя от всяких опасностей. Его благочестивая мать, впоследствии схимонахиня Иверской обители Дария, рассказала несколько случаев, свидетельствующих о том, как Промысл Божий действительно хранил Своего избранного отрока. «Однажды, – вспоминала она, – будучи четырех лет, Василий, заигравшись со сверстниками на улице, был настигнут лошадью, запряженной в тяжелый экипаж. Мальчик попал под колеса. Все бывшие при этом в ужасе подбежали к нему, подняли и, к немалому изумлению своему, увидели, что он совершенно цел и невредим».

Другой раз, когда ему было уже шесть лет, Василий, слезая с печи, нечаянно оступился, сорвался с самого верха и сильно ударился о пол. Перепуганная и растерявшаяся мать подбежала, подняла окровавленного сына и, не зная, чем и как ему помочь, обратилась мысленно с горячей молитвой к Богу о сохранении жизни своему ребенку.

На другой день, к ее несказанной радости, мальчик был совершенно здоровым, только небольшой красноватый шрам, оставшийся на щеке, свидетельствовал о том, что с ним недавно произошло.

Известно еще об одном необычном случае из детства отрока Василия. Как-то раз он сильно простудился: его душил сильный кашель, грудь закладывало так, что больной едва мог дышать. Отец с матерью настолько отчаялись, что уже не верили в его выздоровление. Однажды вечером Василий, изнемогая от приступа кашля, вдруг резко приподнялся, и на его болезненном лице изобразились испуг и удивление. Заметив это, отец спросил:

- Что с тобой, Вася? Чего ты испугался?
- Разве, батюшка, ты ничего не видишь?
- Не вижу. Да что видеть-то?

Отрок, не отвечая на вопрос, попросил у отца хлеба. Посолив кусок, тот дал ему. После того как Василий поел и немного успокоился, то рассказал следующее:

– Когда меня стал душить кашель, я приподнялся – лежать тяжелее дышать. Вдруг за столом я увидел какого-то юношу в белом одеянии, с лучезарным лицом, который, перелистывая книгу, так ласково и кротко смотрел на меня... Когда я попросил у тебя хлеба и начал есть, юноша стал невидим, а я

почувствовал себя хорошо и легко. Боль в груди утихла, как будто я больным и не был.

Поняли тут Илия и Дария, что это явлено было им чудо, и возблагодарили Бога за милосердие к их больному сыну.

Как воспринимал впечатлительный ребенок познания о Боге из наставлений матери – нам неизвестно; только с младенчества наученный знать и любить Господа нашего Иисуса Христа, он, естественно, часто думал о Нем, по-своему, по-детски представляя себе и некоторые события Священной истории. Так, например, сам иеромонах Варнава часто рассказывал следующее: «Был я однажды летом в поле со своими товарищами-мальчиками, и там между двух березок я вдруг увидал Спасителя, Который поднимался к небу, возносился... И теперь я хорошо помню, как видел Его». Старец ничего не добавлял в пояснение к своему рассказу. Только на протяжении жизни все собирался посетить то памятное место и даже хотел озаглавить его каким-либо памятником – часовней или храмом. Но не судил Господь этому сбыться.

Говоря о своем характере в детстве, отец Варнава замечал, что был мальчиком шустрым и подвижным. Недолгое пребывание в школе псаломщиков закончил он изучением Часослова и Псалтири и, скорее всего, ограничился лишь самыми начальными уроками письма.

Но вот Василий отрывается от милых сердцу полей и березок и переселяется вместе с родителями в село Нару Фоминскую Московской губернии. Так получилось, что крепостные крестьяне Меркуловы, принадлежавшие помещику Юшкову, оказались перепроданными новому владельцу – Скуратову. Как знать, возможно, тогда впервые глубокая скорбь сжала сердце впечатлительного подростка, а юная душа его опытно познала страннический удел человека в этой земной юдоли.

Время шло. Василий рос и совершенствовался в христианской жизни. С годами он становился все более серьезным и молчаливым, избегал праздных разговоров. Многие удивлялись такой сдержанности в молодом человеке. Когда он физически окреп, то помещик приказал обучить его слесарному мастерству, к которому юноша имел склонность. Ни повседневная суета, ни тяжелый труд не могли отвратить Василия от Бога. Дни, свободные от занятий в слесарне, он старался проводить в Троице-Одигитриевой Зосимовой пустыни, что близ села Нары Фоминской. Ему нравилась монастырская служба, полюбились ему и тихая обитель, и иноческая жизнь, насколько он мог ее узнать. В свободные от богослужений часы слесарь старался чем-либо послужить сестрам: одной исправит замок, ключик подберет, другой скобу или крючок к двери приделает... Не исключено, что к подобным послушаниям приучал его известный во всей округе своей подвижнической жизнью монах Геронтий. Он жил отшельником близ Зосимовой пустыни. «Старец этот, – вспоминал отец Варнава, – очень любил монашек; и мне вот заповедал не

покидать род ваш (это батюшка обращался к иверским насельникам). Ну вот и маюсь я с вами целый век свой!» – шутя, добавлял он.

Появившееся в чуткой душе юноши неодолимое влечение к монастырю и монашеству было, как оказалось впоследствии, призывом свыше на путь иноческого делания. Так будущий старец-слуга и отец великой Иверской обители еще с молодых лет был привлечен к служению Богу и ближним. А знакомство Василия со старцем Геронтием стало главной причиной перемены его внутренней и внешней жизни.

Среди множества почитателей, искавших совета и духовного руководства, старец Геронтий особо выделил Василия, полюбил и приблизил к себе богобоязненного юношу, нередко подолгу оставлял его у себя для беседы. Эти частые и продолжительные общения повлияли на всю последующую жизнь Василия. Детальное содержание разговоров престарелого отшельника и молодого, духовно одаренного человека неизвестно. Но, судя по сохранившимся у отца Варнавы письмам старца Геронтия к разным лицам, можно с уверенностью сказать, что предметом их собеседований было «единое на потребу», душеполезное. Во всех письмах к духовным детям отец Геронтий вел речь о спасении души, учил словом из [Священного Писания](#) и святоотеческих творений. Под влиянием опытного в духовной жизни старца у Василия зародилась и постепенно созрела мысль отречься от мира и всех его суетных, скоропреходящих радостей. В его душе вызревало, по слову святителя [Феофана Затворника](#), «недовольство ничем тварным». Юноша не скрывал от домашних начавшегося в нем внутреннего отречения от мира. Он даже не принял участия в семейном торжестве по случаю свадьбы своей единственной сестры. Его отсутствие среди веселившейся молодежи, конечно, было замечено, но все уже привыкли видеть в нем человека не от мира сего, а потому и не удивились его поступку. Иных радостей искало его чистое сердце, а заветным желанием было посещение святых мест для поклонения прославленным угодникам Божиим. И хотя ничего пока еще не говорил скромный юноша своему наставнику о намерении оставить мир, от зоркого духовного ока старца Геронтия не могла скрыться склонность его к иночеству. В то время как любящая мать с болью в сердце замечала начало подвигов будущего маститого старца и, может быть, немало скорбела о том, что ее сын-кормилец нисколько не бережет себя, не ищет жизненных удобств, старец Геронтий с утешением наблюдал за юношей, сердце которого преисполнялось горячей любовью к Богу и стремлением угодить Ему. Василий понимал, что его престарелые родители смотрят на него как на свою единственную опору; но он не мог не сознавать, что доля семейного крестьянина никогда не будет ему по сердцу. Решимость покинуть мир для монастыря окончательно созрела и окрепла, и он ждал только случая, чтобы исполнить свое намерение. [Любовь](#) к родителям и жалость к ним, беспомощным и одиноким, сдерживали его в исполнении своего заветного

желания. Василий решил положиться на волю Божию, а пока – готовить родителей к своему совершенному отречению от мира.

В 1850 году Василий вместе с матерью отправился на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Здесь, у раки Преподобного Сергия, молодой человек сподобился вместе с великим утешением для своей души воспринять и некоторое таинственное уверение в том, что его неодолимое тяготение к иноческой жизни не было мимолетным влечением юношеского сердца, что именно в монашеской обители его родной дом. Об этом отец Варнава рассказывал так: «Однажды, по окончании службы в Троицком соборе, подошел я приложиться к мощам Преподобного Сергия и, когда прикладывался, почувствовал великую радость на душе. То чувство было тогда для меня необъяснимо, но так сильно охватило меня всего, что я тут же, у раки угодника Божия, окончательно решил, если Богу угодно будет, поступить под кров его обители».

По возвращении Василий открыл старцу Терентию свое намерение оставить мир и посвятить себя на служение Богу. Старец вполне одобрил решимость Василия и благословил его на подвиг иночества. Нелегко было юноше видеть скорбь родителей, когда те узнали, что остаются без надежной опоры. Тяжело было отказать им в просьбе и увещании еще пожить в мире, испытать себя, насколько твердо это благое намерение. Но все преодолел Василий, возложив надежду на Бога; Ему он поручил и своих престарелых родителей.

В 1851 году двадцатилетний юноша оставляет мир, получив родительское благословение на новую жизнь, и удаляется в обитель Преподобного Сергия Радонежского. Благочестивая мать его восприняла решение сына со всецелой преданностью воле Божией. Но при разлуке материнское сердце не выдержало щемящей боли; благословляя его, она сквозь слезы причитала:

– Кормилец, отрада моя, на кого ты нас покидаешь? На тебя я только и надеялась, что упокоишь ты мою старость, а теперь я лишаясь тебя, сладкое чадо мое!

С глазами, полными слез, убеждал благоразумный юноша свою мать не предаваться чрезмерно печали, а молиться за него Богу, и, как *елень на источники водные*⁴, поспешил он в избранную им святую обитель.

Вслед за своим учеником в Троице-Сергиеву Лавру прибыл и его наставник – отец Геронтий, пожелавший окончить свой иноческий путь у мощей Преподобного Сергия. Здесь он принял святую схиму с именем Григорий.

В Гефсиманском скиту

Исполнил наконец Господь желание своего избранника, водворил его под кров Преподобного Сергия, дал возможность испытать сладость духовного счастья, которого давно чаяло его сердце. Ежедневно бывать за богослужением, молиться у мощей святого Игумена, видеть своего наставника старца Григория и быть всецело под его руководством – вот то, к чему неудержимо стремилось чистое сердце юноши и что теперь стало для него

достижимо. Первое время по вступлении в обитель радости его не было конца. Кроткого и почтительного, его любили все братья, как и сам он любил всех. [Жизнь](#) его текла в обычных монастырских занятиях и в исполнении добровольно взятой на себя обязанности келейника схимонаха Григория.

Только один месяц прожили в Лавре схимонах Григорий и его питомец Василий. Множество братьев и тысячи богомольцев невольно отвлекали от [молитвы](#) юного ревнителя благочестия и лишали его желанного уединения. Он стал проситься в более тихое место. Вскоре Василий, по благословению своего старца и с разрешения наместника Лавры архимандрита Антония (Медведева), перешел в Гефсиманский скит.

Скит был назван так в память об иерусалимской Гефсимании – месте последнего пристанища на земле Пресвятой Богородицы. Основан он наместником Лавры архимандритом Антонием (возглавлял обитель в 1831–1877 гг.) по благословению и при деятельном участии митрополита Московского [Филарета \(Дроздова\)](#). Выбранное место – Корбуха, в трех верстах от Лавры, – было не бесспорным: вроде бы не настолько удалено от города, то есть от суеты и многолюдства, как хотелось бы. Но за Корбуху вступился Киевский митрополит [Филарет \(Амфитеатров\)](#) и благословил лаврского наместника отстаивать свой выбор перед московским владыкой, поскольку именно сюда в течение десятилетий лаврские монахи удалялись для тихой молитвы, да и сам он во времена своего ректорства в Духовной академии (1816–1819) любил приходить на Корбуху для отдохновения.

Но вот в ночь на 28 сентября 1841 года архимандриту Антонию было чудесное явление, о чем в бумагах «о построении скита» находим его собственноручную запись: «Явление святого исповедника Харитона было в 1841 году, обещавшего благословение Божие на место и труд для жительства пустынников. В 1842 году 28 сентября владыка (Московский Филарет) осмотрел место на Корбухе и благословил на устройство скита. В этот день еще раз явился угодник Божий мне и назвал себя, что он ныне празднуемый Святой Церковью». Затем говорится, что основание первой скитской церкви в честь Успения Божией Матери (а вместе с тем и самого скита) пришлось на 28 сентября 1843 года – память иже во святых отца нашего Харитона Исповедника, и в течение года строительство церкви, келлий и ограды было закончено. Храмовым праздником стали считать 17 августа – день Вознесения Божией Матери⁵. Чинопоследование всего богослужения в этот день было выписано со Святой Земли, переведено с греческого на церковнославянский под редакцией самого митрополита Филарета. Со времен этого Московского святителя в Гефсиманском скиту совершался чин погребения Божией Матери по уставу Иерусалимской Церкви.

Гефсиманский скит стал любимым местом пребывания Московского святителя. Здесь построили митрополичьи покои, при ските за прудом вырыли пещеры. В одной из них была устроена [церковь](#) во имя Архангела Михаила,

освященная в 1851 году. В скиту был принят устав Саровской пустыни, псалмы пелись по уставу преподобного [Паисия Величковского](#). Промыслом Божиим в Гефсимании обосновались последователи преподобного Паисия. Они из старообрядчества перешли в православную веру и когда перебрались из Молдавии в Россию, то святитель Филарет, положивший много сил для преодоления раскола, с радостью принял их и направил на жительство в новоустроенный скит, который им предстояло возглавить. По Уставу здесь полагалось совершенное общежитие, и определяющим во внутренней жизни были «простота и нестяжательность». Строгой добродетелью славился Гефсиманский скит – обитель постников, подвижников и молчальников. Лицам женского пола вход был запрещен, кроме одного дня в году – 17 августа.

Согласно воле митрополита Филарета в скиту было построено несколько храмов. Успенский, уже упоминавшийся, перенесенный из села Подсосенье; каменный трапезный храм с двумя престолами – во имя Сергия и Никона Радонежских (освящен 27 сентября 1853 года) и во имя Филарета Милостивого (освящен в 1860 году); кладбищенский каменный храм в честь Воскресения Христова (освящен в 1853 году). При «Пещерах» были два храма: как уже говорилось, во имя Архангела Михаила и храм (освящен 26 августа 1893 года) в честь Черниговско-Гефсиманской иконы Божией Матери, прославившейся своими чудотворениями.

Вот в эту обитель и был переведен Василий. Здесь перст Божий указал ему и духовного руководителя в лице монаха Даниила, у дверей которого постоянно толпился народ, жаждущий слова истины из уст праведника-прозорливца. Любвеобильная душа скрывалась под суровой внешностью подвижника, и юный послушник всем сердцем прилепился к старцу.

Уроженец Вятской губернии, монах Даниил почти двадцать лет подвизался отшельником в уединенной келлии в глубине леса, окружающего скит. Это был высокий старец, в белом подряснике, поверх которого надевалась полумантия. С виду он казался весьма суровым. Действительно, он таковым и был, то есть строгим и немилостивым, но только по отношению к себе; по отношению же к другим и в обращении с посетителями, от которых большей частью уклонялся, он всегда был добр, кроток и снисходителен. В скиту о нем знали как о строгом подвижнике и постнике. Обычно он питался только ржаными сухарями, у него всегда висела на стене маленькая корзинка, наполненная ими.

Когда же ел вареную пищу, то был настолько воздержан, что считал, сколько ложек съел, и никогда не позволял себе вкусить более назначенного им самим количества.

Отец Варнава рассказывал, как однажды он, в первый день Пасхи, пришел к старцу Даниилу, застал его жевавшим ржанные сухари, размоченные в воде, и спросил:

– Батюшка, что же это вы в такой радостный день пьете воду с черными сухарями?

– Да воды-то, сынок, выпьешь немного, только по нужде, а чайку-то и лишнего захочется, пожалуй. А что сегодня день Святой Пасхи, так у меня и каждый день «Христос воскрес», – ответил на это старец.

Келлия у этого подвижника была крошечная, с простой печкой, в которой он иногда сам варил себе картошку. Обстановка была настолько убогая, и сам старец производил на увидевших его впервые такое сильное впечатление, что посетители с благоговейным трепетом переступали его порог. Вот этот-то отшельник, скрывавший под видом юродства дар прозорливости, своим примером и вообще всей своей личностью имел нравственное влияние на послушника Василия – будущего старца Варнаву, он оставил глубокий след в его жизни и на всем его иноческом поприще.

О том, как обучал мудрый наставник полному отвержению своей воли даже в поступках, казалось бы, благочестивых, отец Варнава впоследствии рассказывал следующее: «Без благословения старца я ничего не мог делать, иначе мой батюшка строго взыскивал с меня за своеволие. Помню, однажды дал он мне Евангелие, а я без его ведома и благословения отдал его на время почитать одному послушнику. И только что отдал, как батюшка вдруг и потребовал его у меня обратно. Я прямо сказал всю правду, но батюшка так разгневался на меня за такое своеволие, что три дня не прощал моей вины. И в эти три дня я неотступно на коленях молил о прощении, пока его не получил».

Старец Даниил воспитывал и вскармливал своего послушника по строгим правилам и, как можно судить из приведенного рассказа, очень скоро стал ему давать вместо молока твердую пищу⁶, ту, что предназначена совершенным. Подаренное Евангелие, вне всякого сомнения, означало благословение ученика на евангельскую [проповедь](#). Старец знал (как вскоре выяснилось), кого он готовит и для какого служения. Подаренное в благословение Евангелие – не какая-нибудь вещь, которую можно было передать в чужие руки, о чем не подумал Василий, что и вызвало праведный гнев учителя. В первые годы иноческой жизни юный послушник по крупитцам собирал запас духовной мудрости, которым он впоследствии щедро распорядился. Добродетели, которыми был украшен иеромонах Варнава, во всяком случае, их зачатки, были привиты ему с молодости старцами-наставниками.

С переходом в скит Василий проходил послушание в слесарной мастерской. Ремесло, знакомое ему еще в миру, скоро сделало его известным, братия так и звали его – Василий-слесарь. Послушание в определенные часы дня, утреннее и вечернее правило оставляли ему немного свободных минут на исполнение добровольно взятой на себя обязанности келейника старца Даниила. Принести дров, истопить печку да подмести пол в хижине отшельника – вот и все, что делал послушник. Но эти труды для него были лишь поводом, чтобы лишний

раз зайти к своему духовному отцу и в откровенной беседе с ним облегчить сердце от накопившейся за день тяготы, напитать алчущую душу мудрым словом.

И схимонах Григорий не оставлял Василия без своего попечения. Отцы, опытные в познании людей, видели плодоносную почву открытого им юного сердца и с любовью обильно засевали ее семенами добродетелей, которые взойдут в свое время и дадут обильный плод.

В праздники Василий посещал своего первого наставника, схимонаха Григория, в Лавре. Случалось, что приносил ему какое-нибудь угощение, стараясь чем-нибудь изъяснить авве свою глубокую благодарность и искреннюю преданность. Так, однажды зашли к старцу две женщины. Поговорив о своем, посетительницы стали было уже прощаться, как вдруг входит в келлию молодой послушник с узелком в руках. «Ты чего принес тут, Вася?» – спрашивает старец поклонившегося ему до земли юношу. Сам развязывает узелок и ставит на стол миску, полную блинов. «Ну, доброе дело! Вот мы и угостим гостей», – показывая на посетительниц, с улыбкой говорит старец. Молодой послушник сконфуженно потупил глаза и, сказав, что сейчас вернется, вышел из келлии. Только его и видели. А старец Григорий, обращаясь к одной из женщин, почему-то сказал: «Придет время, когда этот Василий будет твоим духовным отцом».

17 ноября 1856 года Василию Меркулову выдали отпускную грамоту от помещицы, вдовы генерала от инфантерии княгини Софии Степановны Щербатовой, освобождавшей его от крепостной зависимости с предоставлением возможности избрать род жизни, какой сам пожелает. Грамота интересна еще и тем, что содержит сведения о внешнем облике Василия Меркулова: «Роста среднего: лицом бел; волосы на голове, усах и бороде темно-русые: на верхней губе с левой стороны родимое красное пятно, закрытое усами».

22 августа 1857 года Василий написал в Учрежденный собор Троице-Сергиевой Лавры прошение о том, чтобы его приняли в число послушников Гефсиманского скита: «Я, нижеподписавшийся, будучи уволен от своего помещика, чувствую себя расположенным к монашеской жизни и посему для первоначального испытания себя в сей жизни от сентября 1851 года проживал в Гефсиманском скиту, что при Лавре, а в настоящее время имею решительное желание поступить в монастырь, то покорнейше прошу Учрежденный собор благословить принять меня в число послушников Гефсиманского скита».

6 сентября 1857 года последовал указ наместника Лавры архимандрита Антония строителю Гефсиманского скита о принятии на испытание Василия и донесении через два месяца Собору о его способностях и поведении. 9 ноября 1857 года строитель Гефсиманского скита иеромонах Анатолий написал рапорт, в котором сообщал, что «Василий Ильич Меркулов поведения хорошего, к монастырской жизни способен, к послушанию и Церкви Божией

усерден». 23 декабря 1857 года последовал указ строителю скита иеромонаху Анатолию в связи с решением Собора вписать Василия Меркулова в число послушников скита.

В первые годы иноческой жизни Василий обогащался силами духа ... *яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое*². В слесарной мастерской трудился он несколько лет. К этому времени относится его первое свидание с матерью, о котором он сам потом, будучи уже старцем, рассказывал так: «Иду как-то я к себе в келлию после работы по послушанию, усталый, запачканный, как вдруг узнаю, что меня у ворот спрашивает какая-то странница-старушка. Подивился я неожиданной посетительнице, иду к воротам и думаю: кто бы это была такая? Гляжу – это моя матушка родная стоит, в лапотках, с котомкой за плечами, сгорбленная, утомленная от дальнего пути. Увидав меня, она бросилась ко мне и долго-долго не могла отвести глаз от меня.

– Не узнала бы, – говорит, – я тебя, сладкое чадо мое, – так ты изменился. И какой же ты весь грязный, запачканный. Если бы сердце материнское не подсказало мне, что это ты, кормилец мой, не узнала бы тебя!..

Погостила она у меня некоторое время, живя в гостинице, поглядела она на мое житье среди монахов, и полюбилась ей моя новая жизнь.

– Кормилец! Уж как я рада теперь, что ты в святой обители. Не знаю, как мне благодарить Бога, избравшего тебя на сей путь. Живи с Богом! И я теперь буду покойна насчет тебя, а уж сама-то я как-нибудь проживу – хоть корочками питаться буду!

Такое ее смирение и покорность Богу до глубины души тронули меня.

– Нет, – говорю, матушка, я крепко надеюсь на милосердие Божие, что и не корочками питаться будешь, а и белого хлебушка будет вдоволь у тебя, и старость твоя упокоена будет». Действительно, мать отца Варнавы, Дария Григорьевна Меркулова, последние пятнадцать лет своей жизни провела в тихой обители, основанной ее сыном, от руки которого и удостоилась пострижения в мантию с именем Дорофея, а незадолго до смерти им же была пострижена в схиму с прежним мирским именем Дария.

Усердие и трудолюбие Василия были замечены скитским начальством, и он был приставлен к свечному ящику; кроме того, за богослужениями Василий читал Апостол и поучения из Пролога.

Навещал ли когда Василий своих родных в бытность свою скитским послушником – неизвестно. Но впоследствии, будучи уже иеромонахом, он заезжал иногда на родину часа на три к своим, редко-редко когда оставался там погостить на день, обычно же говорил в ответ на все уговоры родных еще побыть с ними, что ему «более тут нечего и делать». Тот добрый навек – не тратить времени попусту, приобретенный им в ранней юности, он сохранил до конца своих дней. Видно, скитская жизнь, полная каждодневных трудов, дала

такое направление духовным и телесным силам Василия, что он до гроба ни на минуту не мог оставаться без дела.

Но сравнительно недолго пришлось Василию пожить уединенной скитской жизнью. По воле начальства с великой скорбью он был вынужден оставить свою тихую Гефсиманию и переселиться к «Пещерам».

Пещерное отделение скита было основано Христа ради юродивым Филиппушкой (в монашестве Филарет, в схиме Филипп). Это был известный праведник, человек Божий. «Его устами слова с неба идут», – говорили о нем в Москве (так в народе понимали суть старчества). Происходил Филиппушка из крепостных Владимирской губернии, ушел из родных мест, странствовал по России. Когда его арестовали за отсутствие паспорта, он сказал: «От смертного царя мертвых слов у меня нет (так он именовал всякие документы), а от Живого Царя живые глаголы – есть». Явление Божиего человека в Москве не стало тайной для святителя Филарета. По его благословению Филипп оказался в Лавре, затем и в Гефсимании. Через некоторое время он испросил у скитоначальника отца Иллариона благословение выкопать «погребок». Ему разрешили, дали в помощь двух послушников. Вскоре оказалось, что копают они не погребок, а пещеры «по подобию киевских», о чем доложили наместнику отцу Антонию. Затянувшееся дело предоставили на рассмотрение Московскому митрополиту. Святитель Филарет одобрил начатое Христа ради юродивым Филиппушкой: «Бог да благословит его в темноте пещерной».

Промыслом Божиим Василий вновь оказался лицом к лицу с миром – на новом послушании проводника богомольцев. Как ни тяжело было ему лишаться тишины и безмолвия, однако, достойный питомец своих наставников, хранил он сердце свое в мире и на новом делании. Такой благоговейной настроенностью, неизменной кротостью и благодушием стяжал он добрую славу среди богомольцев, посетителей «Пещер». Так молодой послушник, сам того не ведая, мало-помалу становился для окружающих его старцем-утешителем.

Врожденная живость и восприимчивость, серьезность и духовная рассудительность, отеческие внушения старцев-наставников – схимонаха Григория и монаха Даниила – все это помогало духовному укреплению Василия. Не переставал он трудиться и в Гефсиманском скиту – то в качестве слесаря, то свечника, нес с любовью и послушание келейника старца Даниила (вплоть до самой его кончины), но уже все соприкасавшиеся с ним понимали, что в нем рождается будущий старец-подвижник.

Свободное от послушаний время, удаляясь к своему учителю в его уединение, Василий проводил в основном в молитве, за чтением [Священного Писания](#), изучал творения святых отцов – все это было его любимым занятием.

В последние дни жизни монаха Даниила одна его духовная дочь спросила: «Батюшка, кто же будет нас утешать без вас?» В эту минуту в келлию вошел

Василий, и старец, к большому ее недоумению, с улыбкой ответил: «Вася будет утешать вас!»

Василий по-прежнему посещал и старца схимонаха Григория в Лавре, всякий раз, впрочем, испрашивая на то благословения у начальства «Пещер». В одно из таких посещений, во время предсмертной болезни старца, послушник Василий долго оставался у своего первого наставника, мудрыми его наставлениями утоляя жажду духовного знания. Как раз в это время на довольно молодого человека и был возложен подвиг старчества, который он должен был принять на себя после смерти своих наставников.

Тут напрашивается небольшое пояснение. Старчество не является иерархической ступенью в Церкви. Это особый род святости, и потому может быть присущ всякому. Старцем мог быть монах без духовных степеней, каким и оказался послушник Василий. Старцем может быть и епископ, как, например, [святитель Игнатий Брянчанинов](#). Из иереев можно назвать святых праведных [Иоанна Кронштадтского](#) и [Алексия Мечева](#). Наконец, старчествовать может и женщина, как, например, Дивеевская Прасковья Ивановна, Христа ради юродивая, без совета которой ничего не делалось в монастыре. Завещая своему ученику принимать с любовью всех приходящих и не отказывать никому в советах и наставлениях, старец Григорий дал ему две просфоры и сказал: «Сим питай алчущих – словом и хлебом, тако хочет Бог!» Затем, открывая ему волю Божию, он присовокупил, что им должна быть устроена женская обитель в местности, отдаленной отсюда и сплошь зараженной расколом, что обитель эта должна послужить светочем для заблудших чад Православной Церкви, о чем Сама Царица Небесная печется. Она и укажет ему место, во имя Ее и должна быть освящена обитель.

При этом старец, с любовью и грустью взглянув на возлюбленного ученика своего, не скрыл, что много придется ему претерпеть и перенести скорбей и неприятностей. Предрекая это, он ободрял и утешал его словами:

– Претерпи все благодушно, чадо. Это гонение воздвигнет на тебя ненавистник нашего спасения, враг рода человеческого. Впоследствии же скорбь твоя сменится духовной радостью, слава об обители разнесется далеко, и потекут со всех концов России золотой струей обильные приношения, и процветет эта обитель «невест Христовых», яко крин сельный. Будут многие приезжать только посмотреть на обитель и будут дивиться ее благолепию...

Стоя на коленях пред одром умирающего старца, преданный ученик с горькими слезами внимал словам своего наставника. Припав к его груди, он просил не возлагать на него бремя, превышающее его силы.

– Чадо, не моя воля есть на сие, – ответил старец, – но воля Божия да совершается над тобою! Не сетуй на тяжесть креста: тебе будет Господь помощник. Без помощи Божией крест неподъемен, но ты, чадо, в день скорби возверзи печаль твою на Господа, и Той тебя утешит.

На следующее утро послушник Василий услышал, что старец Григорий, его дорогой авва, разбит параличом и потерял дар речи, а через два дня, 2 января 1862 года, схимонах Григорий тихо предал дух свой Богу.

В глубокой печали о потере своего отца и наставника и в смущении от его предсмертного завещания послушник Василий поспешил к старцу Даниилу и в тиши уединения излил пред ним всю скорбь своей души. Но и этот старец, к удивлению Василия, убеждал его в необходимости с покорностью воле Божией исполнить то, что ему завещано, – с любовью служить страждущему человечеству. «Да будет так, якоже хочет Бог!» – закончил старец Даниил, и смиренный ученик мало-помалу наконец успокоился, хотя и не переставал в душе ужасаться пред крестом предреченных скорбей и высотой предстоящего подвига.

В 1865 году послушник Василий лишился и другого своего наставника – монаха Даниила, который перед [смертью](#) завещал ему принять на себя подвиг старчества. Когда же послушник Василий со слезами просил не возлагать на него этот крест, вдруг, к своему ужасу, увидел, что у старца пошла горлом кровь. На руках своего возлюбленного ученика отошел он ко Господу.

Василий был глубоко предан своим умершим наставникам и первое время сильно скорбел, переживая утрату. Всегда с благодарностью вспоминал он их отеческое участие и ободрение в постигавших его горестях и всякого рода притеснениях. «Много пришлось мне переносить скорбей и напраслины в жизни, – вспоминал отец Варнава. – Не знаю перенес ли бы я их, если бы не поддержка со стороны моих старцев-наставников».

Монашеский постриг. Духовничество

Послушник Василий бережно хранил в сердце и свято исполнял заветы своих духовников, чувствуя в них поддержку на стезях своей жизни. Вступление его на путь старчества совершилось естественно. Еще при отце Данииле послушник Василий по поручению батюшки и от его имени нередко давал посетителям советы и отвечал на их недоуменные вопросы. В последние же годы жизни старец Даниил, и прежде-то неохотно принимавший посетителей, совсем стал уклоняться от подобных бесед, вследствие чего почти все, кто приходил со своими нуждами, стали обращаться к послушнику Василию. Тот никому не отказывал. Вследствие этого и очень скоро имя его стало известно среди богомольцев.

Нелегко пришлось Василию по смерти старца Даниила: он привык всегда и во всем советоваться с духовным отцом. Утрата его обостряла чувство одиночества, усугубляла тяготы старческого служения, да и сама ответственность перед Богом и людьми многократно возросла. Можно сказать, что молодой старец чуть ли не падал духом, едва выдерживал свалившееся на него бремя.

Надо заметить, что жизнь послушника Василия внешне, в сущности, не изменилась. Как и при старце, его служение ближним, воспринятое им как

послушание, продолжалось. Только теперь, когда его имя приобретало все большую известность, число стремившихся попасть к нему на беседу заметно увеличилось.

Через год после кончины старца Даниила в жизни послушника Василия совершилась важная перемена. 30 июля 1866 года он подал прошение в Духовный собор Лавры о пострижении в монашество. В докладе Учрежденного собора № 1043 митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету излагается следующая просьба: «По убеждению в доброй жизни во время послушнического искуса к поступлению в монашество послушника Василия Меркулова, желающего воспринять монашеский сан, Учрежденный собор испрашивает архипастырского дозволения и благословения постричь его в монашество по доброй его жизни и усердному исполнению возлагаемого на него послушания».

20 ноября 1866 года послушник Василий Меркулов был пострижен строителем Гефсиманского скита иеромонахом Анатолием в монашество с наречением имени Варнава (что значит: «дитя милости, сын утешения») в честь святого [апостола Варнавы](#). «Монашествующим известно, – пишет один из жизнеописателей старца Варнавы, – то значение, которое имеет пострижение для постригаемого. Этот момент неизъясним, он действительно перерождает всего человека. Постригаемый забывает в это время все, кроме Бога. Момент пострижения остается в душе на всю жизнь. Те же чувства, наверное, испытывал и новоначальный инок. Он видел и сознавал, что теперь перед ним лежала одна дорога, одна цель: монашеские подвиги, [молитва](#), пост и постоянная бдительность над собой». Когда человек упражняется в какой-либо работе, то у него развиваются мускулы, он становится физически крепче, телесно сильнее, так происходит и в духовной жизни: чем дольше идет упорная, непрестанная борьба с миром, «лежащим во зле», плотью и диаволом, тем более увеличивается духовная мощь борца, пока не достигнет он совершенного господства над своим духовным «я» и полного покорения своей плоти духу. Так, подвизаясь в течение всей иноческой жизни, постепенно возрастал и укреплялся духом инок Варнава, призванный свыше понести еще и тяготу людских немощей.

Пребывая всю жизнь в незримом для посторонних глаз покаянии, сокрушении сердца, подвиге молитвы, храня глубокое смирение, детскую чистоту и целомудрие, подвижник Христов всемерно старался сокрыть свое делание от мира. Но даже одна только внешняя сторона его иноческого подвига: труды его послушания, смирение, кротость, терпение, сострадание ко всем, особенно обездоленным, вызывало у людей преклонение.

Как бы во исполнение желания богомольцев иметь монаха Варнаву своим духовником монастырское начальство представило его к священническим степеням. Промысл Божий приуготовил благочестивому монаху новое бремя служения. 20 августа 1871 года Учрежденный собор Лавры ходатайствовал

перед митрополитом Московским и Коломенским [Иннокентием \(Вениаминовым-Поповым\)](#) о рукоположении монаха Варнавы во иеродиакона. В Послужном списке отмечено, что монах Варнава «поведения хорошего и усердно проходит послушание». 29 августа 1871 года епископом [Леонидом \(Краснопевковым\)](#) в храме Святителя Николая в Николо-Угрешском монастыре он был рукоположен во иеродиакона.

«После посвящения, — как пишет один из жизнеописателей, — когда приходилось отцу Варнаве часто служить, душа его наполнялась неизъяснимо высоким восторгом и горяча была [молитва](#) благочестивого иеродиакона».

Но не успел еще новорукоположенный иеродиакон привыкнуть диаконскому служению, как был возведен он в степень священства. 10 января 1872 года Учрежденный собор Лавры ходатайствовал перед митрополитом Московским и Коломенским Иннокентием о рукоположении иеродиакона Варнавы во иеромонаха. Перед рукоположением иеродиакон Варнава подписал так называемую присягу иеромонаха.

«Я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, призываемый ныне к служению иеромонашескому, обязуюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Евангелием в том, что желаю и, при помощи Божией, всемерно потщусь проходить служение сие согласно с словом Божиим, с правилами церковными и указаниями начальства; богослужение и Таинства совершать по чиноположению церковному, ничтоже произвольно изменяя; учение веры содержать и другим преподавать по руководству Святыя Православныя Церкви и святых отец; вверяемые попечению моему души охранять от ересей и расколов и заблудших вразумлять и обращать на путь истины; провождать жизнь благочестную, трезвенную, от суетных мирских обычаев устранившую, в духе смиренномудрия и кротости, и благим примером руководствовать других к благочестию; во всяком деле служения моего иметь в мыслях моих не свою честь или выгоды, но славу Божию, благо Святой Церкви и спасение ближних; в чем да поможет мне Господь [Бог](#) благодатию Своею молитв ради Пречистыя Богородицы и всех святых. В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь. К сей присяге иеродиакон Варнава руку приложил».

20 января 1872 года в Покровской церкви Высокопетровского монастыря епископом Можайским Игнатием (Рождественским) иеродиакон Варнава был рукоположен во иеромонаха. Пред престолом Господа Бога предстал новый пастырь и молитвенник, которому суждено было собрать возле себя великое множество духовных чад и плодотворно служить ближним, вселяя в душах их мир и любовь. Одному Господу Богу известно, какой огонь благоговения и любви горел в сердце нового пастыря, когда впервые предстал он пред Его престолом.

Не могла укрыться духовная зрелость иеромонаха Варнавы от лиц, знавших его. Вскоре широкая известность в народе побудила наместника Лавры архимандрита Антония утвердить отца Варнаву в звании народного духовника «Пещер» Гефсиманского скита. Как ни отклонял от себя такую ответственную обязанность молодой монах, начальство твердо решило – «быть по сему», и батюшка покорился. Воспитываемый до этого времени старцами-наставниками и сокровенным иноческим деланием, отец Варнава теперь сам становится воспитателем и духовным врачом людских сердец, отзывавшихся на глас любви и сочувствия. Это было 24 января 1873 года. С той поры старец стал уже признанным отцом духовно возрождаемых им к новой жизни, совершенно преданных и глубоко любящих его духовных детей.

Должность духовника сделала отца Варнаву еще более известным среди богомольцев, о чем пророчески предрекали ему старцы. Теперь посетители в еще большем количестве стали стекаться к отцу Варнаве за благословением, советом в каких-либо важных жизненных обстоятельствах, утешением в скорбях. Все дни – с раннего утра до глубокой ночи – он посвящал теперь духовничеству. Двери его убогой келлии были одинаково открыты для всех. Старушка, издалека пришедшая на богомолье к «Троице-Сергию», юноша-студент, ученый профессор, сановник, мастеровой, торговец, молоденькая девушка, монахини, дети – все шли к батюшке и получали от него добрый совет, наставление, тепло и ласку. Для всех он был одинаково доступен, всех одинаково приветал словом отеческой любви, утешения как истинный «сын утешения». Отец Варнава искренно, от души радовался с радующимися, соскорбел скорбящим; он был серьезным и полезным собеседником деловых людей, по-отчески снисходительно и ласково наставлял молодежь. Само лицо его озарялось светлой радостью, несмотря на то что он часто испытывал крайнее переутомление, так что голос его в разговоре с посетителями был едва слышен.

Словно древний скитник, отец Варнава поселился в отдельном деревянном домике. Одну маленькую половину занимал он сам, а другую – его келейник. Строгий в жизни, старец довольствовался самой скромной обстановкой. В первой комнатке – приемной – перед маленьким оконцем, полузавешенным шторой, находился деревянный, накрытый старенькой клеенкой стол, на котором стоял простой жестяной чернильный прибор. Здесь же лежали письма почитателей батюшки, искавших у него духовного утешения и писавших ему из самых отдаленных уголков необъятной Руси. В переднем углу висела икона Святителя Николая – благословение старца схимонаха Григория, стоял простой диван. Такой же простой была обстановка и в другой комнатке. Передний угол был убран святыми иконами, в числе которых была особо чтимая старцем Иверская икона Пресвятой Богородицы. Перед ней всегда горела лампада. Тут же стоял маленький, покрытый пеленой аналой, в ящике которого помещались крест, Евангелие, Следованная Псалтирь, Апостол и

Канонник. На стене возле аналая висели полумантия и епитрахиль, которые постоянно нужны были старцу то для келейной молитвы, то для совершения Таинства Исповеди. У противоположной стены стояла узкая жесткая кровать старца с войлоком и подушкой. Простой диван, стол и несколько табуреток дополняли обстановку комнаты. Заметим, что и эта келейная утварь стояла тут не для надобностей старца. Табуретки были нужны для его многочисленных посетителей. Два столика и комод использовались для крестиков, иконок, книг – словом, всего того, что старец благословлял на молитвенную память всем приходившим к нему.

«Проста, убога была келийка старца, – пишет профессор Московской Духовной Академии [Д.И. Введенский](#), – но думается, что ни одно благотворительное учреждение за все время своего существования не собирало столько обездоленных, несчастных, больных духовно и телесно, сколько их перебывало в этой убогой обстановке у неутомимого старца. С раннего утра и до позднего вечера, и особенно в великопостные и летние дни, идут и идут, бывало, к старцу в эту скромную келийку люди всех званий, сословий и состояний – и сановники, и ученые, и духовные, и простецы-паломники, вытаптывающие иногда своими лапотками тысячеверстные тропинки, ведущие к великому угоднику Преподобному Сергию, от него в «Пещеры», а здесь и к «редкостному» старцу... И всех-то с улыбкой и любовью принимал прозорливый, благообразный, несколько согбенный старец с умными, пронизательными глазами, в поношенной ряске, в простой иноческой скуфейке. Недолголюбивал только, бывало, старец тех, кто заходил прямо к нему, не приложившись к чудотворному образу Черниговской Богоматери...» И знатный сановник, утомленный нравственно и физически трудностями служения царю и отечеству, и служитель Церкви, изболевшийся душою за нее, страждущую посреди яростных восстаний всех сил ада, и мирный торговец-промышленник, и забитый горем, беспросветной нуждой серый мужичок-земледелец – все идут к батюшке Варнаве как к источнику мира, света и тепла. И наряду с молчаливой слезой благоговейной любви и признательности к старцу-утешителю отовсюду несут ему духовные детки и посильную дань благодарения, чем кто может, жертвуя на дело его благотворительности.

Иеромонаха Варнаву навещала иногда его родная мать, схимонахиня Дария, старица кроткая и смиренная. Вот два случая, о которых рассказывает ее бывшая келейница, свидетельствующие о ее великом терпении и младенческом незлобии. Однажды она пришла к сыну. Пробираясь с великим трудом через огромную толпу посетителей и богомольцев, теснившихся у келлии старца Варнавы, она кое-как пробралась почти до самых дверей, но была грубо оттеснена стоявшими тут барынями, ожидавшими своей очереди. И вот родная мать старца, к которому стекается такое множество народу за

словом утешения и благословения, услышав грубое: «Ты, монашка, жди своей очереди...» – низко поклонилась оттеснившим ее и тихо отошла в уголок.

Вскоре отворилась дверь, и старец, приветливо улыбаясь, окинул всех своим пронизательным взором и громко сказал:

– Где-то тут монашка есть.

Увидев свою мать, обратился к ней со словами:

– Матушка, ты разве очереди дожидаясь? Зачем же ты отказываешься от своего сына? Я вот от тебя не отказываюсь.

Слезы умиления и признательности были лишь ответом старицы на слова сына. Войдя в келлию, она прежде всего ходатайствовала за тех барынь, которые так грубо обошлись с нею.

Однажды, еще не будучи пострижена, мать старца Варнавы пришла к нему на праздник 17 августа. Как известно, в этот день в скиту собиралось множество богомольцев. Сильно смущалась старушка-мать, когда отец Варнава представлял ее каким-либо почетным посетителям и говорил: «Это вот моя родительница...» Не смела она и глаз поднять, смущаясь от своего убогого одеяния и важности посетителей.

– Кормилец, зачем ты всем говоришь, что я мать твоя? Боюсь я, как бы, глядя на мое убожество, они не стали и тобой пренебрегать.

Старец же, улыбаясь, отвечал ей:

– Ах, матушка, матушка! Зачем ты отказываешься от меня? Разве я не сын тебе? Твоим-то убожеством я и должен гордиться, что ты и в бедности сумела воспитать меня как должно.

В простоте сердечной отвечала на это старица:

– Какое мое воспитание? Не я, грешная и убогая, а Господь милосердный воспитал тебя...

Вставал отец Варнава очень рано. Исполнив келейное правило, он присутствовал на всех богослужениях, а все остальное время дня, часто забывая даже о пище, беседовал с народом, отовсюду стекавшимся к нему со своими скорбями. Никому не было у него отказа: одного утешит, другого предупредит о грядущем испытании, наставит, как поступить, всех благословит. А случалось, что и побранит кого, но так отечески-ласково... Чувствуя, что и сам он скорбит, исповедник невольно изливал свою душу, уходил ободренным, решившим измениться к лучшему.

Стараясь всегда благовременно прийти на помощь страждущему человеку, старец всего себя отдавал ближним. Его неустанные труды, его самоотверженная любовь ко всем достойны удивления. Нельзя также было не дивиться и светлому уму старца Варнавы, его рассудительности в ответах, советах и наставлениях, его чрезвычайной живости, бодрости и неутомимости при ежедневных непосильных трудах. И нужно заметить, что старец всегда как-то особенно кротко, любовно умел затронуть сокровенное людских сердец. Приходят к нему посетители и жалуются на духовные немощи. Старец

приветливо улыбнется, бывало, и скажет: «Ах, сынок, сынок... Когда же начнем лучше-то жить... Смотри, терпит, терпит [Бог](#) да вразумлять начнет. Ну, на этот раз Бог простит тебя, да смотри собирайся с силами, не греши более... А посты-то соблюдаешь ли?» – спросит старец уходящего посетителя. «Плохо», – ответит тот. «Вот это нехорошо... Слушаться нужно Церковь, слушаться».

Надо было видеть, с какой любовью относился отец Варнава к тем, в ком видел искреннее раскаяние. «Сынок, – говаривал он часто, – а ты попробуй, постарайся этого не делать, удержи себя хотя один разок, а я за тебя помолюсь – Господь и поможет». И, действительно, велика была сила его молитвы.

Для батюшки не существовало различия возрастов, званий и состояний, со всеми он обращался одинаково отечески-ласково. Почтенный генерал, молодой архимандрит равно слышали из его уст ласковое обращение «сынок». Солидную знатную даму и молоденькую девушку одинаково называл он «дочкой». Случалось, что некоторых из почетных гостей он усаживал на диван в своей келлии, иногда предлагал им чай из «своего» самовара. Разумеется, «детки» бывали счастливы от такой любезности батюшки.

Бывало иногда, что старца не заставляли дома. Вера в его молитвы, в его духовное прозрение и здесь находила себе выход: богомольцы записывали свои имена, а иногда и скорби на стенах деревянной постройки, где жил старец Варнава, и заочно просили его молитв. И, несомненно, всякий посещавший старца видел эти карандашные надписи на стенах тесовых сеней, прилегавших к старческой келлии. «Батюшка, помолись о нас», «Были такие-то, жалею, что не застали вас», «Ради Бога, помолитесь о нас», «Помолитесь о болящей» – вот надписи, которые можно было прочесть здесь.

Писатель Иван Шмелёв, вдали от России вспоминая всё, что было дорого его сердцу, отправляет героев своего «Богомолья» «к Троице» – в Сергиеву Лавру. А от Преподобного невозможно было не пойти за благословением к старцу Варнаве. Приведем выдержки из литературного произведения, очень ярко рисующие то, что происходило с людьми, соприкасавшимися с угодником Божиим.

«Рассказывает, как ходили к Черниговской, к утрени поспели, по зорьке три версты прошли – и не видали, а служба была подземная, в пещерной церкви, и служил сам батюшка – отец Варнава.

Сказал батюшке про тебя... хороший, мол, богомольщик ты, дотошный до святости. «Приведи его, – говорит, – погляжу». Не скажет понапрасну... душеньку, может, твою чувствует... Я рад, и немного страшно, что чувствует душеньку. Спрашиваю: он святой?

Как те сказать... Святые – это после кончины открывается. Начнут стекаться, панихидки служить, и пойдет в народе разговор, что, мол, святой, чудеса-исцеления пойдут... А батюшка Варнава – подвижник-прозорливец, всех

утешает... не такой, как мы, грешные, а превысокой жизни. Стечение к нему какое... Завтра вот и пойдем, за радостью...

Нигде так духовно не отдохнёшь, как во святой обители... Да вот... как вчера заслабел! А после исповеди и про ногу забыл, чисто вот на крылах летел! А это мне батюшка Варнава так сподобил... пошутил будто: «Молитовкой подгоняйся, и про ногу свою забудешь». И забыл! И спал-то не более часу, а и спать не хочется... душа-то воспаряется!..

Едем прудами, по плотине, «на Пещерки» у Черниговской – благословиться у батюшки Варнавы...

У серого домика на дворе полным-то полно народу. Говорят, выходил батюшка Варнава, больше не покажется, притомился. Показывают под дерево:

– Вон болящий, болезнь его положил батюшка в карман, через годок, сказал, здоровый будет!

Кругом разговор про батюшку Варнаву: сколько народу утешает, всякого-то в душу примет, обнадежит... хоть самый-то распропавший к нему приди... А батюшка не выходит и не выходит. Ждали мы ждали – выходит монашек и говорит:

– Батюшка Варнава по делу отъезжает, монастырь далекий устрояет...

Стали мы горевать... Идем к воротам и слышим – зовет нас кто-то:

– Московские, стойте!

А ведь это батюшка нас кличет. Бежим к нему, а он и говорит:

– Благословляю вас, московские.

Ну прямо на наше слово: благословиться, мол, не привел Господь. Так мы все удивились! Ласковый такой, и совсем мне его не страшно.

– Вот, батюшка родной, младенчик-то привести-то его сказали.

Батюшка Варнава и говорит ласково:

– Молитвы поёшь... пой, пой.

И кажется мне, что из глаз его светит свет. Вижу его серенькую бородку, острую шапочку-скуфейку, светлое, доброе лицо, подрясник, закапанный густо воском. Мне хорошо от ласки, глаза мои наливаются слезами, и я, не помня себя, трогаю пальцем воск, царапаю ноготком подрясник. Он кладет мне на голову руку и говорит:

– А это... пчелки со мной молились, слезки их это светлые... – и показывает на восковинки. – Звать-то тебя как, милый?

Я не могу сказать, все колу паю капельки... Батюшка крестит меня, голову мою – три раза – и говорит звонким голосом:

– Во имя Отца... и Сына... и Святого Духа!

Горкин шепчет мне на ухо:

– Ручку-то, ручку-то поцелуй у батюшки.

Я целую бледную батюшкину ручку, и слезы сжимают горло. Вижу – бледная рука шарит в кармане ряски, и слышу торопливый голос:

– А моему... – ласково называет мое имя, – крестик, крестик...

Смотрит и ласково, и как-то грустит в мое лицо и опять торопливо повторяет: – А моему... крестик, крестик...

И дает мне маленький кипарисовый крестик – благословение. Сквозь невольные слезы – что вызвало их? Не знаю – вижу я светлое, ласковое лицо, целую крестик, который он прикладывает к моим губам, целую бледную руку, прижимаюсь губами к ней...

Я гляжу через наплывающие слезы... Там, где крылечко, ярко сияет солнце, и в нем, как в слепящем свете, – благословляет батюшка Варнава».

Некоторые – не только миряне, но и иноки – сетовали иногда на старца, что тот, принимая посетителей, будто бы предпочитал людей более зажиточных. Особо нетерпеливые из посетителей даже указывали ему на это. Но и здесь проявлялась глубокая мудрость старца, умевшего уводить с распутий мира и указывать высшую цель христианина людям всех сословий. Хорошо понимая, что бремя Креста Христова вызывает людские нападки и не понимается живущими своеугодно, он иногда кротко говорил о причинах этого кажущегося предпочтения людей значительных. «Раб Божий, – говорил он по этому поводу в душевной беседе с близко знавшими его лицами, – мне как духовнику более известна жизнь тех и других. У благородных да богатых больше поводов к соблазнам и греховной жизни, чем у простых... Поэтому-то они больше и нуждаются в духовной поддержке». В этом-то влиянии старца не только на простецов, но и на людей с высоким положением и заключается особенность нравственно возрождающей деятельности опытного духовника – деятельности особенно ценной в дни всеобщего растрепывания... Было, несомненно, у старца и особое побуждение, по которому он принимал в своей убогой келье людей, стоящих на высших ступенях общественной лестницы. Он никогда не делал это лично для себя, но для блага меньших братьев. Скорбит, бывало, у батюшки безутешная вдова, печалуется ему смиренный служитель алтаря, делится с ним горестями своими настоятельница обители, а старец тут же и успокаивает скорбного посетителя: «Подожди, кормилец (или дочка), как нередко называл своих посетителей батюшка Варнава, – у меня есть один хороший человек, он поможет тебе». И, действительно, глядишь – скорбящий утешен надеждой на помощь и заступление. Так старец объединял своей любовью знатных и незнатных.

Свято храня апостольский завет: *у вас да будет с любовью*⁸, – отец Варнава действительно только и жил этой любовью ко всем. А любовь – поистине великая сила! Непрестанно вытесняя из сердца человека самолюбие и преисполняя его собой, любовь неудержимо стремится излиться и на все окружающее. Так и в жизни старца Варнавы: во всяком деле и слове всегда проявлялась его любовь. И не что иное, как евангельская любовь, овладев всей его душой, возвела отца Варнаву на высоту народного печальника и утешителя.

Не обращая внимания на себя, на свои немощи, всегда бодрый, жизнерадостный иеромонах Варнава даже одним своим видом вдохновлял и как бы оживлял всех вокруг себя. С каким терпением, бывало, ждут благословения и духовной беседы усталые, часто больные богомольцы, пришедшие за сотни верст, и какие оживленные, радостные выходят они из келлии «родного батюшки», забыв всякую усталость. С каким истинно отеческим вниманием и добротой отец Варнава принимал, бывало, духовное чадо, с детской доверчивостью открывающее перед ним все тайники своей души и ищущее отеческого наставления. Он обращался с таковым, как с больным ребенком, – осторожно, снисходительно, когда видел его слабым, и серьезнее, строже, когда взятый на попечение человек начинал духовно укрепляться.

«Вся жизнь моя, – говорит К., один из преданнейших духовных детей старца, – прошла под отеческим попечением родного батюшки, и если бы не он, не знаю, что было бы со мной теперь, после всего, что выпало на долю мою!» Это – искреннее признание человека, материально вполне обеспеченного, полного сил и здоровья, но совершенно упавшего духом из-за некоторых тяжелых обстоятельств личной жизни. Словом, любовь, одна любовь была в старце той силой, которая сподвигала его к взаимообщению со всеми теми, с кем он соприкасался. И сила эта была великая. Она творила чудеса духовного возрождения и, по слову святителя [Иоанна Златоуста](#), спасала болезненные души, готовые погибнуть, то подвергая их кроткому наказанию, то удерживая при самом начале от падения не только учением и наставлением, но и с помощью молитв. И сколько теперь таких людей, которые хранят в себе тайну своего духовного возрождения.

Молва о великом и многополезном служении старца не могла не дойти до священноначалия, и в награду за труды и в поощрение их в 1885 году отец Варнава был удостоен права ношения набедренника. 29 сентября 1888 года Учрежденный собор Троице-Сергиевой Лавры ходатайствовал перед Святейшим Синодом о награждении иеромонаха Варнавы наперсным золотым крестом.

В 1890 году иеромонах Варнава был назначен духовником братии. Монахи обычно приходили к отцу Варнаве вечером, и батюшка бывал им всегда рад. «С какою любовью занимался он с нами, – вспоминает один из них, – с каким терпением выслушивал он наши неразумные вопросы и как мудро, просто и отечески ласково наставлял он нас». Для братии монастыря двери его келлии всегда были открыты. Когда монахи спрашивали, можно ли прийти к нему и когда, батюшка отвечал: «Во всякое время можете, как только свободны и имеете что-либо сказать мне, хотя бы и самое маловажное, по вашему мнению. Мы и сами советуемся и оттого в грязи не валяемся». Старец не только всегда охотно принимал собратий, но даже выговаривал, бывало, когда его «сынок» не смеет беспокоить, сядет где-нибудь в сених в ожидании, пока сам батюшка

не отворит двери. «Ты что же не постучал? Всегда, как придешь, стучи, за послушание стучи всегда», – говаривал батюшка. И когда бы ни пришли к нему его «детки» – утром ли рано, днем ли в часы отдыха или поздно вечером, – никто никогда не замечал ни тени неудовольствия на лице его или в голосе. Любвеобильный старец не только не тяготился такими посещениями, но, случалось, и сам навещал своих чад, когда узнавал, что кто-нибудь из них захворал. Присматривал он за ними и во время несения ими послушаний. Войдет, бывало, в рабочую комнату и станет спрашивать, как они живут тут, не враждуют ли, мирны ли между собою. «За ваши святые молитвы, батюшка, у нас все хорошо и мирно пока», – скажут ему. «Ну и слава Богу, – порадуетя старец, – а мне больше ничего и не нужно!»

Счастлив был тот, кто пользовался наставлениями и советами старца. Это был истинно *пастырь добрый*⁹, который отечески ласково вразумлял уклонявшихся от правильного пути, учил терпению, защищал слабых и строг был с теми из братий, кто причинял неприятности или заставлял страдать других. Войдет, бывало, к старцу инок и начнет сетовать: «Батюшка, у меня все какой-то разлад в жизни: то в этом, то в другом согрешишь». Старец слегка хлопнет ладонью по лбу своего духовного сына да и скажет, улыбаясь: «Ах какой ты у меня монах! Все грешишь да грешишь. Ну, Бог простит тебя, сынок; с сегодняшнего дня положим доброе начало: будем исправляться, вот так и так поступать, чтобы противостоять греху и виновнику его – диаволу». Воодушевленный и наставленный старцем ученик становится на твердый путь духовной жизни, по возможности исправляется и совершенствуется в ней, благодаря Господа, что он имеет у себя такого опытного в иноческой жизни старца и дерзновенного пред Богом молитвенника.

По свидетельству наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Павла (Глебова; †1904), старец был силен духом в принятии на себя и несении немощей своих духовных чад, пока не поднимал их со дна погибели и не утверждал на пути ко спасению. «Однажды, – рассказывал архимандрит Павел, – когда был я на Соборе Лавры для обсуждения дела об одном лаврском монахе, к нам вдруг входит батюшка Варнава, прибывший по своему делу собственно ко мне. «Вот как хорошо, батюшка, – говорю ему, – Вас-то нам и надо!.. Помогите нам в нашем недоумении». А батюшка на это с улыбкой и говорит мне; «Куда уж мне, худому горшку, да с медной посудой знаться!» Невольно рассмеялись все на это, но потом все же объяснили батюшке суть дела, о котором много рассуждали, но не пришли ни к какому решению. Неблаговидное, даже прямо предосудительное, поведение одного монаха побуждало принять решительные меры к ограждению прочей братии от различных нареканий. С другой стороны, Собор не мог не принять во внимание молодость виновного и не оказать ему снисхождения. Батюшка, выслушав все, объявил, что берет на себя всю вину этого брата и сам будет отвечать за него везде, а его просил оставить в покое. И что же? Брат этот так

был признателен своему неожиданному благодетелю, что впоследствии был предан ему как сын духовный, что вскоре же стал неузнаваем по своему поведению, добрым и полезным сыном своей обители».

«Иногда, – рассказывал один скитский инок, – такая нападала на меня скорбь с унынием, что я просто приходил в отчаяние. Иду к отцу Варнаве, «открываюсь» ему. Батюшка скажет несколько поучительных слов, приведет какой-нибудь замечательный пример и притчу, и смотришь – куда только и девается скорбь! После этого думаешь: вот что значит опытный и благодатный старец».

Находились среди братии и противники таких отношений учеников со старцем, те, которые не видели пользы от хождения к нему. Иногда сомнение высказывалось некоторыми и вслух. Один ученик старца – скитский монах – шел однажды к нему, по обыкновению, поговорить с ним о себе. По пути сошелся он с другим иноком скита, который высказывался, что не стоит ходить к батюшке, незачем. «Нет, ходить нужно: если я и умру, а ты все-таки ходи!» – сказал батюшка, когда монах тот обратился к нему за советом относительно того, стоит ли, в самом деле, ему беспокоить старца своими посещениями.

Украшенные истинным смирением иноки были особенно близки и любезны любвеобильному сердцу старца Варнавы. Но и малодушных «деток» своих отец Варнава всячески старался поддерживать и давать им время нравственно подрасти и окрепнуть. Заметит, бывало, старец какие-либо тщеславные помыслы – и тотчас старается помочь исправиться тщеславному. Инок Гефсиманского скита Н. передавал следующее: «По пострижении нас (одиннадцать человек) в монашество, когда мы однажды пришли к старцу, тот по окончании беседы, смотря на одного из нас, говорит: «Вот, братия, вы теперь монахи – желание ваше исполнилось... Только священства добиваться [грех](#), а к монашеству стремиться похвально, и святые отцы искали монашества, а от священства даже уклонялись...» После брат, на которого батюшка смотрел, говоря эти слова, сознавался мне, что он пред этим как раз думал об иеродиаконстве».

Строг был батюшка к тем, кто старался выслужиться перед начальством. Однажды в трапезной, когда все были в сборе, он сказал одному монаху: «Брат, не будь Иудой; не бегай вперед жаловаться на подчиненных, а больше смотри за собой и исполняй свое послушание».

Во время церковной службы, когда не было исповедников, иеромонах Варнава всегда уходил в алтарь и там молился, не замечая ничего окружающего, духом уносясь ввысь – к престолу Того, Кому он посвятил всю свою жизнь. В молитве он черпал силы, находил покой. С какой верой он ежедневно утром преклонял свои колена перед чудотворными иконами Божией Матери – Черниговской и Иверской – и долго молился, прося Ее помощи себе и тем, кто вверил себя его молитвам!

При неустанном труде старец вел строгую постническую жизнь: в течение всей первой и Страстной недель, а также в среду и пятницу Великого поста он вкушал лишь по одной небольшой просфоре в день; а когда келейник упрашивал его подкрепиться, отец Варнава отвечал: «Ничего и не хочется больше; поверь, всякое дело трудно только поначалу, а потом так легко и самочувствие такое приятное и хорошее». Да и всегда он довольствовался только самым необходимым.

Вечно занятый, старец Варнава, казалось, совсем забывал о себе и подолгу оставался даже без сна. Впрочем, он и вообще спал не больше трех часов в сутки, поэтому его никто никогда не видал в постели. Как проводил он ночные часы у себя в келлии – одному Богу ведомо, но можно с уверенностью сказать, что ночь как единственно свободное время проходила у него в совершении келейного правила, в чтении, а иногда и в писании писем. Много раз заставляли его ранним утром, в четвертом часу, за этими занятиями.

При детской простоте души старец проявлял ту же простоту и в отношении своей внешности. Потертый ватный подрясник, закапанный воском; старенькая, полинявшая от времени ряса; летом и зимой суконная теплая шапка; валяные или кожаные сапоги – вот и все его обычное одеяние. И сколько, бывало, ни отбирают у него духовные его дети старенькую, заношенную одежду себе на память, взамен сшитой для него новой, батюшка всегда как-то умудрялся быть в своем обычном будничном виде. И едва ли кто видал его когда-нибудь иначе одетым. Даже тогда, когда он отправлялся по делам в Москву или Петербург, то совсем не думал о внешнем виде: в своей обычной домашней одежде и отправлялся в путь. «Батюшка, да вы бы переодели хоть ряску-то», – скажут ему иногда. А он с неизменной шуткой ответит: «Ведь я по сбору, как нищий, хожу, вот рваному-то мне скорее и подадут».

Вместо чая старец Варнава пил – и то лишь раз вечером – одну-две чашки кипяченой воды. Монастырские кушанья и простой хлебный квас были его обычной пищей и питьем. Братскую трапезу он мог посещать не всегда, так как почти все время был занят с посетителями. Бывало нередко, что, беседуя со своими духовными детьми, старец оставался целый день без пищи; принесенные ему с трапезы кушанья стояли нетронутыми до вечера. И только тогда, когда закрывали на ночь монастырские ворота, иеромонах Варнава «обедал». Когда ему случалось опоздать к общей трапезе, то он брал свои судочки и шел на кухню попросить себе чего-нибудь поесть. Так поступал он единственно лишь для того, чтобы быть «как и все» и тем прикрыть свое всегдашнее воздержание в пище и питии.

Провести без пищи сутки или двое для старца было делом обычным. Однажды в день храмового праздника «на Пещерах» батюшка был в числе служащих. Архиерейское служение закончилось поздно. Отец Варнава собирался ехать в Петербург и, боясь опоздать к поезду, тотчас же по

окончании службы поспешил к себе в келлию, чтобы собраться и уехать. Но в массе окружавших его богомольцев он продвигался к своему домику так медленно, что несколько сажен от храма до крыльца шел полчаса. В келлии, быстро одевшись, он положил в свою дорожную сумку «правильник», очки да шапочку и тотчас же отправился в путь, забыв поесть. Когда же бывшая тут монахиня напомнила ему об этом, старец, перекрестившись, сказал ей: «Благодарю Господа! Я подкрепился Святыми Христовыми Тайнами, а что же может быть дороже этого?» На вокзалах в Посаде и Москве от народа ему не было прохода до самого поезда. Затем ночь до Петербурга, там целый день до позднего вечера разъезды по знакомым домам, долгие беседы, трудные подъемы по высоким, крутым лестницам на четвертые, пятые этажи, и только уж вечером на вторые сутки смог сей труженик Божий поужинать в доме одной из своих духовных дочерей. Как-то раз батюшка прибыл в Иверский монастырь, тот, который сам устроил, о чем будет сказано в своем месте, и, придя в гостиницу, попросил себе «хлебушка с квасом», говоря, что с третьего дня не ел. Отдавая все свободные минуты на пользу ближних, батюшка часто едва-едва успевал к поезду, и только благодаря посторонней помощи ему удавалось пробраться к вагону сквозь окружавшую его толпу.

Привести в порядок келийку, то есть подмести пол, поправить постель, которую отец Варнава никогда не разбирал на ночь, да и сам не раздевался, ложась всегда в подряснике, вымыть посуду, – этот труд обычно брали на себя его «детки», так как сам старец не имел возможности содержать свою келлию в постоянной чистоте при множестве ежедневных посетителей. Келейник старца также не в силах был ежедневно следить за батюшкиной келлией, так как был занят всегда своим послушанием по церкви.

Кроме наставлений, иеромонах Варнава вел обширную переписку, едва успевая давать необходимые ответы, касающиеся неотложных нужд вопрошающих. Получаемую со всех концов России и даже из-за границы корреспонденцию, содержащую в себе большей частью исповедь или откровения тайников скорбящей души, батюшка после просмотра всегда уничтожал. Но случалось, что иные письма старец и не распечатывал, говоря, что отвечать на них не нужно. Не имея достаточно времени для того, чтобы собственноручно вести столь обширную переписку, отец Варнава пользовался услугами некоторых преданных ему лиц из числа духовных чад, которым и поручал давать надлежащие ответы за его собственноручной подписью.

Посвящая весь свой досуг скорбящим и обездоленным, старец Варнава находил время и для заочного поучения духовных чад. В его письмах-назиданиях видна всё та же любовь и попечительность о духовном благе ближних. С глубоким знанием слова Божия и святоотеческих творений в них соединяется его возвышенный духовный опыт, так что, читая его письма, невольно вспоминаешь поучения древних отшельников-аскетов, которые так

хорошо знали слабости греховной человеческой природы... А ведь это был смиренный простец-старец.

Любовь к ближним часто заставляла доброго старца совершенно забывать о себе: не раз он, бывало, подвергал опасности свое здоровье, когда выходил на крылечко к народу зимой или осенью – в ненастную погоду – в одной холодной рясе да шапочке на голове и долго-долго беседовал со всеми, благословлял, отвечал на вопросы, давал советы, наделял крестиками. А иной раз жаль станет ему всю эту озябшую, истомившуюся в ожидании толпу, и он всех сразу позовет к себе в келлию.

В [Великий пост](#) двери его келлии целыми днями не закрывались, и батюшка, принимая исповедников, тянувшихся к нему длинной вереницей, часами находился на стуже, стоя или сидя у аналая против входной двери. Неопустительно посещая церковные службы, все остальное время дня старец исповедовал богомольцев и братию скита и «Пещер». Лишь к одиннадцати часам ночи он снимал с себя епитрахиль и отходил на отдых. «А наутро войдешь, бывало, к нему пораньше, – рассказывал один иеродиакон скита, духовный сын старца, – а на лице его опять уже радостная улыбка, и следа нет от вчерашнего крайнего утомления. Но к вечеру опять еле-еле говорит, едва перемогается труженик Божий». И так весь пост проводил старец в подвиге своего духовничества. Но и в Светлое Христово Воскресенье, как и вообще во все праздничные дни, не было для него отдыха. «Для монаха праздника нет», – часто говаривал батюшка, разумея, конечно, просто отдых или праздное препровождение времени. Праздничные дни старец проводил в цельнодневных трудах и в подвиге молитвы. По праздникам он служил почти всегда, а затем в келлии начинался у него обычный прием посетителей до вечерни, когда он шел опять в церковь, уводя за собою и своих гостей.

Некоторые духовные чада иеромонаха Варнавы рассказывали и об особо знаменательных случаях доброй попечительности старца о них, когда он, невзирая на разделявшее их расстояние, вразумлял их.

Послушник Гефсиманского скита Николай Рулев (впоследствии монах Нестор) спустя шесть лет по поступлении в обитель, в октябре 1901 года, тяжело заболел и был помещен в скитскую больницу, откуда через месяц его по совету доктора отправили в Москву. Там ему сказали, что нужно делать операцию, но он не согласился и поехал к родственникам в Ярославль, где ему в городской больнице сделали операцию. Между тем в скиту никто не знал, где находится Николай, так как он ничего не сообщал о себе. В ночь на 26 февраля 1902 года во сне ему явился отец Варнава и сказал:

– Что ты, Николай, беззаботно тут лежишь? Ведь в скиту уже хотят исключить тебя из братства...

– Батюшка, – в смущении воскликнул Николай, – в таком случае благословите мне сейчас же ехать в скит и просить там, чтобы не исключали меня.

– Нет, нет, сынок, теперь еще нельзя ехать, – отозвался иеромонах Варнава.

Этим явлением послушник Николай был так поражен, что еще ранним утром попросил у больничной прислуги письменные принадлежности и написал два письма к своим друзьям: одно – в Гефсиманский скит, а другое – в Троице-Сергиеву Лавру, прося их, чтобы они немедленно известили его, что о нем там говорят. Те ответили, что 20 февраля скончался скитский игумен Даниил, а вступивший в управление скитом казначей иеромонах Иларию спросил известных лиц из братии относительно его, послушника Николая, и, не найдя никаких о нем сведений, хочет писать рапорт в Духовный собор Лавры об исключении его из числа братства. Николай письмом просил у отца Илария прощения за свое долгое молчание, умоляя о снисхождении. Иеромонах Иларию письмом простил, успокоил и обнадежил послушника. Оправившись от болезни, тот вскоре вернулся в скит.

Врачевание телесных немощей

Во исполнение завета своих старцев иеромонах Варнава с полным самоотвержением служил людям до конца своих дней. Он был для всех отцом и учителем в жизни, врачом немощей духовных, а нередко и телесных. Тем, кто приходил к нему с просьбой о помощи, старец предлагал иногда довольно оригинальные лекарства, но никто в них не сомневался, пользовали с полной верой.

Тем, у кого болели глаза, старец советовал смачивать их комнатной водой; флюс быстро излечивал, благословляя съесть натошак два-три сухих кусочка антидора без святой воды; боль в груди или боку, не поддававшаяся никаким лекарствам, утихала, когда по благословению старца больное место натирали маслом из его келейной лампы; горчичники и прочие домашние средства предлагались им часто, иногда даже в весьма серьезных случаях. Он признавал необходимость обращаться и за врачебной помощью, но не всегда одобрял операции. Чаще же всего, ради двоякой пользы человека, старец советовал усерднее молиться Богу, почаще приступать к Святым Христовым Тайнам, воздерживаться во всем от излишества и вообще быть повнимательнее к себе.

«Каждый день пейте святую воду натошак и просфоры кушайте – это лучшие лекарства!» – советовал батюшка. «Поменьше сладкого да жирного кушать, и здоровым будешь: хлеб да вода не сделают вреда», – пояснял он необходимость такой диеты. «Барыня благая, брось ты свой табак курить, вот и будешь у меня золотая!» – поразил батюшка своей прозорливостью одну особу, жаловавшуюся ему на боль в груди и на то, что доктора не могут правильно определить ее причину, и по ложному стыду умолчавшую о своем пристрастии к греховной привычке. Впрочем, иногда, смотря по «сыночку» или «дочке», мудрый «врач» предписывал и иное средство, вроде такого: «Ешь, пей больше – за послушание, больше спи, гуляй – и будешь молодцом!»

На жалобы духовных детей из монашествующих, особенно молодых, батюшка отвечал по-иному. С той же отеческой лаской он, бывало, вдруг и

объявит им в ответ на их скорбь: «Ах, да я очень и очень даже рад, что вы хвораете, это ведь на пользу вам – смирнее будете! Вот кладите-ка на ночь хоть по полсотенки земных поклонников – вот и полегчает! Поменьше спите – и голова не будет болеть».

На лечение у докторов в случаях неопасных он давал благословение неохотно, однако серьезно больным старец не только благословлял основательно полечиться, но и сам указывал, к кому обратиться.

Вот для примера несколько случаев, рассказанных его келейником иеромонахом Порфирием. Однажды приехала из Москвы пожилая дама и, показывая свой больной, опухший глаз, со слезами говорит: «Батюшка, доктора нашли, что глаз подвергся какой-то опасной инфекции и потому непременно нужно удалить его». И в это самое время ей подают телеграмму из Москвы с предложением немедленно возвратиться домой для операции, так как, по словам доктора, скоро последует заражение другого глаза. Весть эта громом поразила барыню, и она, как и ее дочери, с которыми она приехала, залилась горькими слезами.

Батюшка и говорит:

– Ну их!.. Не слушайте, а мочи больной глаз комнатной водой, и, Бог даст, болезнь пройдет. Слышишь?.. Никак не соглашайся на операцию...

Барыня уехала. Месяца через два-три она опять появилась у батюшки с совершенно излеченными глазами и благодарила за то, что он предостерег ее от операции и ради его молитв она избавилась от болезни.

Другой случай. Крестьянин из деревни Болгари Ярославской губернии Михаил Яковлевич Сворочаев пролежал десять лет разбитый параличом. Приглашали врачей; те говорили, что болезнь неизлечима. Убитая горем жена крестьянина отправилась в Троице-Сергиеву Лавру, а оттуда к старцу Варнаве и рассказала ему о болезни мужа. Батюшка, благословив ее, сказал: «Молись, раба Божия, молись: Господь милостив – встанет твой муж...» И что же? Возвращается она домой и видит, что муж ее, до сего лежавший пластом, вышел на крыльцо встречать ее. Изумилась женщина и от всего сердца вместе с мужем возблагодарила Небесного Врача, внявшего молитве достойного служителя Своего и оказавшего им такую милость.

Вот еще один случай, рассказанный женой одного московского священника, часто обращавшейся за советом к старцу Варнаве. Однажды у нее сильно занемог сын Володя. Из намеков врачей родители поняли, что недуг может окончиться смертельным исходом. С великой скорбью отец мальчика, тогда еще светский человек, отправился к старцу в «Пещеры». Старец ласково встретил его и сказал: «Не скорби, мальчик будет здоров. Вот пройдет дождичек, он и начнет поправляться». Выслушав эти слова, родитель, возвращаясь к себе домой, недоумевал: о каком дождичке говорил старец, тем более что небо в тот день было как-то особенно ясно и безоблачно? Но вот, желая освежиться, он часа через три пошел купаться на речку. К его

удивлению, из внезапно набежавшего облачка пошел маленький дождик. В этот момент отец совершенно забыл о старце. Но едва он вошел в дом, как встретившая его жена сказала: «А ведь нашему Володе-то стало лучше». Тут только родитель и успокоился, припомнив слова прозорливого старца Варнавы. После этого больной действительно скоро выздоровел.

Житель Нижнего Новгорода М. Г. Т-в сообщил следующее: «Во время ярмарки я имел магазин в пассаже, и в холерный год мне довелось видеть случаи внезапных заболеваний среди ярмарочной публики. Это так сильно подействовало на меня, что от испуга у меня открылся геморрой и сильно потом мучил меня несколько лет. Однажды в декабре месяце собираюсь я в Москву к батюшке. В начале пути я чувствовал себя удовлетворительно, а потом начались мои страдания. Ни сидеть, ни лежать. Из Москвы еду к батюшке за молитвенной помощью, но не застаю его, говорят, дня через три приедет. В скорби захожу к отцу Порфирию – келейнику батюшки и прошу его передать старцу, что я очень болен и прошу его святых молитв. С трудом добираюсь обратно до Москвы и зову доктора, который после осмотра заявил, что мне необходима операция. Мне становилось все хуже и хуже, я метался без сна и пищи два дня. Лишь под утро на третий день смог заснуть на несколько минут и потом почувствовал себя лучше. Четвертую ночь по приезде в Москву я спал хорошо, днем даже ходил по делам, хоть и с трудом, а вечером уже имел возможность выехать в Нижний. Домой приехал совсем здоровый, и после эта болезнь уже не возвращалась. Я сознавал, что исцеление я получил за святые [МОЛИТВЫ](#) батюшки Варнавы, и поспешил к нему с благодарностью. «Батюшка, вы меня исцелили!» – говорю ему. «Не я тебя исцелил, а угодники киевские», – отвечает мне смиренный старец. Я предлагаю ему самому сказать, что принести ему в дар. Батюшка сказал, чтобы я подарил богослужбное Евангелие для Иверской обители, что я и исполнил с любовью».

«Пребывание Ваше в нашем доме, – пишет старцу в 1903 году его духовный сын Л. Леонтьев из Петербурга, – было так кратковременно, но сколько добрых семян посеяли Вы в мою душу, дорогой батюшка! Как осветили Вы своим благословением всю мою жизнь, полную отчаяния, и сколько благих надежд подарили Вы мне!.. Вы заверили меня, что через год Вы встретите меня совершенно здоровым, и я не могу теперь не верить Вам после того, что опишу ниже.

Позволю себе напомнить Вам, что до посещения Вашего я все время и без пользы лечился у докторов. Но вот явились Вы и уверили меня, что я здоров!.. И, действительно, с Вашего посещения и благословения вот уже три месяца прошло, как я перестал лечиться и чувствую себя гораздо лучше!.. Теперь я уже не отчаиваюсь и в совершенном исцелении. И вот еще факт! Вскоре после Вашего посещения у меня настолько разболелся палец ноги, что я волей-неволей принужден был показать его врачу. Доктор нашел необходимым

операцию, и как можно скорее, иначе возможно заражение крови. Я уже помнил Ваше обещание мне полного исцеления и на операцию не согласился, предавшись в волю Божию. Я в то же время горячо молился Богу, призывая и Ваши святые молитвы, дорогой батюшка, а в душе трепетал за себя – так еще мало веры у меня!.. Но – чудесное дело! Что невозможно было для докторов, возможно у Господа: нога моя, хоть и нескоро, совершенно зажила, и теперь не осталось и следа болезни!

Кроме того, после Вашего посещения мне улыбнулась и служебная карьера (я служу в Государственном контроле, в департаменте военной и морской отчетности). Вскоре меня перевели к новому начальнику, который меня сразу полюбил и приблизил к себе. Вообще жизнь моя с Вашего посещения стала более радостною во всем! Мало прибегавший к Богу, я стал более приближаться к Нему. И во всю мою остальную жизнь буду молиться за Вас, дорогой отец Варнава: не оставляйте и Вы меня своими молитвами, так близкими к Богу!..»

Подрядчик Зайцев из села Наро-Фоминское Московской губернии сообщил, что у доктора Г. была сильно больна дочь, так что уже отчаялись и помочь ей. По приезде иеромонаха Варнавы жена доктора обратилась к старцу с просьбой помолиться о ее умирающей дочери. Отец Варнава, благословляя ее, сказал: «Бог милостив – будет здорова!» Присутствовавший при этом подрядчик Зайцев сильно усомнился в этом, зная, что больная при смерти. Но по отъезде отца Варнавы недели через две он узнал, что девица поправилась и уже ходит.

Известно немало и других случаев исцеления от различных болезней по молитвенному ходатайству блаженного старца, особенно же поразителен один из них, переданный самой исцелившейся, вдовой генерала У-го.

«В 1883 году я была близка к смерти: рак пищевода не позволял мне принимать твердую пищу. Я питалась исключительно лишь несколькими глотками воды в сутки. Мои врачи назначили операцию как единственно возможную мне помощь. Я согласилась, для чего и приехала из имения в Москву. Перед операцией я отправилась в Сергиеву Лавру, а оттуда и «на Пещеры», к Черниговской. Здесь-то и посетил меня Господь Своею великою милостью! Я была настолько слаба, что без посторонней помощи не могла двигаться. Моя дочь и прислуга едва были в состоянии поддерживать меня, когда мы выходили по темной узкой лесенке из пещерной церкви, где молились пред святой Черниговской иконой Божией Матери, вверх, на площадку – вход в бывшую тогда малую надпещерную церковь, на месте которой воздвигнут величественный каменный храм. Только что поднялась я наверх, гляжу: предо мною стоит какой-то средних лет иеромонах в мантии и епитрахили и осеняет меня с головы до ног иерейским благословением, а затем произносит слова: «Матерь Божия исцелит тебя, раба Божия, будешь здорова!» Потом, обратившись к стоявшему рядом с ним монаху, вдруг говорит ему: «Не плачь, она теперь будет ездить к нам!» Я невольно взглянула

на того монаха и вижу, что он совсем и не плачет, а взглянув потом на говорившего это, увидела, что его глаза были полны слез. При такой необычной обстановке состоялось мое первое знакомство с отцом Варнавой. Принятая им тогда же в келлии, я долго беседовала с ним на исповеди, готовясь утром к Святому Причащению.

Отпуская меня в гостиницу, батюшка как-то особенно настаивал на том, чтобы я непременно подкрепилась хлебом и чаем, хоть сколько могу принять. И, к немалому удивлению своему и бывших при мне родных, я действительно довольно свободно съела немного белого хлеба с чаем, чего давно уже не могла делать. И на следующий день, по принятии Святых Христовых Таин, я уже спокойно ела и другую твердую пищу. После того я провела целых шесть недель при батюшке, живя в гостинице, и уехала домой тогда, когда не осталось и следа страшного моего недуга».

Не меньшего внимания достоин и случай со священником Иверского монастыря отцом Н. С-м, свидетельствующий о том, как близок и скор был на помощь блаженный старец к тем, кто хоть и заочно, но искренно и с верой просил ее.

В 1892 году отец Н. С-в сильно страдал от головной боли, а затем почти лишился слуха и стал даже бояться потерять из-за этого место. Богослужения он совершал с помощью сестер, бывших по своему пономарскому послушанию в алтаре. Находясь в таком печальном состоянии, он решил съездить к отцу Варнаве попросить его святых молитв о себе и о своей немалой семье, могущей остаться без средств к существованию. Однажды утром, после прочтения правила перед служением литургии, с этими скорбными мыслями священник Н. впал в тонкое забытие, как бы уснул, сидя на стуле. Вдруг видит перед собой старца Варнаву, который, положив ему на голову свою руку, спрашивает его: «О чем скорбишь? Советую тебе: сделай по три поклона Спасителю, Божией Матери и ангелу-хранителю, с молитвою, а потом как можно сильнее высморкайся». Очнувшись и не видя никого около себя, отец Н. по вере к уважаемому старцу выполнил всё, как он советовал. Когда после поклонов с молитвой он стал громко сморкаться, вдруг отверзся его слух, и он стал слышать настолько хорошо, так отчетливо, что улавливал тиканье часов. Не доверяя себе от радости и никому еще не говоря о происшедшем, отец Н. направился в храм для совершения Божественной литургии. Здесь только, когда служил без посторонней помощи, он вполне удостоверился в своем исцелении. Передавая этот рассказ, отец Н. с полной уверенностью заявил, что получил исцеление силою святых молитв старца Варнавы.

Московский купец В. А. Ж-н сообщил об исцелении по молитвам иеромонаха Варнавы одного известного ему молодого человека. Это было в 1898 году, когда у того отнялись ноги и он долгое время лежал в постели, не чая когда-либо встать, так как лечившие его доктора признали его безнадежным. Родители больного были в большом горе, глядя на страдания

своего единственного сына. В. А. Ж-н просил отца Варнаву помолиться за это семейство, а батюшка пожелал сам посетить больного. Ж-н с радостью привез дорогого гостя к своим несчастным знакомым. Утешив их надеждой на милость Божию, старец сказал страдальцу, что через год он будет совершенно здоров и приедет в Лавру. Не успел батюшка еще выйти из дома, как больной почувствовал прилив живительной теплоты в ногах, а некоторое время спустя уже был в состоянии ходить при помощи костылей. Ровно через год он, совершенно здоровый, вместе с В. А. Ж-м приехал к батюшке, который встретил их с обычной своей лаской.

Заехал однажды старец к своим духовным деткам-петербуржцам и застал хозяйку дома на одре болезни. Уже полторы недели она лежала в жару, без сознания. Кусочки льда лишь несколько облегчали ее состояние. Отец Варнава подошел к больной и положил руку ей на голову. Женщина открыла глаза и, узнав старца, просила его святых молитв, едва выговаривая, что ей уже теперь не встать. Старец долго стоял около нее молча, не отнимая руки, а потом, поводя рукой по ее голове, лицу и груди, сказал: «Ты встанешь, дочка, и будешь здорова, а болезнь твою я беру и кладу себе в карман и увезу с собой». Затем, благословив больную, старец попрощался. По уходе отца Варнавы больная впала в продолжительный сон, а затем почувствовала себя гораздо лучше и в скором времени совершенно поправилась.

Подобных случаев было много. Но обычно старец облегчал болезни не столь явно, а под покровом юродства или обычной в его устах ласковой шутки. Жалуются, бывало, ему на боль в спине от простуды или от усиленных трудов, а батюшка, как бы в шутку, раза два ударит по больному месту, а потом посоветует свой обязательный во многих случаях горчичник, и «тогда все пройдет». Кто верил – по вере своей и получал желаемое. Голова ли болит у кого, батюшка и по голове постучит пальцами или возьмет ее обеими руками и крепко-крепко, до боли, сожмет, а сам все улыбается да приговаривает: «Ну, вот теперь и не будет болеть!» И, действительно, боль вскоре прекращалась.

В доме Ш-вых в Петербурге в ожидании приезда старца собралось однажды (как, впрочем, и всегда это бывало) много народу – своих и чужих. Во всех комнатах и на лестнице толпы гостей, званых и незваных, – все «детки» батюшкины. Раздался звонок. Быстро вошел старец, поддерживаемым хозяевами под руки, и на ходу благословлял, спрашивал, выслушивал, утешал... Одна женщина со слезами просила старца помолиться: ей предстояла операция по поводу рака груди. С ласковой улыбкой выслушал старец печальные слова больной женщины и вдруг, взяв ее за платок, накинутый на ее плечи, весело улыбаясь, сказал: «Да на что тебе операция? У тебя ведь ничего и нет!» Та удивленными глазами смотрит на батюшку и повторяет ему, что у нее рак груди и операция необходима. А старец, опять повторив: «У тебя же ничего ведь и нет, и никакой операции не нужно», – благословил ее и пошел. И что же? В тот же день женщина пришла снова в дом Ш-вых и

объявила, что боли в груди нет. Спустя некоторое время она убедилась, наконец, в своем выздоровлении.

Исцеляя телесные недуги, отец Варнава врачевал и душевные болезни. Его преданнейший духовный сын Т. Т-в передает следующий случай из своей жизни, свидетельствующий о том, что отец Варнава помог ему побороть страсть сребролюбия. «Приехал как-то раз батюшка ко мне и убедительно просил дать ему некоторую сумму на нужды обители Иверской. А я, грешный, сам не знаю почему, вдруг не только отказался исполнить его просьбу, да еще и начал заверять, что у меня нет денег. Но батюшка несколько раз и убедительно просил дать ему хоть займы и обещал скоро вернуть. Я же стоял на своем, заверяя, что у меня нет свободных денег. И старец Божий оставил меня в покое. И что же? Я всю ту ночь так мучился, так совесть угрызала меня, уличая в обмане, что я едва дождался рассвета и рано поутру помчался в Посад, захватив с собой вдвое больше денег, чем просил батюшка. Подъехав к «Пещерам», я прямо бежал к старцу. А он... уже на крылечке стоит и издали говорит, что давно поджидает меня! Со слезами раскаяния пал я ему в ноги и просил прощения в грехе своем. Родной батюшка простил, конечно, и успокоил меня, а принимая деньги, заметил только: «Ведь я от великой нужды беспокоил тебя, сынок!..“»

К мирянам старец был снисходителен, но до какой-то степени. Например, абсолютно возбранялась «дымная привычка». Одной курящей женщине, как уже упоминалось, обещал исцеление только при определенном условии: «Табачок-то тебе придется оставить...» Любителям вкусно поесть он обычно отвечал: «Поесть-то можно, но ведь помнить надо, что это потом черви съедят». Тем, кто заботился об удобной постели, он говорил: «Мягко спать можно, да помнить надо, что доски в гробу – жесткие». В сущности он напоминал слова апостола: *«Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною»*¹⁰.

Но в чем иеромонах Варнава был неизменно строг и требователен – это в том, что касалось вопросов веры и Церкви. Как говорил епископ Трифон (Туркестанов), в батюшке необыкновенная кротость и смирение соединялись с особой строгостью и ревностью к вере православной, к неуклонному хранению в апостольской чистоте и совершенстве всех догматов Православия. Именно такое сочетание – человеческая мягкость и необыкновенная внутренняя сила, ощутимая в речах и наставлениях старца, является, по словам владыки Трифона, следствием постоянно пребывающей в нем благодати Святого Духа. Гефсиманский старец, известный своим снисхождением к человеческим слабостям, твердо встал за истину Церкви в случае с философом В. С. Соловьевым. В начале 90-х годов отец Варнава удалил от себя этого нарушителя догматов Православия, причащавшегося без крайней нужды за католической мессой, с таким напутствием: «Исповедуйся у своих ксендзов».

Уже по своей воле (или Промыслом Божиим) не сподобился окормляться у отца Варнавы еще один мятущийся философ, духовный сын преподобного [Амвросия Оптинского К. Н. Леонтьев](#) (в монашестве Климент). Отец Амвросий никогда не встречался с отцом Варнавой, знал его духом и почитал настолько, что благословил монаху Клименту поселиться близ Гефсиманского скита и жить под руководством старца Варнавы. Леонтьев не успел исполнить наказ своего духовника: он переехал в Сергиев Посад и вскоре, в 1891 году, скончался. Правда, отец Варнава принял у него последнюю исповедь, убедил его «покориться воле Божией».

В большинстве же своем тот, кто хотел, попадали к старцу. Невозможно сосчитать, сколько на Руси Святой было рассеяно духовных чад отца Варнавы, которые получали от него вместе с назиданиями: «молись», «терпи», «Господь исцелит», «Господь умиротворит злое сердце» еще и укрепление в вере, исцеление душевных и телесных недугов!

Дар прозорливости

Живая вера в Бога, глубокое самопознание, ум, просветленный Божией благодатью, опытность, приобретенная долговременным навыком общения с людьми всех возрастов, званий и состояний, – все это сообщало живому слову старца Варнавы силу, убедительность, зачастую оно касалось событий из прошлого, настоящего и будущего в жизни незнакомого собеседника.

Многим угодникам Божиим был свойствен дар прозорливости. Имел его и отец Варнава. Приведем в связи с этим некоторые свидетельства.

За год до кончины строителя Черниговского скита игумена Мефодия к нему пришел по одному делу скитский иеродиакон Н. и застал его плачущим.

– Что с Вами, батюшка? Почему Вы плачете?

– Плачу потому, что мне осталось жить на этом свете только один год.

– Как так? – удивленно спросил Н.

– Да так: иеромонах Варнава предсказал. Я раньше мало придавал этому значения, но, когда оно сбылось на игумене Иларию († 2 октября 1912 г.), я поверил, что оно сбудется и на мне. Предсказал же нам старец о нашем игуменстве и затем о нашей смерти давно, еще при жизни игумена Даниила († 20 февраля 1902 г.), когда отец Иларию был казначеем, а я проходил послушание в «Пещерах». Однажды пришли мы к отцу Варнаве в келлию. Старец посадил нас возле себя и начал с нами беседовать. В ходе разговора он, хлопнув рукой по плечу отца Илария, сказал:

– Будешь игуменом!.. Десять лет. И ты будешь – три года, – посмотрев на меня, произнес он.

Так как Варнава сказал об этом вроде бы в шутливом тоне, то и мы ответили тоже шутками. Впрочем, исчисление старцем лет нашего игуменства заставило нас призадуматься... Но вот отец Иларию, согласно предсказанию отца Варнавы, умер, действительно, после десятилетнего пребывания строителем скита. Теперь, значит, очередь за мною...

И что же? Отец Мефодий, когда никто и не думал, что он скоро умрет, в декабре 1915 года заболел, а 15 марта следующего года скончался, пробыв, по предсказанию отца Варнавы, скитона начальником три года.

Когда послушник Захария (будущий старец Троице-Сергиевой Лавры схиархимандрит Захария) прибыл из Белых Берегов паломником в Гефсиманский скит, где жил иеромонах Варнава, он увидел массу народа: все столпились, хотят видеть старца Варнаву, а пройти к нему нет возможности. Но вот батюшка вышел и, обратись к толпе, сказал: «Где тут лаврский монах? Иди-ка сюда». Никто не откликнулся на зов, так как в толпе не было лаврских монахов. Старец сошел по лесенке вниз и говорит: «Дайте, дайте пройти лаврскому монаху». Подошел к юному послушнику, взял Захарию за руку, ласково так: «Ну иди, иди в мою келлию». – «Я не лаврский монах, я из Белых Берегов», – возразил Захария. «Да я знаю, что ты там жил, а теперь будешь жить в Лавре и будешь лаврским монахом». Введя в свою келлию обрадованного Захарию, старец благословил его и сказал: «Будешь жить у Преподобного Сергия и ко мне в Гефсиманский скит приходить». – «А вдруг да не примут меня?» – сказал Захария. «Примут! Иди к лаврским воротам, там тебя уже три начальника дожидаются». После старца Захария пошел в Лавру, и, действительно, у ворот стояли игумен и два монастырских начальника. Захария попросил их принять его на жительство. Они согласились, и Захария стал лаврским монахом.

Миссионер Нижегородской епархии священник Владимир Орлов сообщает об одном событии из своей жизни, свидетельствующем о прозорливости иеромонаха Варнавы.

«Более 15 лет тому назад, когда я служил всенощную в монастырском соборе (отец Владимир был священником Иверского монастыря) вместе со старцем Варнавою, он мне сказал: «Вот, сынок, тот человек святой, который отслужит литургию, причастится и тут же в алтаре пред престолом Божиим помрет». Я тогда не понял значения этих слов, а когда последовала блаженная кончина сего святого старца, именно когда он предал свою праведную душу в руке Божии, склонив к престолу свою голову и держа в руке крест Христов, я уразумел значение этих вышеизложенных его слов, коими он задолго предрекал свою кончину».

О прозорливости иеромонаха Варнавы говорят и два других случая, рассказанных тем же священником Владимиром Орловым. «Часто посещая Москву по должности миссионера, я нередко останавливался в квартире священника академика Павла Ивановича Дробова (в Грачах^{[11](#)}). Религиозный человек и мой душевный друг, он не вполне признавал достоинства иеромонаха Варнавы. В минувшую Пасху (1907 г.) я был в Москве и вновь, по обычаю, посетил отца Павла. Он со слезами на глазах стал рассказывать мне о даре блаженного старца Варнавы предвидеть будущие события. Во время минувшей японской войны в его приходе «Никола в Грачах» жило семейство

запасного рядового солдата, которого назначили на вторичную службу в Маньчжурию. Жена его убивалась, день и ночь плакала о том, что ее кормильца возьмут на войну, убьют. Что она будет делать с кучей детей – семь человек?! И вот в такой беде пришла она однажды к отцу Павлу, прося сообщить ей, когда приедет отец Варнава в контору купца Ивана Федоровича Рубцова. В скором времени отцу Павлу пришлось быть свидетелем следующего разговора старца с этой женщиной. Услыхав, что иеромонах Варнава в конторе у Рубцовых, она с горькими слезами пришла к ним. Но, прежде чем от слез женщина могла сказать что-либо, отец Варнава обратился к ней: «Ну что, неразумная, плачешь! Твоего мужа не возьмут в солдаты. Но лучше бы тебе было, если бы его взяли, да на твое горе его не возьмут. А ты родишь сына, назови его Серафимом, он будет монах от чрева матери». И, действительно, ее мужа в солдаты не взяли, а женщина, по словам отца Павла, родила младенца (скопца от чрева матери) величиной с двухгодовалого ребенка и без боли. Отец Павел его крестил и назвал Серафимом. А муж несчастной этой женщины стал пить, бросил жену и детей, много раз терзал их без милосердия, завел себе незаконную женщину, так что от горя его несчастная жена неоднократно покушалась на самоубийство».

А вот что произошло с одной знакомой отца Владимира – немолодой уже девушкой, имевшей чистое сердце, но несколько своеобразно веровавшей, хотя и остававшейся в тесном общении с Матерью Церковью, но не любившей ни монастырей, ни монахов. Татьяна Егоровна – так звали эту особу – жила в Москве, у храма Христа Спасителя. По профессии она была акушерка, имела очень хорошую практику в богатых московских домах, но вечно нуждалась, потому что на свой довольно значительный заработок она всегда смотрела как на достояние всех неимущих. «Под впечатлением моей встречи с батюшкой, – вспоминает отец Владимир, – я завел с Татьяной Егоровной речь и о нем и спросил, знает ли она его».

– Знаю, – был ответ, – не только знаю, но почитаю в нем Божиего угодника-прозорливца. Он разбил все мои мудрования о монастырях и о монашествующих и своим примером уверил, что и в наше время на нашей грешной земле еще есть святые. Вот что было со мною... Помните, какого шума в интеллигентном обществе наделала англичанка Кэт Марсден, устроившая в Сибири среди инородцев поселки зараженных проказой? Подняла она тогда на ноги всех, кто в России еще не утратил сердца; задела она за живое и мое сердчишко.

И вот задумала я бросить все и ехать в Сибирь к прокаженным. Завела я переписку по этому поводу с уездным начальством того края, о котором поведала Кэт Марсден; стала получать и ответы – словом, упорно готовилась принести себя в жертву ради любви Христовой. Дело мое налаживалось и уже дошло до того, что я собралась распродать свое большое имущество, забрать кое-что из своих пожитков и ехать в далекую Сибирь. Никому, решительно

никому я не говорила ни о своем намерении, ни о своей переписке, все таила в себе и поверяла только одному Богу, пред Которым изливала всю свою душу, прося Его благословить мой предстоящий подвиг. Почти накануне моих окончательных тайных сборов я зашла к близким знакомым, чтобы проститься с ними, и здесь узнала, что они с минуты на минуту ждут отца Варнаву.

– Кто это? – спросила я.

– Да разве Вы не знаете иеромонаха Варнаву от Черниговской у Троице-Сергиевой Лавры?

Я слышала о нем кое-какие рассказы, но не придавала им значения; очень уж не любила тогда монахов. И мне было обидно, что вечер у близких для меня людей оказался испорченным. Решила посидеть немного для приличия и удалиться восвояси. Но, прежде чем я успела привести свое намерение в исполнение, в передней раздался звонок и в столовую, где мы сидели за чайным столом, вошел быстрой походкой старичок-монах с наперсным крестом на груди, сопровождаемый толпой домочадцев богатого дома моих знакомых. Я отошла в сторонку, чтобы не мешать изливаниям чувств домохозяев, и, воспользовавшись некой суматохой, хотела ускользнуть незаметно. Но не утаилась я от отца Варнавы.

«А это у вас кто?» – спросил он хозяев, взглянув на меня. Меня представили. «Э, да какая ж ты у меня хорошая!» У меня шевельнулось в сердце враждебное чувство: и чего он вдруг вздумал передо мной заискивать? Не знает меня, в первый раз видит, а называет хорошей!.. Все это – монашеское ханжество и лицемерие!.. А батюшка не унимался, взял меня за голову да и говорит:

– Хорошая-то хорошая, да нехорошее думает! Пойдем-ка со мною в другую комнату да поговорим по секрету!

Я, полусознательно подчиняясь какой-то неведомой мне власти в голосе старца, смиренно пошла за ним в соседнюю гостиную. Старец затворил за собою дверь, сел на диван, усадил и меня. «Сядь ко мне поближе!» – сказал он ласково, но с тою же властью в голосе. Я подвинулась и села с ним рядом. Опять что-то гадкое и враждебное зашевелилось в моем сердце. Старец взял мою руку. Еще тяжелее стало у меня на сердце, еще неприязненнее.

– Скажи мне, дочка, что ты такое задумала в своей головушке? Иль тебе здесь дела нет? Иль ты здесь совсем бесполезна и никому не нужна? Зачем, родная, ты собралась туда ехать?

Я обомлела и вне себя, ничего не чувствуя, ничего не сознавая, тихо ответила старцу, как другу, как отцу или матери родной:

– Батюшка! Там подвиг, там страдание: некому утешить, некому прийти на помощь... Всеми забыты, всеми отвержены!.. Там гибнут люди, всем чужие, не нужные никому!..

– Так ли все это, дочка! А здесь, при том деле, на которое тебя привел Господь, разве нет страданий? Разве не нужно утешения, не могут разве и здесь гибнуть люди, которых тебе Господь пошлет по твоему пути? На кого

ты этих-то бросишь, тебе известных? А для чего? Чтобы бежать неведомо куда, неведомо зачем, на дело, которому ты не обучалась, к людям, которых ты и языка-то не знаешь?.. На твой путь, на твой крест тебе даны силы; а будут ли они тебе даны на крест самоизвольный? Гордость это, дочка, а не подвиг: не хотим незаметного, малого да определенного Богом каждому по его силам, а хватаемся за большее, да не наше... Слушай, дочка, что я, грешный иеромонах Варнава, тебе скажу: нет тебе Божиего благословения, оставайся здесь, и здесь Господь благословит твой подвиг. А туда, если Богу нужно, пойдут другие, которых на то Господь призовет.

Я, как малый ребенок, рыдала на батюшкином плече, и легко, светло и радостно было на сердце. Всю душу обновил во мне старец. А он, благодатный, сидел около меня, гладил своею ручкой мою голову и только приговаривал:

– Так, так, дочка! Да благословит тебя Господь, да утешит, да успокоит. Так, моя родная!

Я не поехала и теперь каждый день благодарю Бога и уже верую, что между монахами есть святые, а от моего суемудрия в вере православной и следа не осталось.

Московский купец Иван Федорович Рубцов сообщил следующий случай. Его сын, воспитанник среднего учебного заведения в Ярославле, во время англо-бурской войны¹² сбежал из дома с товарищами, чтобы ехать в Африку на помощь к бурам. «И вот мы с женой, – рассказывал купец, – три дня были в страшном горе, во все концы России разослали телеграммы о поимке сына и уже отчаялись найти его. Я решился съездить в Сергиевскую Лавру к отцу Варнаве и попросить его молитв и совета, что делать. Вместе со мною туда же ехал один студент-атеист, который, узнав о цели моей поездки к иеромонаху Варнаве, стал уговаривать взять его к сему «чудотворцу», – и я взял. Войдя в келлию отца Варнавы, я со слезами взял у него благословение, а он, не выслушав еще ни слова, сказал: «Ну, что ты плачешь?! Твоего сына завтра же привезут в Москву с другими восемнадцатью товарищами на такой-то вокзал». А к студенту подошел и, благословляя его, сказал: «Ты окончишь курс первым, женишься, будешь прекрасным семьянином и уверуешь в Бога». И все это исполнилось в точности».

Одна из почитательниц отца Варнавы после его кончины рассказала об одном замечательном случае прозорливости старца. Расставшись со своим братом, она долгое время не получала о нем никаких сведений. Случайно услышала, что брат ее будто бы скончался. Явившись к старцу, она спросила его, жив он или умер. Старец задумался, как-то погрузился и потом, обратившись к ней, сказал: «Нет, брат твой жив, но во грехах своих он умер». Действительно, через некоторое время она встретила с братом, но при этом узнала о нем такие подробности, из которых поняла, что брат ее пошел по пути тяжкого порока.

«В течение тридцати лет моего знакомства с батюшкой мне много раз приходилось бывать у старца по разным житейским надобностям, – пишет московский домовладелец В. Г-в, – и много раз я испытывал на себе силу его молитв. Теперь расскажу историю, свидетельствующую о даре прозорливости благодатного старца.

Обратился я как-то к батюшке за благословением на одно предприятие. Старец не советовал начинать это дело и говорил: «У вас будет много неприятностей». Я же все просил его благословить. Тогда батюшка вышел из келлии на крыльцо, поглядел на небо, подумал и сказал: «Если вы только так просите – благословляю». Получив благословение, я приступил к делу.

Все шло благополучно, пока я не сделал публикации, с которой и начались все неприятности. Акцизное ведомство пожаловало ко мне на квартиру, составило протокол и обвинило меня по двум уголовным статьям, в которых указывалась моя виновность. По одной статье закона – штраф в шестьсот рублей, по другой – три месяца тюремного заключения. Дело от мирового судьи перешло на съезд¹³, где слушалось три раза, и, несмотря ни на какие доводы акцизного ведомства, суд меня оправдал. В то время, когда дело мое было на съезде, я обратился к отцу Варнаве посоветоваться и рассказал о своем положении. Старец благословил меня, обещал помолиться, подумал немного и сказал: «Вам ничего не будет». Слова батюшки сбылись в полной мере».

Отец Варнава помог полковнику Павлу Ивановичу Плиханкову (будущему старцу преподобному Варсонофию) поступить в Оптину пустынь. Преподобный иеромонах [Амвросий Оптинский](#) повелел Плиханкову закончить все служебные дела за три месяца, с тем что если он не приедет к сроку, то погибнет. На обратном пути, вероятно, уже по благословению старца Амвросия, заехал Павел Иванович в Черниговский скит. Там прожил он шесть дней, исповедовался и причастился. Повидал он и старца Варнаву, возле келлии которого всегда толпилось множество народа, как и в Оптином скиту у «хибарки» отца Амвросия. В «Келейных записках» за 1892 год отец Варсонофий сделал краткую запись об этом посещении: «Заехал по пути в Троице-Сергиеву Лавру и оттуда зашел в скит, где сподобился видеть отца Варнаву. При взгляде на меня он говорит: «Вам нужно жениться! Проживете долго, долго проживете. У Вас болезнь от простуды...» Действительно, я тогда страдал от инфлюэнцы и не рассчитывал на выздоровление. Слова же «вам нужно жениться» понял после, ибо они означали вступление в духовный союз с Христом». Слова старца Варнавы истолковал Павлу Ивановичу в Оптиной отец [Анатолий \(Зерцалов\)](#): «Каждая душа христианская есть невеста Христова, следовательно, надо «жениться», то есть соединиться со Христом; слово же «простудился» означает духовную болезнь, от которой страдает человек, пока не изобразится в нем Христос¹⁴». 28 декабря 1909 года отец Варсонофий сказал своему будущему преемнику, послушнику [Николаю Беляеву](#): «Я никому не говорил никогда, а Вам скажу. Когда я ездил к отцу

Варнаве, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне: «Будут тебе все кланяться...» – и, действительно, кланяются... А потом: «Будешь жить и творить молитву Иисусову"». Стал Павел Иванович монахом, потом скитона начальником, потом настоятелем монастыря, а Иисусову молитву начал творить еще послушником и достиг в этом делании великих успехов...

А тогда при уходе из мира возникали всякие препятствия. Приехал Плиханков в Петербург за отставкой, а ему предлагают более блестящие перспективы и отставку задерживают. Товарищи смеются над ним, деньги не выплачивают, он не может расплатиться со всеми, ищет денег взаймы и не находит. Но его выручает старец Варнава, указав, где их достать, и тоже торопит исполнить Божие повеление.

Один близкий родственник упоминавшегося домовладельца задумал жениться и уже устроил бал. Потом они с невестой отправились к батюшке Варнаве за благословением на женитьбу. Старец сказал, что свадьбы не будет. А когда жених заявил, что их уже благословили, батюшка опять повторил, что «хоть и благословили, а свадьбы не будет». Со временем молодой человек узнает про свою невесту такие вещи, после которых жениться уже никоим образом нельзя было, и предсказание старца сбылось.

Старец Варнава часто указывал людям волю Божию в различных житейских ситуациях.

Молодой, образованный и весьма состоятельный человек открыл иеромонаху Варнаве свое давнее желание и решимость посвятить себя на служение Богу в иноческом звании, но услышал от старца мягкую, но настоятельную просьбу послушаться его – оставить эти мысли и вступить в брак, причем сам же батюшка указал и достойную невесту. Молодой человек потом никогда не жалел, что оказал послушание старцу, и оставался его преданным духовным сыном.

Бывало, из послушания старцу молодая интеллигентная девушка удалялась в обитель, а иную, против ее желания, батюшка оставлял в миру до некоторой поры «потомиться» для чего-то, и в свое время выяснялась польза для обеих, с верою принявших благословение отца Варнавы.

Из послушания старцу некто Ш., человек, не имевший больших средств, купил сначала деревянный домик в Петербурге, а потом уже через несколько лет построил на том же месте огромный шестиэтажный дом. Долгое время не решался Ш. начинать такую великую стройку, но батюшка настаивал, говорил, что до тех пор не приедет к нему, пока не будет у него нового дома. Пришлось повиноваться. «Теперь новый дом с избытком вознаграждает меня за все труды и лишения, понесенные во время стройки, – говорит г. Ш. – Батюшка хвалил за послушание, а я не знаю, как и благодарить его за «приказание» и настоятельные уговоры послушаться его».

Как мудрый духовный руководитель, батюшка с любовью советовал, как поступить в тех или иных житейских затруднениях. Один московский житель

рассказывал следующее: «Служил я приказчиком у некоего г. М-ва с жалованьем в пятьсот рублей. Вынужденный по некоторым обстоятельствам оставить это место, я думал было открыть торговлю, да без необходимого капитала это было бы слишком рискованно. Не зная, на что решиться, я поехал на богомолье в Троицкую Лавру, а оттуда и «на Пещеры». Тут, у крыльца батюшкиной келлии, стою я среди других посетителей и думаю про себя: «Ну что я буду беспокоить старца своими нуждами? Уж идти ли мне к нему?..» Но вот на крылечко вышел сам отец Варнава и, подозвав меня к себе, вдруг говорит: «Что ты думаешь – торговлю что ли открывать без денег? Ступай-ка ты с Богом домой, не беспокойся!»

Пораженный прозорливостью старца, я даже не спросил, что же мне теперь делать. С тем и возвратился в Москву. Но вскоре же по молитвам батюшки я поступил в приказчики на восемьсот рублей жалованья.

В другой раз поехал я к отцу Варнаве за благословением на женитьбу сына. Благословляя меня, батюшка не один раз повторил: «Про невесту-то хорошенько узнай, смотри же – хорошенько узнай». Это предостережение заставило меня призадуматься, так как невесту я хорошо знал. Что же вышло? Приезжаю домой и узнаю пренеприятную новость. Оказывается, невеста самовольно ушла от родителей и потом вышла замуж за другого».

Один монах Оптиной пустыни отец М. пишет следующее: «В 1898–1899 годах у меня был острый катар, который впоследствии превратился в хронический. Я ездил в Москву к специалистам по горловым болезням. Между тем счел долгом поклониться мощам великого угодника Преподобного Сергия, откуда ходил в Гефсиманский скит к старцу Варнаве. Рассказал ему, что, будучи певчим, потерял голос и все время страдаю горлом, о чем глубоко скорблю, падаю духом. Пища пустынная, весьма суровая – не по моей болезни, а для поддержания здоровья средств не имею и думаю перейти в один из московских монастырей, где лучше условия жизни. На это старец Варнава сказал: «Нет, сынок, не уходи из своего монастыря, живи там; здоровье твое поправится, а когда станешь диаконом, тогда и голос у тебя будет». В то время я о диаконстве еще не мечтал и мало имел надежды на излечение горла и на восстановление голоса, но совет старца меня ободрил и успокоил. Я остался в своей обители. Почти через шесть лет сбылись слова, сказанные отцом Варнавою. Меня посветили в диаконы в 1904 году, 22 августа. Я начал служить подряд сорок дней. С первых дней стал замечать улучшение, затем вскоре голос мой совершенно исправился и болезнь не возвращалась. В настоящее время, ежедневно участвуя в клиросном пении, я не чувствую никакого недуга. Так, неоценимую услугу оказал мне батюшка Варнава своим советом, удержал меня в обители, о чем, может быть, потом я немало скорбел бы».

Монахиня Иверского монастыря М. Н. рассказала случай, имевший место в ее семье. «Задумал отец мой открыть трактир в том же городе, где и жил он тогда со своей семьей, и отдать его в ведение своего сына Феодора. Прежде

чем начать дело, отправилась моя матушка вместе с внуком, сыном Феодора, мальчиком еще небольшим, «к Троице» помолиться. Зашли к батюшке Варнаве, чтобы испросить его благословение на это новое дело. Но старец не благословил, сказав, что им, как людям старым, все это будет не под силу. А когда моя мать продолжала настаивать на своем, говоря, что не им, старикам, а сыну Феодору придется вести торговлю, то батюшка решительно отсоветовал открывать трактир, сказав, что «и Феодору поздно». Не поняли они тогда этого ответа старца, но все же о трактире перестали думать. Вскоре же открылось, почему «и Феодору поздно» было. Не прошло и года, как мой брат Феодор, до того вполне крепкий, здоровый мужчина, заболел и вскоре умер».

Случалось, что данное старцем благословение неточно исполнялось или же совсем не исполнялось испросившими его и последствия послушания бывали печальными.

Московский купец М-в просил благословения выдать замуж дочь за известного ему человека. Старец Варнава не дал благословения и притом прямо сказал М-ву, что придется ему взять троих, если не послушает теперь и отдаст дочь. Так и случилось: пришлось взять к себе и содержать дочь с двумя детьми, поскольку замужество ее оказалось не из счастливых, молодая женщина разошлась с мужем и переселилась к отцу.

Подобный случай имел место в Петербурге. Старец, по рассказу преданного ему духовного сына, в одно из своих посещений Петербурга прибыл в дом С-ва. Здесь происходило семейное торжество по случаю помолвки дочери С-ва с молодым человеком, по всему, как казалось родителям невесты, женихом подходящим. Все чрезвычайно были рады дорогому гостю и просили его благословения и молитв о молодых. Старец же, к удивлению и огорчению всех, прямо сказал, что не следует выдавать дочь за этого жениха, иначе пожалеют потом, да будет поздно. С тем и уехал от них батюшка, торопясь посетить еще многих ожидавших его в Петербурге. Поздно вечером прибыл он в дом г. Ш-вых на ночлег и, несмотря на то что было уже 11 часов вечера, вспомнив опять о помолвке дочери С-вых, послал к ним человека с убедительной просьбой отказать жениху. Но те все уже решили, и свадьба в конце концов состоялась. В скором времени, однако, пришлось со скорбью убедиться в том, что старец провидел печальную участь молодой женщины и хотел предотвратить ее. Зять имел характер неуживчивый до крайности, часто менял службу и долгое время оставался без должности. Молодая женщина заболела, и родителям ее поневоле пришлось иметь полное попечение о ней и ее семье.

Московский торговец Б-в задумал прибавить свету в своей лавке и просил благословения у старца прорубить со двора окно. Батюшка же советовал ему прорубить окно с улицы, а со двора не благословлял. Б-в рассудил, однако, по-своему и сделал окно со двора. И пострадал за послушание: чрез это окно

забрались в лавку воры и причинили ему значительные убытки, похитив немалую сумму денег.

Мудрый старец некоторое время удерживал одного молодого человека, которого знал с детства, от женитьбы, предлагая ему подождать два года. Причину отсрочки, однако, не называл. Молодой человек, дожидаясь некоторое время, приблизительно года полтора, обручился. Когда близкие его сказали о том старцу Варнаве, тот очень встревожился и выразил желание непременно и поскорее видеть его с невестой у себя. Молодые отказались приехать. Свадьба состоялась, а через семь месяцев молодой человек заболел брюшным тифом и скончался.

Батюшка строго запрещал посылать что-либо родным из монастыря – деньги или вещи. «Я и сам, – часто говаривал он, – никогда ничего из монастыря не посылал своим родным: это было бы не на пользу им». Однажды послушник Гефсиманского скита Георгий, впоследствии монах Геннадий, просил у старца благословения помочь родным и оказать им какую-либо материальную поддержку. Батюшка не дал благословения. Георгий, однако же, не послушался. И вскоре пришел он к старцу просить прощения заслушание и рассказал, что у его близких все сгорело. Батюшка заметил ему на это, что «давать из монастыря что-либо в мир все равно что подкладывать огонь».

Врачуя душевные недуги духом кротости, старец незаметно для человека приводил его к осознанию своей греховности, возрождал к новой жизни, развивал в нем стремление к духовному совершенствованию по евангельским заповедям, давал возможность познать и почувствовать глубокие запросы его духа. Искренность и теплота отеческого слова способствовали восприятию добрых советов старца.

В дом III-вых в Петербурге в одно из посещений старца пришли два незнакомых человека; один из них был военный. И он на вопрос прислуги, кого им угодно видеть, с нескрываемой насмешливостью ответил: «Святого старца Варнаву». Та по-простому заметила, что батюшка еще в столовой кушает, и просила подождать в гостинной. Военный и тут не удержался от злобной насмешливости, выразив свое удивление по поводу того, что даже «и святые-то, оказывается, кушают!» Такие выходки смутили служанку, и она пожалела, что приняла этих господ. Но вот иеромонах Варнава появился в гостинной и, ласково беседуя со всеми, кто там был, подошел к военному. Тот почтительно поклонился и просил благословения. Старец поцеловал его в голову, отвел в сторону, сел и тихо, но как-то особенно задушевно начал беседовать. Не устоял и этот «сын» перед величием духа дивного старца: забыв вся и всех, он со слезами на глазах опустился перед старцем на колени и, взяв его руку, не переставал целовать ее. А старец, с отеческой любовью внушая что-то, другой свободной рукой ласково гладил его по голове.

Одна из монахинь Иверской обители приводит пример нравственного воздействия старца, свидетельницей чего она сама была.

«В 1901 году, в октябре, оказалась я у батюшки по делам монастыря. Приблизилось время отъезда, а извозчик все не появлялся, что меня беспокоило, так как дорога осенью до вокзала очень непростая. Но батюшка успокоил меня, сказав, что я поеду с барыней и даже на паре. Какую ждал он к себе барыню, я не спросила, думала, что кто-нибудь из знакомых должен быть у него. Мы сидели в приемной у столика и продолжали беседовать. Батюшка, по обычаю, расспрашивал обо всех, кто приходил ему на память, давал мне различные поручения. Но вдруг встал и говорит: «Ну, теперь собирайся!» Сам подходит к аналою, молча молится и затем, обратившись к окну, рукой показывает на монастырский двор и говорит: «Вот уж и барыня твоя идет!» Я гляжу в окно и вижу, что идет какая-то незнакомая мне богато одетая дама. Батюшка вышел в сени навстречу посетительнице и начал с обычной шутки: «Пропавшая, давно тебя жду, наконец-то ты надумала ко мне!» Дама, удивленная таким к ней обращением, говорит: «Вы, вероятно, ошиблись, отец мой, я в первый раз вижу вас и совсем неожиданно для себя заехала к вам». На это батюшка по-прежнему весело отвечает ей: «Нет, не ошибся, тебя-то как раз сегодня все утро я и жду». Дама рассказала, что она приехала с юга из г. Т-а и в Москве находилась по делам. Вздумала побывать в Лавре Преподобного Сергия. Об отце Варнаве она знает из книги «Иверский монастырь». «Стоя ныне после ранней обедни за молебном у раки Преподобного Сергия, – рассказала дама, – я почему-то вдруг вспомнила эту книгу и Вас, отец мой. Зная из книги, что Вы спасаетесь где-то близ Лавры, решила хотя бы на несколько минут заехать к Вам, чтобы повидать Вас и принять Ваше благословение». На это старец тихо с улыбкой сказал ей: «А вот поэтому я тебя все утро и жду». Потом, наклонившись к ней ближе, добавил: «Вот что скажу я тебе, дочка моя: жизнь-то твоя противозаконна в гражданском браке-то, что противно Богу, и я советую тебе – сочетайся законным браком, тогда и Господь тебя простит». Вся в слезах стояла она перед прозорливым старцем и громко умоляла его помолиться о ней. Но старец твердо повторил, что тогда и Бог ее простит, когда она постарается исполнить закон Его. Затем, благословляя ее святой иконой, батюшка сказал: «Дочка, люби ближнего, твори милостыню, и Господь благословит тебя. А эту вот монахиню, пожалуйста, довези до Москвы; она с Выксы, из той обители, о которой ты читала». – «С радостью, с великой радостью!» – ответила гостья, прощаясь с батюшкой. Мы поехали. Дорогой дама долго еще не могла успокоиться и то и дело повторяла: «О матушка милая, какой же дивный прозорливец ваш старец! Я постараюсь обязательно исполнить его заповедь"».

Приехал к иеромонаху Варнаве «на Пещеры» из Кронштадта полковник с женой. Оба они хоть и жили под одной крышей, но были совсем друг другу чужие, имея тайные связи на стороне. Не утаилось это от прозорливого старца,

и он, взяв обоих за руки, прямо сказал им, чтобы порвали свои противозаконные связи, простили друг друга и впредь ни одним словом не укоряли бы за прошлые прегрешения. Тронутые отеческим наставлением, муж и жена тогда же примирились и дали слово исполнить его наказ.

Кто знает, сколько подобных случаев духовного врачевания видели стены убогой келийки старца за все время его служения! Да и кто может исчислить, сколько народа перебивало у него за все это время и сколькими духовными благами одарил многочисленных страдальцев старец-утешитель? Насколько же отзывчив был батюшка к горю всякого человека и к каким только способам ни прибегал он при утешении своих «деток»! Особенно поразительна была находчивость мудрого старца там, где горе было слишком глубоко.

Одна жительница Ярославля, г-жа Л-ва, рассказывала, что когда она осталась вдовой, будучи совсем еще молодой, то испытывала невыразимое горе. Батюшка пришел ей на помощь, настоятельно повелев начать судебный процесс по одному делу ее покойного мужа. Всегда далекая от мысли иметь с кем-либо судебные тяжбы, г-жа Л-ва и теперь не была расположена к тому. Но старец «за послушание» повелел ей начать и вести дело, сказав, что она его выиграет. И г-жа Л-ва покорилась. Но процесс, продолжавшийся немалое время, закончился не в ее пользу. «Сержусь на вас, батюшка! – говорила она старцу, приехав после того к нему «на Пещеры». – Благословили вы мне начать дело и уверили в благополучном окончании его, а оно вот оказалось проигранным!» – «Ах, да я очень рад этому! – весело, с ласковой улыбкой сказал на это ей старец. – Мне только того и нужно было, чтобы заставить тебя заняться чем-нибудь. Вот время-то у тебя и прошло в хлопотах незаметно». – «И, действительно, не будь у меня в то время таких занятий, не знаю, как и чем бы разрешилась моя скорбь о потере мужа», – заключила свой рассказ г-жа Л-ва.

Пришла однажды к батюшке женщина и со слезами просила его благословения развестись с мужем, который почти всегда был нетрезв и причинял ей много горя. Измучилась она за все двенадцать лет своей жизни с ним: «Успокойся, успокойся, дочка, не плачь! – утешает старец бедную женщину. – Поверь мне: он скоро, очень скоро будет на коленях просить прощения у тебя во всем и сам отстанет от вина!» И сбылись слова старца: женщина эта приходила благодарить своего утешителя за его молитвенную помощь.

Скорбела бездетная женщина С-ва, приехавшая к старцу из Орловской губернии, о своем наследстве и с глубокой верой просила его молитв о ней. Батюшка, благословив ее Черниговской иконой Божией Матери, сказал: «Бог да благословит и утешит тебя дочерью». И у нее через некоторое время родилась дочка, о чем она поспешила письменно сообщить батюшке.

«Русское спасибо тебе, добрейший батюшка и утешитель в скорбях наших, отец Варнава, – писала старцу его духовная дочь Евфросиния. – Письмо твое

мы получили, в котором ты посоветовал нам молиться о здравии пропавших солдатиков; говорили, что они убиты, – мы их записали в поминание. Но как получили твое письмо, то начали молиться о здравии, а недавно они нам письма прислали, все, слава Богу, живы, только в плену у японцев...»

В июне 1901 года жительница Полтавской губернии Т-ва писала, что она, выезжая в поле и видя, как все гибнет от бездождия: и хлеб, и трава, и скот, решила послать телеграмму отцу Варнаве с просьбой помолиться о дожде. И вот 5 июня пролил по всей степи такой обильный дождь, что лучшего и желать трудно.

О трех случаях, в которых проявились дар прозорливости и молитвенная помощь батюшки Варнавы, рассказывает М. Д. Усов – преданнейший духовный сын иеромонаха Варнавы.

«В 1900 году я получил срочный подряд на строительные работы на сумму 250 тысяч рублей. Работы эти проводились в Санкт-Петербурге, по Забалканскому проспекту, и по условию они должны были закончиться не позже 15 октября того же года, иначе мне пришлось бы заплатить 50 тысяч рублей неустойки. Будучи малоопытен по этой части, я ошибся в смете расходов и употребил на постройку весь свой капитал, а к окончанию ее не привел. Оставалось еще много неисполненных работ, но денег не хватало, и даже занять было не у кого. В глубокой душевной скорби вздумалось мне обратиться за утешением к отцу Варнаве.

Я описал ему свое безвыходное положение и просил молитвенной помощи. Совершенно случайно в первых числах августа отец Варнава посетил меня и, выслушав мой рассказ, как бы недоумевая, спросил:

– Чего же тебе надо?

– Денег, – ответил я.

Он промолчал и удалился в соседнюю комнату, пробыл там не более трех минут, затем спросил:

– Сколько нужно денег?

– Тысяч пятьдесят.

– Если потребуется тебе двести тысяч, и то принесут. Окончишь стройку своевременно.

Эти пророческие слова глубокочтимого мною старца успокоили меня. Я искренне поверил ему и вечером следующего дня поехал проводить его на вокзал.

На обратном пути со мною поравнялся купец Г. Ф. Шустров, остановил экипаж и предложил мне пересест к нему. Разговорившись о делах, я выразил нужду свою, и, к великому изумлению моему, Г. Ф. тут же с полной готовностью обещал дать мне пятьдесят тысяч, что и исполнил. Дело подвинулось быстро, но и опять застопорилось. Потребовалось и еще двадцать пять тысяч. Обратиться к Шустрову мне было крайне тяжело. Но по молитвам старца Варнавы Господь избавил меня от печали. Случайно пришли взглянуть

на мою постройку два банкира и, узнав, что мне необходимо еще двадцать пять тысяч рублей, предложили ссудить нужную сумму. Работа опять закипела и была успешно окончена даже на одни сутки раньше срока».

«В 1904 году, – вспоминает М. Д. Усов, – я встретил батюшку на вокзале железной дороги и усадил в свой экипаж. Дорогой старец и говорит мне:

– Ты, сынок, возьми для меня билет на обратный путь, с вечерним поездом я сегодня уеду.

Посланный приказчик принес проездной билет для батюшки, и я положил его к себе. Около часа дня отец Варнава зашел ко мне в лавку и всех благословил. На мое замечание, что проездной билет готов, он улыбнулся и сказал:

– О, нет, сынок, меня не посадят на поезд.

– Не имеют права, – возразил я.

Батюшка молча вышел из лавки и уехал.

Я растерялся и не знал, чем объяснить столь загадочные слова. Посмотрел билет, и что же? На нем вместо сегодняшнего числа стоит завтрашнее... Конечно, служащий тотчас же отправился поменять билет. Но каково же было наше общее удивление происшедшему!»

Старец Варнава совершенно неожиданно посетил М. Д. Усова в Санкт-Петербурге перед своей кончиной в феврале 1906 года. «Тогда у меня были гости и жених моей дочери Н. Б., – рассказывал М. Д. Усов. – Мы все чрезвычайно обрадовались батюшке, а он между прочим обратился к жениху с такими словами: «Вот тебе мое послушание: первую неделю говеть и постом реже ходить к невесте». Затем, обращаясь ко мне, он сказал: «А тебе мое послушание: делай свадьбку маленькую».

– Батюшка! Ведь это дело не мое, а жениховой стороны, – возразил я.

– Ты слушай, что тебе говорят, – внушительно промолвил благодатный старец.

Но мы не послушали его наставления и назначили свадьбу на 30 апреля, пригласив до двухсот человек гостей. За заказанный в кухмистерской обед дали задаток сто рублей еще в марте. Вдруг без всякой видимой причины отец жениха в половине апреля опасно заболел. Врачи назначили ему операцию, болезнь все усиливалась, и на скорое выздоровление была потеряна всякая надежда. Стало уже не до балов... И пришлось нам, отказавшись от задатка, действительно, сделать «маленькую» свадьбу в моем помещении, как и говорил нам дивный старец».

«Приехала я однажды в 1906 году к батюшке Варнаве, – рассказывала жительница Москвы Грачева, – а батюшка вместо обычного приветствия вдруг и говорит мне: «Что это ты надумала в такое время ехать, ведь, слышно, забастовка будет на железной дороге, как поедешь обратно в такую смуту?! Спешу скорее назад, да, смотри, не закружись!» Что же это, думаю, даже и передохнуть не дал батюшка, уж и обратно торопит. А он еще настойчивее

повторяет, чтобы торопилась назад да не закружилась бы где. И поехала я тотчас же обратно. На вокзале, гляжу, народу почти никого нет, служащие все какие-то развеселые. Села в вагон – совсем пустой. Поезд тронулся и с места до Москвы летел без остановки. Вагон в пути так сильно колыхался из стороны в сторону, что я не чаяла и доехать. Но за молитвы старца все же обошлось благополучно мое путешествие, и я с радостью покинула вагон по приезде на вокзал. Но тут-то вот и довелось испытать, что означали слова батюшки «не закружись». Сошла на платформу и закружилась, не знаю, куда идти к выходу: везде народ толпится растерянно в ожидании поезда, и никто никак не добьется толкового ответа от станционной прислуги, полиция силится сохранить порядок... В суматохе я взмолилась к кому-то, чтобы хоть провели меня до извозчика. Спасибо, добрый человек не отказал, вывел меня на улицу. Вот как ясно видел все даже до мелочей наш родимый батюшка! Поэтому-то я и не начинала никогда ничего важного без его благословения. И слово его всегда исполнялось в моей жизни. Так, когда сын мой задумал жениться и написал мне из Н., с места своей службы, прося благословения, я первым делом отправилась к батюшке за советом. Старец спросил, что я сама-то думаю о выборе сына. Я никогда не видела и не знала его невесту и потому сказала батюшке, что слышала от других, будто бы у нее гордый нрав. Батюшка и говорит мне как бы в каком-то раздумье: «Хоть и женится, хоть и не женится твой сын, ему все же придется жить одиноко!» Как-то жутко стало мне от этих слов, а старец на прощание опять повторил мне то же самое о судьбе сына. Владимир (так зовут его) женился на своей избраннице и уже имел ребенка, когда жена оставила его, и он теперь живет один, как и предрекал старец Божий».

В 1905 году в Оренбургской губернии был неурожай, так что многие из казаков не знали, что будет с их семьями ввиду надвигающегося голода, к тому же многих из них по случаю войны с японцами отправили на Дальний Восток. Находясь в затруднительном положении, один из оренбургских казаков написал своему брату, монаху Гефсиманского скита отцу Сергию, письмо, в котором просил известить отца Варнаву о тяжелом положении и попросил его совета, как быть ему теперь и продавать ли домашний скот за неимением корма. Батюшка на это спокойно ответил: «Бог пошлет – все будет».

– Да время-то уже прошло, батюшка, когда же это будет?

– Ах, какой ты малoverный! У Бога время не прошло – и в сентябре урожай будет!

И что же оказалось? Когда отец Сергей получил письмо от брата, с того времени пошли дожди, трава и хлеб поднялись, и был хороший урожай. К сентябрю, по уведомлению от брата отца Сергия, вся станица запаслась хлебом, кормом для скота и семенами.

«Единственный мой сын Сергей, – сообщал в обитель в 1907 году известный духовный писатель С. Нилус, – в мае 1901 года окончил гимназию и поступил

на университетские курсы Московского лицея в память цесаревича Николая. Начиналась его новая самостоятельная жизнь, и мы решили с ним съездить к отцу Варнаве за благословением на новый путь. Узнав в Лавре, что батюшка дома, мы взяли извозчика и отправились к Черниговской. Здесь у крылечка келлии старца стояло человек двадцать в ожидании его возвращения из Посада, куда он поехал, как мы узнали потом, к какой-то генеральше, которая строит приют. Чтобы не терять даром времени, мы с сыном отправились в Вифанию поклониться гробу Преподобного Сергия¹⁵ и помолиться у гробницы великого митрополита Платона. По дороге в Вифанию я все думал об отце Варнаве, очень скорбел, что, быть может, нам так и не удастся его повидать, не удастся и сыну принять его благодатного старческого благословения «на новый путь».

И вдруг неожиданно для меня в моей голове мелькнула мысль: а я бы еще выпросил у старца его портрет с собственноручной надписью. Подумал так и забыл об этом.

В Вифании, кроме нас, никого не было. У Святых ворот стоял послушник, а другой послушник повел нас по Вифанским святыням. Поклонились мы гробу Божия угодника и только что успели положить поклон последнему на земле жилищу митрополита Платона, как увидели бегущего к нам послушника, – того, что встретил нас у ворот.

– Батюшка Варнава вас обоих к себе требует! – еще издали позвал нас этот послушник.

– Где он? Да как он о нас узнал?

– Ничего не знаю. Батюшка вас дожидается у Святых ворот.

Мы побежали туда что было духу. У Вифанских ворот стояла запряженная в одну лошадь, крытая, с поднятым верхом, плетеная пролетка; на козлах сидел кучер, а из-под верха пролетки выглядывала на нас головка седенького старичка-монаха с необыкновенно живыми, ясными, добрыми, ласковыми, но вместе с тем так и пронизывающими насквозь всего человека глазками. Тут мы в первый раз увидели того, кто был известен скорбной душе русского человека под незабвенным именем батюшки Варнавы.

– Вам благословение мое нужно? – встретил нас с сыном такими словами отец Варнава. – А тебе, – сказал он, обращаясь к сыну, стоявшему в студенческой форме, – нужно мое благословение на новый путь? Так езжайте со мною!.. А ваше здоровье как? – спросил он неожиданно, обращаясь уже лично ко мне. Я был совершенно здоров.

– За ваши святые молитвы, – ответил я, – слава Богу!

– Ну да ладно! Езжайте же за мною ко мне!

И батюшка, благословив нас, быстро покатыл в своей закрытой пролетке по направлению к Черниговской. Мы, конечно, за ним, едва вскачь поспевая на заморенных извозчичьих клячонках.

– А ведь это я вам отца Варнаву-то вернул, – сказал извозчик. – Он ехал мимо Вифании, а я его догнал да и оборотил, сказал, что господа его желают видеть.

Точно холодной водой облили меня эти слова. Бедный малый думал угодить и на чаек заработать, а не видел, что род сей знамений и чудес ищет и что такие извозчицьи речи сразу в нашем сердце низвергли прозорливость старца до низин обыденной человеческой встречи... Подъехали мы к Черниговской в одно время. Батюшка зашел в лавочку у Святых ворот, взял мелочи, дал своему кучеру и быстрой походкой пошел с нами по направлению к своей келлии. Народу, его поджидавшего, значительно прибавилось, и все теснились к старцу, оттирая нас от него. Слышались разные восклицания, из которых выделялось выкрикиваемое слово: «Батюшка! Батюшка!...» Нас было совсем оттерли от батюшки.

– Ну, вы подождите, подождите, говорю вам, – громко сказал старец, – а вот со студентом-то, со студентом вы идите со мной!

Толпа сразу раздалась и пропустила нас к старцу.

– Ну, а здоровье-то ваше как? – опять спросил меня отец Варнава, когда мы уже поднимались по ступенькам его крылечка.

– За ваши молитвы, батюшка, слава Богу! – ответил я, но мне что-то от этих слов вдруг стало не по себе.

Каким-то крюком, не то палкой батюшка открыл наружную дверь своей келлии и в темной прихожей опять обернулся ко мне с тем же вопросом о моем здоровье. Я смущенно ответил:

– Слава Богу!

Старец взглянул на меня пристально, что-то подумал или помолился – это было одно мгновение – и вдруг весело сказал:

– Ну, а если слава Богу, то и слава Богу!

И с этими словами ввел нас обоих в первую комнатку своей келлии. На стареньком письменном столе, покрытом старой клеенкой, лежал небольшой металлический образ святителя Николая. Батюшка взял его со стола, поднял над нашими головами (мы встали на колени) и сказал:

– Вам нужно было мое благословение. Так запомните же мое слово: святитель Николай и в сем веке и в будущем будет вам заступник и ходатай!.. Да благословит Господь твой новый путь! – крестя нас и отдавая икону, сказал моему сыну батюшка... Потом подумал немного и обратился ко мне со словами:

– А я тебе свой патрет дам!

Так и сказал батюшка: «Патрет».

Это-то уже было чистою прозорливостью. У меня в сердце закипели слезы... Верующие знали это сладкое чувство! Из другой своей комнаты батюшка вынес свою фотографию и подал мне.

– Батюшка! – сказал я, задыхаясь от волнения. – Благословите что-нибудь написать на ней своей ручкой!

– Эх, друг, некогда!.. Ну да ладно! – и батюшка тут же написал: «Иеромонах Варнава, 1901 г. июня 18».

Эта святынька цела у меня и поныне.

– А я тебе и еще свой патрет дам, – сказал батюшка, – вот моя обитель Иверская (брошюрка), а в ней мое изображение. Возьми себе да навести когда обитель!

Тут я не утерпел, чтобы не сказать святому старцу скорбь моей помещичьей души о том, что нет уже больше сил бороться с надвигающимся разорением, а за сына просил его молитв о том, чтобы сердце сыновнее до конца сохранило страх Божий.

– Будет, будет страх Божий у него в сердце, – ответил батюшка, – он у тебя пятую заповедь помнит... И вот что еще я скажу тебе, друг: как моя мать звала меня кормильчиком, так я тебе про твоего сына скажу: он будет тебе кормильчиком... Как имя твое?

Я ответил: «Сергий!»

В другой комнате келлии показался батюшкин послушник.

– Запиши-ка двух Сергиев: они оба хорошие, о них молиться надо!.. Да благословит вас Господь! А святитель Николай и в сем веке, и в будущем – ваш ходатай и заступник!

Это были к нам последние слова великого старца и, всем сердцем верую, угодника Божия. С тех пор я уже больше не видел батюшку, а осенью того же года заболел такой тяжелой болезнью, что в январе 1902 года едва не умер. Спасло чудо Божие, не без молитв великого старца Варнавы, велевшего занести мое грешное имя в свой помянник. Слава Богу милосердному! Слава святым Его молитвенникам на грешной нашей земле!»

«По благословению батюшки Варнавы собрались мы, – рассказывает духовный сын старца А. К-в, – в Киев на богомолье и порешили выехать из Москвы 28 июня втроем (я, мой двоюродный брат Н. М. Ш-в и племянник М. М. К-в). Это было в 1882 году. Но батюшка настоятельно советовал нам выехать в Петров день, а не накануне его, и мы покорились, к величайшему нашему благополучию.

Оказалось, что тот поезд, с которым мы должны были бы выехать накануне Петрова дня, весь целиком погиб в кукуевской катастрофе! По прибытии на другой день к месту крушения мы увидели страшную картину человеческих страданий: погибло едва ли не тысяча человек, и никто еще не приступал к спасению живых... Тут-то мы поняли, почему не пустил нас батюшка из Москвы 28 июня!»

«В октябре 1905 года, – рассказывает монахиня М., казначея Иверской обители, – будучи в Москве по делам обители, я на две недели задержалась там по случаю железнодорожных забастовок. Потом с первым поездом поспешила к старцу «на Пещеры» и застала его в каком-то необычном для него удрученном состоянии духа: он весь как-то согнулся, осунулся и потемнел с

лица будто. Батюшка, – говорю ему, – да что же это такое, что-то никогда и неслыханное творится, какие-то забастовки?! А старец на это мне лишь кратко ответил: «Вся темная сила поднялась на Россию! Но силен Господь, и Он спасет царя! Нужно молиться архистратигу Михаилу. А ты, дочка, – прибавил батюшка, – спеши в обитель: еще не все кончено... прольется кровь!..» И, действительно, в конце ноября было прислано в Москву войско для усмирения вооруженного восстания».

Воспоминания Евгении Леонидовны Четверухиной, урожденной Грандмезон, касающиеся встречи со старцем Варнавой, датированы 10 сентября 1904 года. Она пишет: «Будучи в Лавре, мы надумали съездить к Черниговской иконе Божией Матери (чудотворной), для чего и наняли извозчика. Подъезжая к Черниговскому скиту, я вспомнила, что там живет известный своей святой жизнью старец Варнава, и мы решили побывать у него. Брат мой Анатолий побоялся услышать от прозорливого старца какое-нибудь страшное пророчество, отошел от нас и встал в воротах; мы же взошли на крылечко и вошли в сени батюшки. Я стала читать «Троицкие листки». Душу мою охватила неожиданная радость, сама не знаю почему. Старец выходит и прямо ко мне: «Ну, молодая, что скажешь?» – «Слава Богу!» – «Что?» – переспросил старец. «Слава Богу, батюшка. Больше я ничего не могу сказать». – «Тебе сколько лет?» – «Двадцать». – «Надо замуж выходить». – «Я не хочу». – «А я благословляю выходить замуж». Тут моя мать вмешалась: «У нас, батюшка, старшая дочь вышла замуж, да все у нее скорби». – «Там скорби, а здесь радость будет"».

Через несколько месяцев Евгения Леонидовна познакомилась со своим будущим мужем И. Н. Четверухиным, у которого был свой опыт общения с отцом Варнавой. Илия Николаевич побывал у него дважды. В первый раз в 1905 году – с отцом и братом Егором. Тогда батюшка предсказал, что младший, Егор, будет у отца кормильцем. Старшему, Илии, показалось обидным, что кормильцем будет не он. Но обстоятельства сложились именно по слову старца. Во второй раз Илия оказался у батюшки перед самой его кончиной – Великим постом 1906 года. Он поехал поговеть в Гефсиманский скит и стал ходить ко всем монастырским длинным богослужениям, пытался увидеться со старцем, но у домика неизменно толпился народ и поговорить с отцом Варнавой все не получалось. В четверг после вечерни батюшка в сопровождении монаха прошел мимо толпы, все останавливаясь и ни на кого не глядя. Затворилась за ним дверь, сердце у Илии Николаевича защемило, но через какие-то секунды старец выглянул и позвал: «Студент, подойди ко мне... Завтра в пять часов утра приходи, надо поговорить». Рано утром, как на крыльях летел Илия Николаевич к старцу. Тот усадил его возле себя, обнял и всё приговаривал: «Милый ты мой подвижник, исповедник ты Божий». Илия Николаевич рассказал о своих планах: тогда он как раз готовился к поступлению в Духовную академию. Обмолвился, что у него есть невеста, но

жениться студентам в академии не полагается. Старец выслушал юношу и решительно сказал: «Бог благословит поступать в академию, а насчет невесты, Бог даст, через два года много воды утечет». Потом прибавил: «Высоко будешь стоять, только смотри не загордись»...

В жизни Илии Четверухина⁴⁶ всё свершилось так, как предрек старец Варнава. Он учился в Духовной академии и ко времени женитьбы на Евгении Леонидовне студентам уже разрешали вступать в брак. Он стал настоятелем московского храма во имя Святителя Николая в Толмачах, прихожане его почитали и любили. Исповедничество отца Илии, которое предрекал Гефсиманский старец, пришлось уже на послереволюционные годы. Его дважды арестовывали за «слишком большую популярность среди прихожан». В его присутствии бесцеремонно закрывали Никольский храм, вывозили святыни. В 1930 году он был во второй раз арестован, приговорен к трем годам заключения и отправлен в один из пермских лагерей на реке Вишере. Там он трагически погиб в клубе, заполненном арестантами, с запертыми и охраняемыми выходами, когда на киносеансе случился пожар. Многие сгорели заживо, в том числе и протоиерей Илия Четверухин, теперь уже причисленный Русской Православной Церковью к сонму священномучеников.

11 августа 1995 года Людмила Васильевна Кузина рассказала о своей бабушке, Елизавете Михайловне Раевской, которая перед свадьбой в 1904 или в 1905 году приезжала с матерью к старцу Варнаве за благословением. «Старец их принял и сказал Лизе – моей будущей бабушке: «Зачем, девушка замуж идешь? Будут очень трудные времена». Девушка ответила, что она не хуже других, а подруги все выходят замуж. Старец благословил, а потом, повернувшись к ее матери, сказал: «А ты гармонь свою забрось, пора о детях подумать!» (У нее было семеро детей.) Мою прабабушку эти слова просто потрясли. Откуда отец Варнава мог знать, что она не занималась детьми, а играла на гармонии? Когда они вернулись домой в деревню Колычево, недалеко от Подольска, то, как и велел старец, забросила свою гармонь на чердак. Эту историю рассказала мне моя мама, и я ее хорошо запомнила с детства».

Как уже говорилось, всех приходящих старец называл «сынками» и «дочками» и никогда никого не называл на «вы» – всегда на «ты». Среди «сынков» был, например, будущий обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер и, наконец, император Николай II, пришедший к старцу с покаянием в начале 1905 года. О содержании беседы императора с отцом Варнавой точных сведений нет. Достоверно известно лишь то, что именно в этот год Николай II получил благословение на принятие мученической кончины, когда Господу угодно будет этот крест на него возложить.

В окружении дивного старца не обошлось и без отступников. Среди его духовных чад был и уже упоминавшийся В. Н. Львов. Как пишет о нем князь Н. Д. Жевахов, «пресловутый», прославившийся в революцию своими ретивыми действиями по обновлению Синода тем, что угрозами, попранием

канонических установлений сместил с Московской кафедры митрополита [Макария \(Невского\)](#). Но дело в том, что этот, с позволения сказать, преобразователь всегда был далек от послушания старцу и еще задолго до революции, по свидетельству Жевахова, отец Варнава «отзывался о нем, как об «одержимом бесами»».

Старец Варнава многим предсказывал будущие гонения за веру – иным прикровенно, иным совсем ясно – и давал советы, как жить в десятилетия скорбей. Предсказывал он и грядущее возрождение Русской Православной Церкви. В письме к Н. Китер батюшка писал: «Преследования против веры будут постоянно увеличиваться. Неслыханные доньше горе и мрак охватят все и вся, и храмы будут закрыты. Но когда уже не вмоготу станет терпеть, то наступит освобождение. И настанет время расцвета. Храмы опять начнут воздвигаться. Перед концом будет расцвет».

Строитель монастыря

Местоположение обители

Среди духовнических трудов и иноческих подвигов иеромонаха Варнавы достославное место занимает устройство Иверского монастыря. Это делание, за которое взялся Гефсиманский старец по завету своего учителя схимонаха Григория, может показаться выше человеческих сил. Как монаху, обремененному послушанием скитского и всероссийского духовника, когда к нему ежедневно приходят сотни людей – каждый со своими горестями, нуждами, болезнями, – как понести еще и крест строителя, воспитателя сестер, просветителя-миссионера в крае, «сплошь зараженным расколом»? Он скорбел еще тогда, в далекой юности, когда услышал о предстоящих ему подвигах. Чтобы утешить своего любимого богоизбранного ученика, схимник обещал ему в помощники Самого Господа. Вера словам духоносного старца, упование на заступничество Пресвятой Богородицы и некоторые внешние обстоятельства способствовали тому, что обитель действительно была построена.

Она возникла в пределах Нижегородской земли, почти на границе с Владимирской, в глубине дремучего Муромского леса. При взгляде на нее окрестные жители преисполнялись благоговейного удивления, усматривая в быстром ее возрастании и процветании благодатную помощь свыше.

Народное предание гласит, что на том месте, где устроили обитель, в ночное время видимы были горящие свечи и слышался таинственный колокольный звон... Местность эта называлась в народе святой. Когда еще не было здесь обители, одна благочестивая женщина шла как-то раз к утрени в выксунский храм. «Возле того места, где ныне находится обитель, – рассказывала она, – предо мной вдруг предстала величественная и благоговейная, в черном одеянии, Женщина и кротко спросила: «Куда ты идешь?» – «Иду, – ответила я, – к утрени в Выксу». – «Зачем туда? Пойдем в монастырь», – позвала Незнакомка. Не успев спросить, в какой монастырь мне нужно идти, и

случайно взглянув на правую сторону, я увидела там чудную обитель и молча проследовала за Ней. Мы прошли монастырскую ограду. За оградой Она ввела меня в прекрасный храм и оттуда повела в пещеры этого же храма, где я всему видимому очень удивлялась.

Выйдя из храма, я услышала на Выксе звон к утрени, и в это мгновение монастырь, а с ним и чудная Незнакомка мгновенно скрылись».

Невозможно было надивиться на величественные пятиглавые храмы с гигантской колокольной, на прекрасные белокаменные корпуса и прочие монастырские постройки, расположенные на пространстве в тридцать десятин, возведенные за тридцать шесть лет на глазах окрестных жителей в таком месте, где была когда-то голая пустошь.

Сообщение обители с губернским Нижним Новгородом, отстоявшим от нее на расстоянии двухсот верст, осуществлялось по двум главным путям: по железной дороге от Муром и на пароходе по Оке с ближайшей пристани Досчатое, которая находилась в десяти верстах от монастыря. В уездный город Ардатов, в восьмидесяти верстах от обители, шла лесная проселочная дорога.

Неудобства из-за отдаленности от губернского и уездного городов с успехом вознаграждались близостью большого торгово-промышленного села Выкса, где во всякое время года можно было запастись всем необходимым в житейском быту. Близость столь многолюдного местечка сильно смущала отца-строителя обители, не раз заставляла его подумывать о приискании для монастыря другого, более уединенного места. О том, что положило конец всем его сомнениям, сам старец рассказывал так: «Вышел я однажды, в одно из первых моих посещений богадельни – первоначального убежища сестер, поздно вечером на крыльцо. Было совершенно темно, а небо, покрытое тучами, было мрачным. И каким убогим, заброшенным показался мне тогда богадельный дом в лесной глуши! В глубокой скорби о беспомощных отшельницах-сестрах невольно поднял я глаза к небу, мысленно возлагая все упование на милосердие Отца всех сирот и вдовиц. Вдруг над самым зданием богадельни небесный свод, дотоле совсем темный, прорезала яркая и обширная светлая полоса, тихо переливавшаяся радужными цветами. Явление это длилось почти четверть часа.

Понял я тут, что благоволит Господь освятить и прославить место сие... После сего благодатного утешения исчезло во мне всякое сомнение, и тяжелые думы сменились радостью о благоволении Божиим к возникающей обители невест Христовых».

Монастырь был воздвигнут в местности, жители которой состояли не из одних только православных, но и из большого числа раскольников и даже иноверцев. Здесь вследствие заражения расколом многие из православных холодно относились к Церкви и ее уставам. Так что благоустроенная обитель имела несомненно важное духовное значение для местного люда. Как центр духовной жизни монастырь и видом своих храмов, и ежедневными

богослужениями напоминал окрестным жителям о едином на потребу¹⁷, то есть о благоугождении Богу и спасении души. Чувствами радости и умиления невольно наполнялась душа всякого, когда в праздничный день под торжественный звон колоколов начинали стекаться сюда богомольцы. Истовые монастырские службы при стройном пении и внятном чтении инокинь, их благочестивое житие по строгому чину, приветливая обходительность и участливое отношение ко всем, равно как и распространение по самым умеренным ценам, а иногда и даром, картин, образков, «троицких» и «афонских» листков – все это в совокупности производило на народ благотворное воздействие. Монастырские храмы всегда заполнялись народом. Особенно многолюдно было в праздничные дни. Среди них торжественными богослужениями отмечали 8 июля – день обращения Иверской общины в общежительный монастырь и 17 августа – день, когда Православная Церковь вспоминает святое Вознесение Матери Божией на небо. Накануне совершалось особо умиленное всенощное бдение, составленное применительно к богослужению Великой субботы по Иерусалимскому чину. Особенность его заключается в том, что к обычному праздничному последованию на день Успения Пресвятыя Богородицы на утрене после «Бог Господь» присоединяются особые тропари, которые поют тем же напевом, как и «Благообразный Иосиф». В это же время из алтаря исходят священнослужители в богатых облачениях, торжественно износя шитый золотом по бархату в виде плащаницы образ Успения Пресвятой Богородицы, и полагают его на уготованном для сего месте среди церкви. Сестрам и всему народу в это время раздавались свечи. По каждении плащаницы начиналось умиленное чтение Непорочных¹⁸. Глубокой молитвой пламенели в эти минуты сердца молящихся. Они стояли коленопреклоненными...

Три гостиницы при обители на четыреста человек, где паломники пользовались даровым приютом и сытной монастырской трапезой, также много способствовали привлечению богомольцев.

Деятельность Иверского монастыря не ограничивалась окормлением лишь людей православных, она простиралась далеко за пределы монастырских стен с единственной целью – противодействовать расколу, а также оберегать православно верующих от вовлечения их в ряды старообрядцев. Чтобы вести собеседования с раскольниками, нужна была специальная литература, и она закупалась на пожертвования. На средства обители в одном из неблагополучных сел была построена церковь-школа. Благодаря такого рода усилиям монашеской обители число раскольников, обращенных в православную веру, исчислялось сотнями.

А началось все со знакомства отца Варнавы (тогда еще послушника Василия) с уроженцем Выксы Дмитрием Пивоваровым.

Христа ради юродивый

Сын православных родителей, Дмитрий Пивоваров, вращаясь среди раскольников-беспоповцев, из которых состояла большая часть населения Выксы, и сам скоро сокрутился в раскол. Немало этому способствовала и его женитьба на дочери раскольника. Долгое время Пивоваров со всей своей семьей жил в казармах Лепешкинской фабрики, среди разгульного фабричного люда. От природы наделенный веселым и живым характером, он легко подчинился влиянию среды и до зрелых лет проводил жизнь свою безнравственно. Отпав от Православия и заглушив бесшабашным разгулом упрёки совести, Дмитрий совсем забыл Бога и целых семнадцать лет не появлялся в храме Божиим. Но милосердный Господь заставил человека одуматься. Внезапно постигшее его горе – страшная [смерть](#) его семилетней дочери – (девочка упала с верхнего этажа казарм в огромное отхожее место и погибла) – настолько потрясла впечатлительного Дмитрия, что он совершенно изменился, сделался задумчивым и печальным. Пробудившаяся совесть заставила его устремиться к Богу и в Нем едином искать утешения. Но пытливый ум Дмитрия хотел знать достоверно, пребывает ли он в заблуждении относительно истинной веры или нет. Этот мучительный вопрос не давал ему покоя. И вот по совету и указанию добрых людей отправился он на богомолье в святую обитель великого русского подвижника Преподобного Сергия Радонежского, почитаемого даже и раскольниками. Из Лавры вместе с другими богомольцами Дмитрий отправился в Гефсиманский скит, здесь-то и состоялась его первая встреча с тогда еще послушником Василием, о которой Дмитрий рассказывал следующее: «Войдя в келлию, я остановился позади всех и со вниманием стал вслушиваться в беседы и наставления, которые давал духовник разным лицам. Признаюсь, я надивиться не мог его находчивости отвечать по нуждам всех и каждого. Говорил он очень просто, но так сильно и убедительно, что многие даже плакали от его слов. Все это меня крайне удивило, и я почувствовал к нему глубокое уважение. Прощаясь, старец стал давать каждому по маленькому кипарисовому крестику для ношения на шее. С таким же крестиком подошел он и ко мне и, подавая его, сказал:

– Вот и тебе на благословение, возьми.

– Благодарю, мне не нужно, – отвечал я и крестик не взял.

Этот отказ, видимо, озадачил старца, он устремил на меня долгий и пронизательный взгляд. В смущении я опустил глаза.

– Послушай, если хочешь, останься у меня в келлии, мы с тобой побеседуем.

Все вышли, и мы остались вдвоем. Более трех часов продолжалась наша беседа. Что и как говорил он мне, не могу и передать теперь. Помню одно – весь в слезах вышел я из его келлии и до темной ночи одиноко бродил по монастырскому лесу. После слов скитского духовника страшной представилась мне моя прежняя жизнь, мое погубительное отступничество от Святой Православной Церкви. Всю ночь не мог я сомкнуть глаз. Так

промаялся я до самого благовеста к утрени. С неизъяснимым ужасом и трепетом переступил я церковный порог. Мучившие меня мысли и здесь, в святыне храма, не давали покоя. Невыносимая тоска сжимала сердце. Но вот мало-помалу благоговейное служение иноков стало пробуждать мое внимание и утешительно действовать на мою страждущую душу. За утреней следовала ранняя литургия. Слушая ее, я плакал, но уже не от скорби и уныния, а от умиления и благодарности Господу Спасителю, обретшему Своей благодатью и меня, погибавшего в расколе. С этой минуты я твердо решил оставить навсегда мое прежнее заблуждение, и как будто камень тяжелый спал с моего сердца – так мне стало легко и отрадно. Еще не раз встречался я в тот свой приезд со старцем, укрепляемый его душевной беседой. Здесь же, в обители Гефсиманского скита, присоединен я был вновь к Православной Церкви и сподобился приобщиться Святых Христовых Таин.

Одно только меня смущало: между родственниками моими было много раскольников-беспоповцев, от которых за мое обращение в Православие насмешкам и оскорблениям конца не будет. Я даже решил на родину не возвращаться. Василий был иного мнения.

– Друг мой, – говорил он мне, – милосердый Господь по неизреченной Своей благодати призвал тебя от тьмы к свету, от заблуждения к истине. А сколько, быть может, близких тебе и кровных коснеют еще во тьме пагубного заблуждения? *«Нестъ добро отъяти хлеба чадом»¹⁹*, – сказал Спаситель. Поэтому возвратись к своим и всеми мерами содействуй их вразумлению и обращению в Православие. Ты боишься глумления их над собой и могущих быть от них неприятностей. Но от испытаний никуда не убежишь: весь мир, по слову Писания, во зле лежит²⁰. Не забудь того, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие²¹*, а скорби ради Господа, ради славы Святой Его Церкви поистине блаженны. *«Радуйтесь и веселитесь, – сказано таким скорбящим, – яко мзда ваша многа на небесех»²²* И в миру так же, как и в уединении, может благоугодить Господу каждый жаждущий спасения, ибо *на всяком месте владычества Его²³*.

Многое еще в том же поучительном духе говорил мне старец, убеждал вернуться на родину и всеми силами своей души способствовать обращению в Православие моих родственников-раскольников и других односельчан. При этом мой благодетель-учитель указал меры, которыми я мог бы на них воздействовать, и благословил меня на новую и трудную жизнь».

С немалым удивлением встретили односельчане Димитрия, явившегося после продолжительной отлучки в странном виде. На нем был многошвейный с разноцветными заплатами кафтан, высокий колпак и длинные желтые сапоги. В руке держал он посох с голубем. Станные движения и бессвязные речи являли его всем как бы лишенным здравого разума. Это было началом принятого им на себя великого подвига юродства, на который благословил его

старец. Под прикрытием юродства Димитрий стал подвизаться на поприще миссионерства среди своих односельчан.

Тяжел подвиг юродства! Нужно иметь полное отречение от всех благ мира и великое самоотвержение, чтобы при здоровом уме казаться безумным, подвергаясь насмешкам, оскорблениям и даже побоям, все терпеть и переносить с незлобием и кротостью. Так и Димитрий бродил по селу, не обращал внимание на насмешки со стороны односельчан и своими загадочными речами юродивого изобличал их заблуждения и нечестие.

До основания Иверской обители около четырех лет жил он уединенно за селом на старом, давно оставленном кладбище. Сначала в землянке, а потом в малой келлии, из сострадания построенной для него добрыми людьми. Здесь, всеми оставленный и презираемый, чуждый не только посторонним, но и самым близким своим кровным родным, он тайно подвизался, измождая свою плоть и проводя время в трудах поста и молитвы. Иногда выходил он из своего уединения, посещал церковные службы, никогда, впрочем, не молясь на виду у людей.

– Димитрий, отчего ты Богу не молишься? – спрашивали некоторые из них.

– А ты стоял в храме, да думал о... – и юродивый начинал раскрывать тайные помыслы пристававшего с расспросами и не ошибался.

Под прикрытием юродства он смело изобличал людские пороки и недостатки. Ходил Димитрий и по домам выксунских жителей: утешал скорбящих, помогал, когда мог, нуждающимся, примирял враждовавших. Со временем люди стали прислушиваться к его вроде бы несвязным речам, присматриваться к различным «странным» выходкам. Но в то же время знали, какую подвижническую и строгую жизнь ведет этот человек и все больше и больше убеждались, что он не тот, за кого себя выдает, а истинный раб Божий, заслуживающий всякого уважения.

Особенно уважительно относились к Димитрию и принимали его у себя жители села Выкса Е. В. Кокин и купец А. Я. Бордачев. Находились и такие почитатели, которые просились к нему на жительство, чтобы он руководил ими в духовной жизни. Ничего не предпринимая без благословения своего старца-наставника, Димитрий написал письмо к нему, в котором рассказал и о желании этих простецов поселиться подле него. Письмо это он препроводил с Кокиными, отправившимися на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру. Беседуя с ними, старец, между прочим, высказал ту мысль, что если угодно Богу, чтобы при селе Выкса был монастырь, то лучше пусть это будет женская обитель. Такие соображения сочувственно были восприняты сельчанами, и они упрашивали Василия приехать в Выксу, осмотреть окрестность и выбрать место для будущего монастыря, обещая посильными жертвами содействовать его устройству. Молодой старец, не доверяя себе и чтобы убедиться, угодно ли Господу задуманное ими дело, направил Кокиных к митрополиту

Московскому Филарету испросить благословения владыки на устройство богадельни для немощных и не имеющих приюта вдовиц и сирот.

Митрополит Филарет так отозвался на просьбу:

– Благословляю создаться обители, а монаха-устроителя, который скрывает себя за вами, благословляю созидать и руководить ею всегда.

После этого послушник Василий решился съездить в Выксу и осмотреть окрестности села.

Освящение места для обители

Только спустя полгода после встречи с Кокиными он смог приехать в Выксу. Труды по послушанию, которые Василий нес в скиту, не давали возможности сделать это раньше. Да и все это время он обдумывал свое намерение, горячо молился Богу, прося у Него помощи, советовался с опытными в деле устройства монастырской жизни старцами.

По приезде в Выксу в конце 1863 года Василий вместе с Кокиным и Бордачевым занялись приисканием места для богадельни, из которой впоследствии возникнет Иверская обитель. Выбрав подходящее место в лесу, будущий строитель обратился с пламенной молитвой к Богу и сотворил поклоны на все четыре стороны. А на другой день он вынужден был возвращаться в свои «Пещеры», всецело полагая благоустройство обители на помощь Божию и покровительство Божией Матери.

Первыми благотворителями, пожертвовавшими лес на постройку корпуса и железо на крышу, стали жители Выксы – Кокины, Бордачевы и Липковы. Призывал Василий и многочисленных своих знакомых содействовать посильными жертвами на благотворительное заведение. И Бог внял молитвам верного раба Своего. Помощь он получил. Было и доброе предзнаменование о том, что избранное место для будущей обители угодно Небесной Покровительнице будущих его насельниц.

Во второй половине ноября 1863 года в окрестностях Выксы носили чудотворную Оранскую (Владимирскую) икону Божией Матери. Собираясь в обратный путь, Василий просил Кокиных, чтобы они, когда принесут в Выксу эту чудотворную икону, позаботились освятить ею избранное для обители место, отслужили бы здесь молебен с водоосвящением. Это желание старца скоро было исполнено, а дело было так.

Наступило 28 ноября. Наутро прибывший с иконой иеромонах Иов, вместо того чтобы, по обыкновению, носить святую икону по домам, распорядился нести ее в лес к хижине юродивого Димитрия. С благоговением и слезами встретил тот чудотворный образ Матери Божией и просил пройти с ним на избранное и благословленное гефсиманским старцем место для будущей обители. Из хранившейся в монастырской ризнице собственноручной записи отца Иова было известно, что такому необычайному распоряжению предшествовал знаменательный сон. «В эту ночь, – писал он, – я, грешный, сподобился чудного и непостижимого видения. Представилось мне во сне

величественное шествие крестного хода, сопровождаемое чудотворной Оранской иконой Божией Матери. Ходу сопутствовали с пением множество девиц-черноризиц. Шли мы как будто на какую-то гору, украшенную множеством прекрасных растений. Взойдя на гору, юродивый Димитрий стал раздавать зажженные свечи предстоящим, а мы начали петь молебны Божией Матери. Я, грешный, служил и читал молитву на основание и создание храма, а тем временем и клир, и монахини, и весь народ, который во множестве сопутствовал ходу, запели: «Днесь светло красуется святая обитель Иверская, яко зарю солнечную восприемши, Владычице, чудотворную Твою икону, к нейже ныне мы притекающе и молящеся Тебе, взываем сице: о Пречудная Владычице Богородице! Молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит обитель сию и живущих в ней, и вся грады и страны христианския от всех навет вражиих и спасет души наша, яко Милосерд». Меня удивила некоторая неточность в словах сего тропаря, поемого в день празднования Владимирской иконе Божией Матери. «Так следует!» – отвечал мне чей-то неизвестный голос. Тем видение и кончилось. Свидетель неложный словам моим – Матерь Божия. Проснувшись, я тем же утром посетил келлию юродивого Димитрия. Тут я отчасти уразумел виденное, но не осмеливался возвестить об этом никому. Теперь же, когда на месте том пустынном, где мы тогда молились, сияет уже святой храм Божий, и отшествие мое от мира сего приближается, страшуся молчать далее, ибо *тайну цареву добро хранить, дела же Божия открывати славно*²⁴».

Это чудное посещение Царицей Небесной предназначенного для обители места еще более утвердило Василия в мысли о богоугодности его предприятия, и он решил неотложно в наступающую весну 1864 года приступить к постройке богадельни, намереваясь впоследствии образовать из нее если не монастырь, то общину.

К осени того же года богадельня была построена. Рассчитана на двенадцать человек, причем для каждой из призреваемых предназначалось отдельное помещение. В восточной части здания – большая, в два окна, комната-трапезная, которая служила и местом молитвы для живущих здесь.

Ко времени окончания постройки Василий прислал туда на жительство двух девиц, изъявивших желание поступить в монастырь и просивших на то у него благословения. Обе они, ставшие впоследствии манатейными монахинями, были еще совсем юными. Пешком пришли они в новоустроявшуюся обитель. Благословив их на этот подвиг, старец сказал им: «Благословляю вам проложить дорогу для подобных вам, потрудитесь ради Царицы Небесной». По дороге будущие монахини зашли в хижину юродивого. Возле его хижины была устроена колокольня из трех жердей с двадцатью пятью колокольчиками разной величины, в которые он звонил в праздничные дни. Напоив холодной водой из своего колодца, Димитрий отпустил девиц на место назначения. Много скорбей понесли они тогда, терпя и холод, и голод, и страх в глухом

лесу, в ничем не огороженном здании. Только и видели они радость, когда приходил юродивый Димитрий, приносил им что-либо из съестного, утешал и ободрял их.

Через два месяца к ним пришли еще три девицы, присланные Василием. Одна из них, Неонила Честнова, как старшая по летам и более осведомленная в правилах монашеской жизни, по благословению старца, считалась начальницей богадельни, которой и управляла в течение десяти с половиной лет. Строгая к себе, терпеливая в общих нуждах, безусловно покорная и всегда благодарная основателю обители, она строго смотрела за поведением сестер, учила их смиренно переносить все скорби, нужды и всякую тесноту иноческой жизни, вселяла в них любовь к ближним, нестяжательность и простодушие. По правилам их общежития они не имели никакой собственности по своим келлиям, все у них должно было быть общим. Строгость воздержания была такова, что во все дни недели, кроме субботы, воскресенья и праздников они ели без масла. Не допускались даже самые простые и дешевые лакомства. Так, однажды сестры, заметив, что вокруг их ограды уродилось много брусники, с благословения начальницы набрали ее и заготовили на зиму. Каково же было их удивление и скорбь, когда они узнали, что старец не только не разделяет их радости, а, напротив, приказал даже все собранное без его благословения выбросить за ограду, а самим после этого не выходить за территорию богадельни. И пришлось сестрам заготовленную бруснику выбросить. При этом одна из молодых сестер утаила у себя ягоды и даже пороптала на старца за его, по ее мнению, неуместную строгость. Строптивая не осталась без наказания. Вскоре после этого она лишилась душевного покоя и, потеряв здоровье, принуждена была сама выйти из обители.

Начальница мать Неонила, всегда строго исполняя указания и заветы отца Варнавы, ничего не скрывала от него, ревностно заботясь о добром поведении сестер, вверенных ее попечению. Но по обращении богадельни в общину мать Неонила, как неграмотная и совершенно простая, была отстранена от правления, с ее собственного согласия. По открытии же общины за полную глубокого смирения и примерную иноческую жизнь она в числе первых была пострижена в монашество с именем Нектария, а впоследствии от самого старца приняла великий ангельский образ – святую схиму с именем Неонила.

В бытность ее начальницей 25 мая 1865 года прибыла в только возникшую тогда обитель святая Иверская икона Божией Матери, присланная Василием. В честь этой иконы обитель стала называться Иверской. С благоговейным страхом и радостью вышли сестры с крестным ходом встретить святую икону за двенадцать верст на пристань Досчатое. С пением тропарей и хвалебных песен совершили они обратный путь в обитель с великой святыней.

К этому времени Господь послал обители нового благодетеля, который пожертвовал два колокола и построил большой, с тридцатью келлиями, полукаменный корпус для сестер. На его же средства к восточной стене

молитвенной комнаты был приделан пятигранный выступ для алтаря, поставлен предалтарный резной иконостас, устроены довольно поместительные хоры в верхнем этаже и шатровая на столбах звонница. Этим щедрым благотворителем был Д. В. Киселев.

В утешение малого числа первых насельниц и в особенности тогдашней начальницы матери Неонилы, переносивших терпеливо много лишений и трудностей разного рода, блаженный Димитрий часто говаривал: «Не скорбите, потерпите – придет время, и вы увидите всю красоту и славу вашей обители».

В 1866 году, 1 октября, приехал в обитель старец Василий и, сделав некоторые распоряжения по постройке, сказал сестрам, что в ближайшее время их ожидает глубокая скорбь, а затем последуют слава обители и их благосостояние. Благословив и утешив насельниц, старец уехал обратно в «Пещеры». Вскоре всех сестер вытребовали к становому приставу в село Выксу. Допрашивали и юродивого Димитрия. Становой пристав, желая иметь сведения о личности каждой сестры, а главное, стараясь узнать, не составляют ли они какой-либо особой секты, допрашивал их каждую отдельно. Димитрия спрашивали, где он живет, грамотен ли, почему носит такую странную одежду и зачем ходит в богадельню к девицам. По своему обычаю он дал не прямые, а прикрытые юродством ответы.

– Живу я, – сказал он приставу, – на мертвых костях, по-граждански читаю, а церковной грамоте не учился, одеваться так мне Преподобный Сергей велел, в богадельню хожу не к сестрам, а к Барыне, у Которой прошу корму галкам, а то им клевать нечего.

На вопрос пристава, на каких таких мертвых костях он живет, Димитрий отвечал:

– У меня там дом, у меня и собор пятиглавый, а скоро будет и большой колокол – как ударят в колокол, так звон будет на всю вселенную.

На следующий день юродивого со связанными руками в сопровождении полицейских повезли в тюрьму города Ардатов. По дороге Димитрий упросил стражников заехать в богадельню. Сестры, узнав, куда и зачем везут их «батюшку Димитрия», сильно опечалились, а блаженный, утешая их, шутливо говорил:

– Вы не плачьте, а в день моего Ангела поставьте большой самовар – я к вам и приеду по снежку чай пить.

И действительно, в день памяти святого великомученика Димитрия Солунского в сопровождении полицейских юродивый вернулся в обитель.

В беседах с сестрами он не раз предсказывал:

– Моя дочь Мария будет начальницей у вас, и много горя будет ей, да я ей оставлю цепь.

Так все в действительности и произошло. Дочь его Мария, ставшая после матери Неонилы Честновой начальницей обители, от многих скорбей впала в буйное умопомешательство и на самом деле нуждалась в цепи.

Блаженному Димитрию присущ был дар прозорливости. Так, когда еще не было при богадельне церкви, будучи в каком-то восторженном состоянии, он начертил на клочке бумаги некоторое подобие храма. Это изображение носил он несколько дней при себе и, показывая его с большой радостью некоторым почтенным личностям, говорил:

– Будет церковь, будет хороший большой собор в нашем монастыре.

Протоиерей села Выкса Андрей Виноградов как-то взглянул на поданный ему Димитрием рисунок, рассмеялся и сказал:

– Как на этой бумаге нет ничего определенного, так и у вас в монастырьке ничего не может быть устроено основательного.

Но юродивый Димитрий на это твердо отвечал:

– Церковь будет, будет и собор хороший в монастырьке, да только мы-то с тобой, батюшка, не доживем до того времени.

Отец протоиерей скончался в августе 1867 года, менее чем через год после приведенного разговора, а сам Димитрий умер в апреле 1868 года. Таким образом оба немного не дожили до освящения первоначальной домово́й церкви при богадельне, которое состоялось в июне 1868 года.

Иверская община

Со дня освящения церкви в честь Иверской иконы Божией Матери богадельня стала именоваться «Иверской». С этого времени число насельниц значительно увеличилось: в 1873 году их было больше ста. Сумма пожертвований, к коим расположил отец Варнава (Василий к этому времени стал уже иеромонахом) многих добрых людей, достигла пятнадцати тысяч рублей. Это дало возможность приступить к закладке каменного соборного храма. Трудami и заботами старца, вся сила и богатство которого состояли в неколебимой вере в милость и помощь Божию, юная обитель быстро возрастала и расширялась. В 1874 году состоялось определение Синода, утвержденное государем императором Александром II, о переименовании богадельни при селе Выкса в общину с таким числом сестер, какое она сможет содержать на свои средства.

Вслед за тем последовало и избрание сестрами новой начальницы: ею стала Мария Пивоварова, дочь усопшего Димитрия. Мария была одной из числа первых насельниц обители, куда она перешла из Переяславского женского монастыря Владимирской губернии. Избранная на эту должность на тридцатом году жизни единственно, может быть, из уважения к памяти ее отца, от природы добродушная, не обладавшая необходимой серьезностью, новая начальница весьма легко склонялась на сторону сильных характером сестер. И действительно, под влиянием некоторых из них впоследствии произошла в Марии значительная перемена к худшему. Первые годы ее

настоятельства были ознаменованы важными переменами в благоустройстве обители. Была построена каменная колокольня, а на нее подняли большой колокол в 550 пудов, по фасаду обители сложили ограду.

Возвели Иверский соборный храм. Освящение его совершалось 12 и 13 июня 1877 года преосвященнейшим [Иоанникием \(Рудневым\)](#), архиепископом Нижегородским и Арзамасским²⁵, при участии благочинного монастырей архимандрита Лаврентия, строителя обители иеромонаха Варнавы и прочего духовенства. Невиданные до того в здешнем крае торжественные и величественные архиерейские богослужения в продолжение двух дней, благоговейный вид самого владыки, благообразие его священнодействий, стройное пение архиерейских певчих – все это произвело сильное впечатление на всех молящихся. Лицедретль происходящее было особенно приятно благотворителям. Многие из них приняли участие в этом праздновании.

Велика же была радость и сестер, переживших всю убогость первоначального существования. Но можно ли выразить словами ликование главного виновника торжества – старца Варнавы?! Кто мог описать беспредельную благодарность его к Царице Небесной за Ее великую милость и особое покровительство? Более же внешнего благоустройства он радовался миру и любви, какие царили между всеми насельницами обители.

Нестроения в обители

Но недолго радовались старец и насельницы. Враг, завистник спасения душ человеческих, Божиим попущением начал тайно строить козни, сеять плевелы посреди пшеницы. Начались в обители нестроения, разразилась война против пекущегося всей душой о спасении ближних старца Варнавы. Прежние добрые отношения начальницы к старцу из искренних поменялись на уклончивые. Она стала воспринимать его как стороннего человека, не имеющего никакого отношения к обители, в лучшем случае как благотворителя. К этому времени относится любопытное письмо отца Варнавы, присланное из скита. Написано оно было вследствие полученных известий о том, что в конце недели Пасхи несколько молодых послушниц, конечно, с соизволения на то начальницы, устроили на монастырском кладбище игру «в горелки». Старец писал: «За праздник ваш, сестры о Христе, который вы так весело спраздновали, я обещал прислать вам еще гостинец, но до этого времени все ждал от тебя, мать, настоящего уведомления, кто в чем больше виноват, чтобы как следует, по правде наградить каждую и по достоинству. Но ты, я не знаю, для чего, не хотела и сейчас не хочешь откровенно все объяснить, что меня очень огорчает. Я не этого от тебя ждал... И пришлось мне награждать вас всех уже по тому, как уведомили меня другие, и если кого не по достоинству я наградил, то в этом, мать, вини себя; оставить же такого дела без награды – никак было нельзя. Это не такая келейная провинность, которую иногда можно и покрыть, дабы не подать другим соблазна, а публичное открытое бесчиние всем на соблазн. А вы не только не жалеете об этом и не сокрушаетесь, что сделались

посмешищем диаволу в такой великий и светлый праздник Воскресения Христова, а еще ссылаетесь на святых отцов, что и они тоже забавляли игрой учеников своих! Вот до чего довело вас ослепление вражье, что вместо сознания в своей вине оправдываете такое бесовское игрище как необходимое дело и говорите, что то же делали святые, как [авва Дорофей](#), а поэтому не считаете вовсе грехом такое бесчиние... А знаете ли вы, как противна Богу и как раздражает Его такая игра? Пишется в книгах Моисеевых об израильтянах: *седоша людие ясти и пиши и восташа играти*²⁶ и прогневали Бога, и если бы не великий Моисей стал в сокрушении пред Богом, потребил бы Господь их. Однако виновников такого зла всех побили – вот что значит эта игра. Я не могу без ужаса вспомнить об этом вашем празднике. Как еще Господь сохранил вас?! Чего еще хуже? Выбрались вы на кладбище, где покоятся ваши же матери и сестры, где стоит и осеняет это мирное убежище животворящий крест Христов с распятым на нем Спасителем нашим и Богом, и тут-то завели эту бесовскую игру, и в какой великий праздник – на Пасху, когда и мирские не делают ничего такого неприличного, разве только не радящие о своем спасении! Не диавольское ли это дело, не посмешище ли врага спасения нашего? И такое-то злейшее зло вы ни за что считаете?! Подумайте, на что это похоже и кому вы нанесли оскорбление и бесчестие в лице висящего на кресте Спасителя! Который Моисей предстанет за вас пред Богом, чтобы умиловать Его, да не вовеки прогневается на вас! А вы еще недовольны тем, что вас наказывают. И можно ли назвать это наказанием против того, что вы натворили? Добро ли было вам, если бы Господь за сие малое вам определение простил грех этот? Но в том-то и горе, что вы не сознаетесь в этом грехе, а, следовательно, не нуждаетесь и в прощении. Почитайте-ка хорошенько авву Дорофея. Так ли он велит праздновать Пасху, как вы ее праздновали? Тогда, может быть, увидите и вы, как велик этот грех! Правда, святые делали некоторую ослабу или утешение своим ученикам, как авва Антоний, но это утешение было не беганье, не игрище, чего и допустить и помыслить нельзя. Преосвященный [Игнатий Брянчанинов](#) объясняет, что в это время нечто подавалось на трапезу излишнее сверх великого постнического устава. Но те были святые и знали меру утешения, а мы кто с тобой, мать, что равняемся их мудрому устроению? Мы и начатков-то не полагали монашества! Ты говоришь, что все наделал Егор Анисимов (привратник). Как же он мог осмелиться без твоего соизволения затевать такое бесчиние? Для чего же ты поставлена настоятельницей? Вот бы где ты доказала свою мудрость и доброе правление, если бы заметила, что затевается недоброе, несмотря ни на кого, запретила бы, а бесчинников – на поклоны – и была бы похвала тебе от Бога и человек. А теперь что вышло и что скажет отец благочинный, когда приедет и узнает? Вот чего я дождался от вас, вот какие плоды приносите в этом святом винограде! Для того ли Матерь Божия собрала вас мною, недостойным, печется и промышляет о вашем довольстве и

спасении, чтобы вы в благодарность бесчестили Ея святое место в соблазн миру? *«Прославляющим мя, – рече Господь, – прослаблю, и унижаяй мя безчестен будет»²⁷*».

Отец Варнава в духе кротости и смирения первое время старался внушить начальнице понятие о пагубном вреде ее своеволия и стремления настоять на своем независимо от того, хорошо ли это или плохо. Добрым словом старец пытался умиротворить ее дух, возмущаемый гордостью. Но она под влиянием некоторых сестер, весьма недоброжелательно относившихся к старцу, оставалась непреклонной, хотела быть во всем самостоятельной. Но до какого-то момента жизнь в обители текла мирно, обычным порядком.

Полное же нестроение началось со времени трехмесячной отлучки из общины ее начальницы Марии Пивоваровой. Передав управление казначее и сказав сестрам, что уезжает в Нижний Новгород по делам, она отбыла в сопровождении своей келейницы. Проходит неделя, другая, месяц, а начальница не возвращается, мало того, не извещает сестер ни о себе, ни о своем местопребывании. Пошли слухи, что она серьезно больна и находится в Москве. Казначей именно там и разыскала ее и удостоверилась, что Мария действительно больна физически и даже душевно. К немалому своему удивлению и огорчению, мать казначея узнала, что та за все время пребывания в Москве не только не была у строителя отца Варнавы, но и не поедет к нему, так как не желает более быть под его руководством, хочет быть самостоятельной и полновластной хозяйкой. Мать казначея поехала к отцу Варнаве, рассказала о болезненном состоянии начальницы и ее немирном настрое по отношению к нему. Добрый и незлобивый батюшка не один раз посылал мать казначею к начальнице в Москву, пытаясь успокоить ее, уговорить оставить свои бесполезные, властолюбивые намерения. Но это-то незлобие старца стало, возможно, причиной еще большей гордости и самоуверенности недалекой по своим умственным способностям Марии.

По возвращении в общину в начале 1879 года Мария Пивоварова в течение двух месяцев не выходила из келлии из-за своего болезненного состояния. Когда же, наконец, она стала появляться среди сестер, то перемена, происшедшая с ней, поразила всех. Из добродушной и веселой она превратилась в раздражительную, надменную и подозрительную. В скором времени обитель разделилась на две партии. Во главе первой, самой незначительной по числу сестер, стояла сама начальница. Вторая партия – в нее входили три четверти сестер, самоотверженно защищавших батюшку, терпеливо переносивших правды ради всякие скорби, притеснения и осмеяние от партии, во главе которой стояла с недоверием смотревшая на всех и вся болезненно-раздражительная начальница Мария. Справедливости ради надо сказать, что во всех этих неурядицах была виновата не столько сама начальница, женщина молодая, слабохарактерная, легко соглашавшаяся со всеми и всем доверявшая, сколько окружавшие ее сестры. Как бы там ни было,

но Мария лишилась покоя. Все время она мучилась и терзалась, сознавая свою виновность перед старцем. В минуты просветления она нередко, особенно по ночам, тихо вставала и, упав пред образами на колени, со слезами молилась: «Господи, что мне делать – я погибаю! Родитель мой, посмотрел бы ты теперь. Меня настроили против моего наставника и отца, и я не знаю, смогу ли я загладить свою вину и смириться перед ним».

Сестры обители были поставлены в весьма затруднительное положение. Чувствуя настоящую нужду в руководстве, наставлениях, советах и духовных уроках старца, а также вполне сознавая зависимость обители от него и в материальном отношении, они изъявили желание иметь другую начальницу, единомысленную с ними.

Смущенная таким неожиданным поворотом дела, начальница в праздник Благовещения после обедни прошла из храма в трапезу, стала успокаивать сестер и сказала, что все будет по-старому, только просила никого не вмешиваться в ее дела и распоряжения.

Чтобы узнать истинное расположение сестер, благочинная предложила начальнице сделать подписку, то есть расписать по именам, кто из них на стороне отца Варнавы и кто на стороне начальницы. В результате выяснилось, что из двухсот сестер за начальницей оказалось не более пятнадцати. Такой исход подействовал на Марию Пивоварову удручающе. Видя, что лишилась уважения со стороны сестер, она решила отказаться от настоятельства. Такой поворот дела разжалобил сестер, и они уже готовы были от души простить Марию. Старшая из них сказала:

– Матушка, нам желательно одно только, чтобы Вы примирились со старцем. Уклоняясь от его добрых советов и наставлений, Вы и нас стараетесь отдалить от него. А уж если не пожелаете примириться со старцем, тогда лучше, конечно, отказаться от начальствования, успокоиться самой и нас успокоить. Вас Царица Небесная не оставит, и мы все будем с почтением относиться к Вам.

Но тут Марию в ее справедливом порыве остановили так называемые приближенные. Она осталась настоятельницей.

Сохранилось слово отца Варнавы, относящееся ко времени нестроений и обращенное к сестрам в одно из его посещений общины на Пасху.

«Христос воскрес! Возлюбленные о Господе матери и сестры, – начал батюшка свое увещание. – Посещаю ныне вашу святую обитель и все боголюбивое собрание, быть может, уже в последний раз, так как возникает, во-первых, множество препятствий со стороны моего начальства; во-вторых, много ропота и недовольствия в самих сестрах на мое неумение быть руководителем в их духовной жизни; в-третьих, и что самое главное, это близость к нам часа смертного, о котором мы должны помнить всегда, – в Его святой воле наша жизнь, и, быть может, этот день или час есть последний для меня; а потому-то мне и желательно было побеседовать с вами на прощание

если не обо всем, то по крайней мере о том, что ближе ко всем нам и не вышло еще из памяти.

Это, во-первых, ропот и неудовольствие на меня многих сестер, в особенности старших, которые мнят себя быть мудрейшими, быть может, и не по своим летам, или же по долгому пребыванию своему в обители, особенно же тех, кои, проживши в других обителях, откуда усвоили себе нравы и обычаи не те, которые служили бы к общему благу и миру, хотят и здесь, чтобы делалось все по-ихнему, а не то, что требуется послушанием, а потому не оказывают должного повиновения настоятельнице и противятся моим советам и указаниям... Правда, я должен признаться и признаюсь пред всеми вами, что советы мои и указания, как человека неискусного и неопытного в руководстве в духовной жизни и величайшего из грешников, могут быть неудобоприемлемыми к исполнению или не заслуживающими внимания, так как и сам я живу нерадиво, и своими поступками, обхождением, словами и делами, и вообще всем неподобным, что свойственно великим грешникам, от них же первый есмь аз, быть может, подал повод к таким соблазнам и нареканиям... Потому у всех вас смиренно прошу прощения.

...Вместе с тем со смирением прошу выслушать внимательно то, что хотелось мне при этом вам сказать. Если дорого для вас спасение души и приобретение вечной и блаженной жизни – несомненно, что оно дорого для всех вас, затем мы и оставили мир и вся, яже в мире, – то ропот, вообще недовольство, в особенности же неповиновение властям, самоуправство, прекословие им и поношение их установлений, хотя бы кажущихся вам и несообразными с вашими взглядами, несогласными с собственным вашим желанием и настоящими внимания, ведут не только ко вреду общего спокойствия, мира и любви, но и к совершеннейшей утрате вечной жизни и спасения души. Хотя бы кто и изобиловал многими дарованиями духовными и жил по-видимому свято, но если не навывкнул послушанию, терпению, смирению, кротости и любви, теряет всякую надежду внити в Царствие Божие. *«Повинуйтесь наставником вашим и покаяйтесь, – увещевает святой апостол Павел, – тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще; да с радостию сие творят, а не воздыхающе, несть бо полезно вам сие»*²⁸. Мне, непотребнейшему из всех, выпал жребий по указанию блаженной памяти духовного моего отца, старца, наставника и учителя схимонаха Григория и старца Даниила, позаботиться об избрании сего святого места для имеющих собраться под кров Пресвятой Богородицы, желающих и ищущих спасения души своей от бури и мятежей мирской суеты и соблазнов...

Долго я не соглашался на этот непосильный для себя труд, сознавая вполне и немощь свою и неопытность, а еще более ответственность пред Богом, как человек, который не сочетши прежде имения своего, начал здати и не мог его совершити²⁹. Но настоящие старцев и послушание им вызвали меня принять на себя это тяжелое бремя в надежде на милость и помощь Божию. И вот через

столько лет всегдашнего труда и непрерывных забот, при помощи Божией, предстательством Препоблагословенных Владычицы нашей Богородицы, общей всех нас Матери, молитвами Преподобного отца нашего Сергия и моего в Бозе почившего старца и учителя, постепенно развивается и процветает новонасажденная обитель иночествующих сестер и, можно сказать, даже красуется внешним своим и внутренним святых храмов благолепием. Так что оставалось бы только радоваться и благодарить Бога в надежде, что и самое душевное устройство пребывающих в ней украшается постепенно всеми возможными видами добрых дел, приносящих в свое время благий и изобильный плод ко спасению, миру, утешению и любви.

Но вечный враг спасения нашего, диавол, не дремлет, много строил он козней и препятствий с самого начала, чтобы не допустить чему-либо основаться в этом пустынном месте, не переставал препятствовать, не перестает и до сих пор. Но благодатию Божиею и предстательством Пречистых Его Матери все козни его разрушились и разрушаются – веруем и надеемся на милость Божию, что и впредь тою же Божественною благодатию останутся они бессильны. Когда Господу угодно будет, в свое время смиренная эта обитель расцветет и окрепнет и не будет иметь недостатка, к большой злобе и огорчению врага, диавола, который употребляет теперь все свое коварство и злобу к внутреннему препятствию душевного благоустройства пребывающих в этой обители сестер, внушая не утвержденным в разуме разные неподобные мысли и желания, коварством своим представляя уму их все в искаженном виде и тем смущая их и без того немощный дух, ум и сердце, избирая орудием своим особенно тех, кто более всего руководствуется самомнением, плотским мудрованием и гордостью, чем особенно и в высшей степени изобилует он сам и чрез это из ангела света, мира и любви превратился он в демона тьмы, лукавства, вражды и ненависти. А из этого понятно всем и каждой, каким духом они водятся, кому подчиняют свою волю и послушание и какой должны ожидать себе награды во временной и вечной жизни. Пусть рассмотрит каждая всю несообразность своих поступков и все зло, какое от того происходит, – увидит и, быть может, придет к раскаянию и получит прощение.

Мой непрменный долг, моя священная обязанность, возложенная на меня по воле Божией блаженной памяти моим старцем, пеңсья, сколько позволяют мои силы, о благоустройении вашем душевном и вещественном. И кто знает, быть может, мне придется дать строгий отчет пред Богом во всем этом. Неужели вы думаете, что не довольно для меня этой страшной ответственности, и потому дополняете еще к этой тяготящей мой дух мысли свои порицания и наветы, оуждая мои поступки и указания со всевозможным поношением моего имени? Что из этого вам пользы и какое приобретение: вещественное или духовное? Я мог бы радоваться духом, слыша такие поношения, как утешает и ублажает Сам Господь наш [Иисус Христос](#) Своих

учеников и всех Его последователей: *блажени есте, егда поносят вас³⁰*, – если бы не скорбела душа моя о тех вредных последствиях для вас от такого злословия, а еще более от худого примера для младших, которые, как молодые ветви, скоро прививают к себе все то, что видят в старших, и заражаются еще сильнее такими примерами... Из этого выходит общий разлад, смущение и расстройство и потеря путей ко спасению – виною же всему этому опять те же гордость и самомнение. Правда, вам кажутся тягостными иногда мои указания, назначения или даже наказания, которые мне иногда приходится употреблять за вопиющие проступки ваши, и, быть может, они кажутся вам и незаконными, так как у вас есть начальница; простите меня Господа ради в этом, но, до тех пор пока матушка настоятельница – благодарение Господу Богу – не вышла еще из послушания ко мне и признает по своему благоразумию меня (хотя и недостойного, и непотребнейшего из всех) своим духовным руководителем и старцем, этому позволительно быть всегда; это хорошо вы знали и, вступая в эту обитель, знаете и теперь. Но скажите мне по совести – признавая законной начальницей, единственную поставленную над вами, мать Марию, много ли вы ей оказали послушания, покорности и уважения, пока живете здесь? Не более ли, чем мне, вы приносили досаждения и укоризн, забывши всякий стыд, и в лице ее поносите и меня, и ее вместе со мной, или черните ее поведение разными вымыслами и жалобами ко мне, а еще более рассказами людям, которых этим только более соблазняете и отвращаете от обители? Хорошо ли это? Всмотритесь хорошенько. Если, хотя и моим же указанием, вменено Марии в обязанность делать что нужно, более с советом старших, нежели по своим взглядам, то это не дает права никакой сестре брать верх над настоятельницей и относиться к ней без должного уважения, чем отличаются некоторые из вас...

Но довольно об этом. Простите меня Господа ради, святые матери и сестры, я хотел побеседовать с вами о немногом, а, может быть, наговорил слишком много лишнего. Помолимся все от души и сердца к милосердию Божию о прощении общих наших согрешений – да милостив будет всем наш Господь, и да отженит от нас всякого врага и супостата, и умирит нашу жизнь Своею благодатию и человеколюбием, укрепит и утвердит всех нас в союзе мира и любви и единении духа, да в радости совершаем избранное нами и боголюбезное поприще иноческой жизни в надежде спасения душевного, вечной награды и похвалы от Господа, и ангелов, и всех святых Его за претерпеваемое нами пустынное злобление, скорби, труды и болезни ради любви ко Господу. С охотою и усердием исполняя возложенные послушания, неможение же и немощи к исполнению изъявляя начальствующим, особенно Марии настоятельнице, со смирением и кротостию прося ее освобождения или перемены, все, впрочем, по ее благоусмотрению, а не по своему желанию, потому что это будет уже не послушание, а, скорее, самочиние, которое не

только не принесет никакой пользы для души, но еще послужит к величайшему вреду и обратится в совершенную непокорность.

Старшие да послужат для младших примером кротости и любви, терпения и смирения и снисходительности ко всем, в особенности к немощным, хотя в то же время на их обязанности лежит внушить младшим благопристойность и благочестие и прекращать возникающие между ними поводы к распрям или соблазнам. Об ослушании же их и грубости немедленно объявить настоятельнице или благочинной, дабы возникающий такой корень гордости в молодой отрасли совершенно извлечь духом ли увещания или наказания, дабы не дать ему возрасти.

Младшие да повинуются старшим со всяким смирением и кротостию, почтением и уважением и при всякой встрече друг с другом, в особенности со старшими, предваряют благоприличным поклоном, прося их благословения и святых молитв. Если нужно о чем спросить, то да спрашивает с тихостию и, получивши ответ, поклонится, испросив благословения и молитв, отойдет, внимая себе, своему спасению и послушанию, не тротя времени на празднословие и пустые разговоры.

Особенно же не должно как старшим, так и младшим собираться друг к другу для собеседования и препровождения времени в пустых и праздных разговорах, а тем более по вечерам; после повечерия все должны быть по своим келлиям — за этим пусть наблюдает мать благочинная. Да и в другое время, когда укажет надобность прийти к какой-либо сестре, прежде да сотворит молитву и просит благословения, и если получит благословение, может войти, а нет — должна возвратиться назад, кроме случая, указанного послушанием или посланием от настоятельницы.

Настоятельницу же без крайней нужды и дела, не терпящего отлагательства, не беспокоить и не прежде входить, как получивши на то благословение, особенно когда она бывает или занята делами, или больна, а также и не беспокоить ее понапрасну во время отдыха и после девяти часов вечера, кроме самых важных случаев и крайностей. Вообще приходящие к ней и старшие, и младшие сестры должны прежде поклониться и испросить благословения, а потом уже и говорить о деле, за которым пришли, и если она пригласит сесть, то садитесь; если же нет, то это значит, что ей не так свободно, почему, передавши в коротких словах, что нужно, отойти, испросив благословения и прощения, и не роптать на это, потому что она одна, а сестер много — для всех же и Господь не угодит, а не только человек. А мать настоятельницу при этом прошу принимать сестер во всякое время, когда возможно, безотлагательно, выслушивая их просьбы со вниманием, кротостию и любовью, давая определения, советы и повеления с тихостию и снисходительностию; в случае же болезни или расстройства душевного, чтобы не огорчить приходящих каким-либо словом или видом, всего лучше или самой, или через келейную

объявить приходящим сестрам, чтобы извинили и пришли в другой раз; дать себе возможность успокоиться и принять тех в другое время.

Во всех же сих да споспешествует вам благодать Божия, утверждающая и укрепляющая вас ко спасению и к общему союзу и единению духа, мира и любви, в них же есть Царствие Божие. Молю, возлюбленные о Господе матери и сестры, не оставить и моего недостойства во святых молитвах ваших и простить мне вольные пред вами согрешения и невольные, да Господь простит и вас и помилует всех нас Своею благодатию и человеколюбием. Аминь».

Волнения продолжаются

Примирения так и не наступило. Сестры, приверженные отцу Варнаве, доведенные до крайности, скорбя о лишении духовного водительства, подали прошение на имя епархиального Преосвященного о разрешении им, ввиду болезненного состояния их начальницы, избрать другую начальницу, единомысленную с ними и со старцем в управлении общиной.

К сожалению, прошение это не имело успеха, так как епархиальное начальство еще ранее было извещено со стороны Марии Пивоваровой о происходивших в общине волнениях. Вскоре после этого и сама она отправилась лично к преосвященному Макарию, епископу Нижегородскому, желая показать владыке, что слухи относительно ее здоровья – чистейшая клевета. Испрашивая себе милостивой защиты от происходящей в обители смуты, она, конечно, не щадила в своих отзывах ни сестер, ни старца. Епархиальное начальство вспыхнуло гневом на отца Варнаву и обещало водворить мир среди сестер, а непокорных изгнать из обители.

После такого приема у владыки Мария Пивоварова стала проявлять в обращении с сестрами еще больше гордой самоуверенности. Она употребляла все меры к тому, чтобы отменить порядки, установленные в обители отцом Варнавой как бесполезные и даже совершенно ненужные.

Что переживали сестры, видно из заявления выксунского мирового судьи, поданного им на имя преосвященного Макария. «Некоторые сестры, – писал он владыке, – мне заявили, что начальница даже не позволяет им брать воду из монастырского колодца, а приказывает носить из болота... Кроме того, начальница заставляет сестер покупать у нее для отопления своих комнат дрова, прежде заготовленные для обители».

Сестры рассказывали, что трапеза у них стала скудная, даже хлеба не давали вдоволь. Вопреки завету старца, чтобы каждая сестра жила в отдельной кельи, их поместили по несколько человек, а свободные корпуса заколотили. Дров в зимнюю стужу выдавали только по два полена. Письменное общение с кем бы то ни было не разрешалось. Тяжело было сестрам видеть запустение в святой обители, но тяжелее всего было для них слышать о том, что со стороны начальницы на их дорогого отца и наставника возведено много клеветы и послано много неподобающих доносов.

Не зная, как водворить нарушенный мир, сестры решились лично войти к владыке с ходатайством об избрании новой начальницы. Не осмелившись обратиться к Преосвященному напрямую, они сначала зашли к благочинному монастырей архимандриту Лаврентию, который встретил их следующими словами:

– Сестры, я только что от владыки. Ваша начальница телеграфировала, что вы без ее ведома и паспортов убежали из обители. Она просит отнестись к вам как к беглым. Я бы посоветовал вам примириться с ней, иначе вам же плохо будет, так как все епархиальное руководство на ее стороне.

После этих слов бедные неопытные сестры пришли в сильное смущение, и только необходимость как-то разрешить конфликт заставила их, невзирая ни на что, представиться Преосвященному и просить его снисходительно выслушать их. Владыка Макарий встретил их грозно. Сестры со слезами на коленях просили его дать им начальницу-мать, единомысленную с ними.

– Никогда этого не будет, потому что Мария вполне хорошая начальница. Вас возмущает против нее какой-то Варнава, и вы слушаетесь его. За это я лишу его места...

Сестрам пришлось защищать своего невинного старца. Они поняли, что им уже более нечего делать в Нижнем, так как епархиальные власти во главе с самим Преосвященным действительно были на стороне Марии Пивоваровой. Тогда они решились ехать к самому старцу.

По пути из Посада к «Пещерам» они повстречали отца Варнаву, который ехал в Лавру. Остановив извозчика и выслушав их, старец направил сестер в Киновию к госпоже Сапожниковой, а сам поехал в Лавру на собор, куда его вытребовали по делу о происходившей в обители смуте.

С глазами, полными слез, проводили они батюшку и пошли к Сапожниковой, куда спустя некоторое время прибыл и сам отец Варнава. Любвеобильный старец при виде скорбных сестер забыл о только что выслушанном им на соборе поношении, участливо ободрял и утешал их.

– Много вы претерпели скорбей, – говорил он, – и еще потерпите, но не печальтесь. Чем глубже скорби и чем больше их, тем более впоследствии прославится обитель ваша. Вы бедствуете, да ведь и я не без печали. За это время сколько гнусных и неподобных доносов было на меня начальству. Вот и теперь на соборе отец наместник и присутствовавшие старцы, очевидно, доверяя возводимым клеветам, намеревались было отстранить меня от всякого попечения о вас. И только всеми уважаемый схимонах Александр защитил меня, объяснив собранию, что это мое попечение о вашей обители, как и самое основание ее, возложены на меня старцами, моими наставниками. В силах ли собор снять с меня этот многотрудный завет старческий? Этими словами отец Александр положил конец всем нареканиям. Зная, что нельзя нарушать старческих заветов, лаврские монахи молча оставили собрание. Итак, говорю вам, не отчаивайтесь, потому что чем больше горя, тем ближе и помощь

Царицы Небесной. Вы подкрепитесь чем Бог послал да и готовьтесь в путь, вас скоро позовут.

Действительно, в тот же день подают им телеграмму с приказанием начальницы немедленно возвращаться в обитель, куда едет член Духовной консистории для производства следствия.

По возвращении в общину сестер стали вызывать на допрос. Все они, за исключением, конечно, небольшого числа сторонниц настоятельницы, единодушно высказали члену консистории протоиерею Ипполиту Световидову нежелание иметь Марию своей начальницей. Разъяснили они также и то, что имеют потребность в наставлениях и руководстве своего духовного отца и что по этим соображениям они не могли согласиться с предложением начальницы об устранении отца Варнавы от участия в делах обители.

Никто из них при этом, однако, не посмел или же не догадался посмотреть, как записываются их показания. Когда вскоре после того допроса начальницей был получен указ, дававший ей полное право самовластно высылать непокорных и вообще распоряжаться в обители по своему усмотрению, тут только сестры поняли свою оплошность.

Изгнание из обители «Варнавиных» началось с лиц, более значимых по своему положению. Так, первой была удалена из обители П. И. Кокушкина (впоследствии игумена Павла), а затем 26 августа 1879 года с помощью станового пристава были высланы еще двенадцать сестер. В числе их оказалась и престарелая мать Неонила, которая в продолжение десяти лет до назначения Марии Пивоваровой с честью выполняла обязанности начальницы обители. Об этом постыдном распоряжении Марии рассказывали следующее: «Пригласили станового пристава и полицейских в церковь, куда собрали всех сестер. Прочитали список назначенных к удалению. Приказали предпринять все меры к тому, чтобы в течение двух часов келлии были освобождены. Услышав, что нас изгоняют навсегда из обители, где целых пятнадцать лет прожили мы под покровом Царицы Небесной, с горьким рыданием молились мы пред иконой Владычицы, моля Ее защитить нас. Тяжело и вспомнить, какой поднялся вопль, когда полицейские по приказанию начальницы начали силой выгонять нас из храма, требуя немедленного приготовления к отъезду. У каждого корпуса стояли полицейские, а в келлии к нам прошли сторонницы Марии и осматривали наши вещи, вероятно, из опасения, как бы мы не взяли чего монастырского. С трудом собрались в путь и, взяв под руки старицу Неонилу, с плачем направились к Святым вратам, где и выдали нам паспорта. Все сестры, не боясь начальницы, со слезами провожали нас».

Тяжела была бы участь этих незащитных, лишенных крова страдалиц, оставшихся без всяких средств к существованию. Но нашелся добрый человек, который принял сердечное участие в судьбе изгнанных сестер. Им оказался управляющий выксунскими заводами Г. Мешков, который позаботился о

приюте для них на первое время: поместил в снятом для них доме. Трудно было после стольких лет уединения привыкать к новой обстановке, когда всюду нетрезвые люди, мирские песни, крик, а подчас и бранные слова. Сестры с грустью вспоминали о своей прежней блаженной жизни.

Спустя два месяца из обители выгнали еще десять человек, а затем к ним присоединились еще двенадцать. Выгоняли их под надуманным предлогом за то, что кто-то из них повстречался с одной из высланных. Начальница расправилась, как посчитала нужным, не приняв никаких оправданий. Все вещи провинившейся немедленно выбрасывали за монастырскую ограду, а ей самой приказывали в тот же час «убираться вон». Выксунский мировой судья и приютивший всех «проштрафившихся» Мешков отправились к начальнице просить ее помиловать. Но, как видно из заявления выксунского мирового судьи, поданного им епархиальному Преосвященному, Макарию, ходатайство их не имело успеха. Заявление вместе с жалобой благотворителей общины на неблагоприятные действия Марии Пивоваровой было представлено на рассмотрение Священного Синода, в котором в 1881 году два раза слушалось дело о волнениях в Иверской обители.

Бегство из обители

Год спустя после начала неурядиц в обители вместо двухсот сестер насчитывалось не более четверти этого числа. Благосостояние обители также пришло в совершенный упадок. Почти два года не входили в дела общины ни отец Варнава, ни ее жертвователи, пока не изменились в ней порядки вследствие мер, принятых Священным Синодом.

Но еще в январе 1880 года по предписанию нижегородского епархиального начальства для умиротворения сестер в общину прибыл ее строитель и остановился в доме монастырского священника Лебедева. Узнав, что «кормильчик приехал», сестры вышли к Святым вратам встретить его. Пришла и начальница со своими приближенными. Благословляя всех и каждую, старец с горькой улыбкой спрашивал у сестер:

— А ты еще не выгнана?

Начальница провела его в свои келлии, где он оставался недолго и, выйдя оттуда, направился к своей родительнице, монахине Дорофее, которая наравне с прочими сестрами много терпела скорбей и притеснений. Увидев дорогого сына, матушка от радости ли или от старческой простоты встретила его такими словами:

— Кормильчик, сладкое чадо мое, что же это у меня на часах кукушка не кукует — рот откроет, а голосу нет!..

Улыбнулся отец Варнава в ответ на такую речь своей матушки и умиротворенно сказал:

— Успокойся, матушка. И кукушку заставим куковать, и все вы будете утешены и успокоены, только нужно с покорностью воле Божией претерпеть все, что нам послано скорбного от Бога. Я крепко надеюсь на молитвы старцев,

моих духовных отцов, что Матерь Божия не оставит вас всех беззащитными и не попустит общежитию распасться. Не печалиться, а радоваться духом следует нам, когда клеветуют и поносят нас, ибо Господь ублажает таковых, говоря: *«Блажени есте, егда поносят вам»*³¹. Приехал я сюда по поручению начальства, чтобы водворить мир, и вас прошу, сестры, примириться с начальницей; надо и изгнанных ввести в ограду.

– Кормильчик, – говорят ему, – ведь сил не хватает долее переносить все эти издевательства! Хлеба досыта не дают, гнилым кормят, послушания налагают не по силам и, что хуже всего, держат нас в страхе: грозят удалить из обители.

Болело сердце доброго батюшки от этих горьких жалоб. В утешение сестер он говорил: «Не скорбите, дети! Крепко надеюсь я на милость Божию и думаю, что придется вам потерпеть еще каких-нибудь два года, а потом все это кончится, и вы опять будете спокойны!»

Действительно, смута в обители прекратилась в 1882 году с отстранением Марии Пивоваровой.

А пока после утрени отец Варнава отправился в село Выкса к изгнанным сестрам. С плачем встретили они его и просили защиты.

– Не потеряете вы mzды своей, – тихо сказал им батюшка. – Предайтесь в печали Матери Божией, и, если угодно Ей будет облегчить скорбь вашу, Она вскоре откроет всю истину. Если же Ей угодно оставить и далее нас в этом тяжелом положении, то не нам, дети, роптать и сопротивляться судьбам Божиим. Потерпите и будете утешены!

Отечески участливо расспросив сестер об их жизни, отец Варнава объявил им, что он прислан начальством умиротворить их и что настоятельница изъявила согласие принять всех обратно, если только сестры смирятся перед ней. Беспрекословно повинувшись слову наставника о возвращении в обитель, сестры пошли в храм перед началом обедни. По окончании службы состоялось их примирение с Марией, которая тут же распределила их по келлиям, назначив им и послушания. Но не надолго все успокоилось; вскоре водворенные стали подвергаться еще большим притеснениям. Мария Пивоварова мучилась в душе от сознания своей несправедливости. Открыть же перед батюшкой душевные раны не могла по своей гордости.

Не примирилась она чистосердечно со старцем, не осознала своей виновности, вследствие чего и он по-прежнему не входил ни в какие дела общины. Между тем средства на содержание монастыря оскудели до того, что начальница, вопреки завету старца, вытребовала из консистории три сборных книги и послала за подаванием «Варнавиных» сестер.

«Отправились мы из обители с намерением непременно побывать у «кормильчика», – рассказывала одна из сборщиц, – чтобы испросить у него благословение на сбор денег, который он не только не одобрял, но и строго запрещал. Прибыв в Сергиев Посад, мы, к ужасу своему, заметили, что оставили сборные книги в вагоне, а когда вернулись, то там их уже не

оказалось. Что, думаем, нам теперь делать? Начальница ведь не поверит, что мы потеряли книги нечаянно. В тяжелом раздумье подходим к «Пещерам» Гефсиманского скита и видим батюшку. Подзывает он нас к себе и весело говорит:

– Что, сестры, отнял у вас Преподобный Сергей книги? Теперь вам их не найти, потому что собранные деньги пошли бы не на нужды монастыря, а на подарки адвокатам и секретарям, а это Царице Небесной неуютно!..

Он поразил нас своей прозорливостью, мы ведь только собирались поведать ему о своем несчастье.

– Что же нам теперь делать? Ведь начальница нас выгонит снова.

– Терпеть, – говорит батюшка, – терпеть!

Начальница и слушать нас не захотела, приказала тотчас же «убираться», не позволив даже переночевать в обители».

По особой просьбе начальницы, часто посещавшей владыку Макария в Нижнем Новгороде, в 1881 году 28 июня он сам явился вроде бы для того, чтобы разрядить обстановку. Но почему-то не стал препятствовать ее намерению в очередной раз изгнать неуютных. По окончании богослужения владыка вышел из алтаря и по приготовленному списку назвал назначенных к выселению и строго приказал становому приставу немедленно удалить всех названных. Перед тем как отправиться по домам, страдалцы решили испросить благословение старца Варнавы. Батюшка сам в то время оклеветанный, обесчещенный напраслинами, возводимыми на него, тоже терпел притеснения от своего начальства. Но, непоколебимый в вере и уповании на милосердие и правосудие Божие, он находил в себе силы не только без малейшего ропота переносить скорби и бесчестье, но и сестрам-изгнанницам, горько сетовавшим на несправедливость владыки, строго запретил даже мысленно возмущаться против святителя Божия. Поучая их с покорностью, терпеливо переносить посылаемые через людей скорби, наставлял принимать их как бы от руки Самого Бога. Он благословил всем им разъехаться по домам и ждать, когда Царица Небесная благоизволит снова собрать их под Свой покров.

По воле Божией все вскоре так и произошло. Добрым защитником, принявшим самое живое участие в судьбе гонимых за правду, был управляющий синодальной канцелярией Владимир Карлович Саблер, впоследствии Товарищ обер-прокурора Священного Синода. Случайно познакомившись с ним, отец Варнава в разговоре коснулся и печального состояния основанной им обители. Старец просил помощи. Саблер обещал разобраться и ходатайствовать перед кем следует об исправлении сложившегося положения. К столь горячему сочувствию располагала сама личность иеромонаха Варнавы. Светлый ум, глубокое смирение и простота в обращении, неподдельная кротость и незлобие батюшки вместе с величием его

духа – вот те черты, которые расположили Саблера и вызвали в нем глубокое доверие к старцу.

Вскоре особым указом Священный Синод поручил нижегородскому епархиальному начальству озаботиться назначением на должность начальницы Иверской общины благонадежной монахини одного из местных женских монастырей. На новую начальницу возложено было принять в общину удаленных сестер, тех, кого она сочтет возможным вернуть.

С начала 1882 года Мария Пивоварова была отстранена от управления, а все дела были переданы казначее, впредь до избрания новой начальницы. Незлобивый отец Варнава строго приказал ни в чем не стеснять бывшую руководительницу и не беспокоить ее. Но она все еще продолжала вредить. Часть земли, пока не утвержденной за обителью, она всеми силами старалась оставить за собой, но сделать это ей никак не удавалось. Близкие ей советчицы продолжали возмущать ее нетвердый разум и довели до того, что Мария впала в буйное умопомешательство. Поместили ее в больницу, где для ухода и присмотра за ней были приставлены фельдшерица и сестры. Келейных же ее к ней больше не допускали. При хорошем уходе она постепенно начала приходить в себя и совершенно успокоилась.

Из больницы ее забрали родственники, и вскоре, 7 мая 1883 года, она скончалась. Погребли ее на монастырском кладбище.

Умиротворение сестер

Начальницей Иверской общины с благословения Святейшего Синода в 1882 году была избрана и утверждена Нижегородским преосвященным Макарием монахиня рыбинского Софийского монастыря Митрофания. В местной епархии не нашлось монахинь, желающих возглавить Иверскую обитель.

Монахиня Митрофания, в миру Мария Михайловна Крюкова, родом из крестьян Тверской губернии Новоторжского уезда. Начало своей монашеской жизни она положила в Софийском монастыре, где в продолжение двадцати одного года проходила разные послушания, последним из которых было послушание казначеи. В должность настоятельницы Иверской общины мать Митрофания вступила в возрасте шестидесяти лет.

Радостно встретила святая обитель эту почтенную и опытную в духовной жизни старицу, возлагая на нее большие надежды. Все ожидали, что для сестер она будет настоящей, горячо любящей матерью. И сестры не ошиблись – ожидания их исполнились. Как изгнанные, так и добровольно оставившие общину сестры были с любовью приняты новой настоятельницей для продолжения мирной и строгой монашеской жизни. Прекратившиеся было пожертвования вновь потекли в сильно оскудевшую обитель. Благодаря отцу Варнаве появились и новые щедрые благодотворители, из которых в первую очередь следует назвать петербургского купца Г. Ф. Шустрова и московского дворянина М. А. Журавлева. В это время большой Иверский соборный храм был украшен стенной живописью, а его иконостас прекрасно вызолочен. В

1886 году освятили левый придел Иверского храма, соорудили каменный храм с пристройкой к нему двухэтажного здания больницы и богадельни, построили двухэтажные каменные корпуса – трапезный и игуменский, не говоря уже о других сравнительно более мелких постройках.

По указу Священного Синода в 1887 году Иверская община возведена была в степень третьеклассного монастыря. К этому времени завершили строительство нового больничного Успенского храма. Последовало и благословение от Синода на возведение матери Митрофании в сан игумении и о награждении ее золотым наперсным крестом. На торжества в ознаменование таких радостных событий приглашен был в обитель епархиальный архиерей – преосвященный [Модест \(Стрельбицкий\)](#)³². Вместе с владыкой прибыл В. К. Саблер. Немало собралось и благотворителей. По прибытии гостей во Святых вратах колокольни его преосвященство изволил читать акафист Божией Матери пред Иверской Ее иконой. Горячо и усердно молился весь народ.

Накануне торжеств, вечером 7 июля, служилось обычное всенощное бдение обновлению храма. На другой день в девять часов утра владыка в сослужении многочисленного духовенства начал освящение храма. Во время ранней литургии, совершенной в новоосвященном храме, начальница обители мать Митрофания возведена была архипастырем в сан игумении, на нее был возложен наперсный золотой крест и вручен игуменский жезл. По окончании литургии владыка произнес соответствующее сему знаменательному событию слово³³.

На следующий день, 8 июля, после литургии крестным ходом обошли всю обитель и направились в Иверский соборный храм. Здесь после ектеньи владыкой читалась коленопреклоненная [молитва](#) к Пресвятой Богородице пред Ее иконой Иверской, и затем возглашено было многолетие. Так закончились торжества освящения храма и наречения Иверской общины монастырем. В воспоминание этого события ежегодно 8 июля установлено было совершать вокруг монастыря крестный ход.

После возведения общины в степень монастыря отец Варнава продолжал заботиться о благоустройстве обители. Через год игумения Митрофания ходатайствовала перед епископом Нижегородским и Арзамасским Модестом о награждении иеромонаха Варнавы золотым наперсным крестом. В рапорте игумения свидетельствовала о деятельности старца: «С самого основания Выксунской общины, в настоящее время уже больше года существующей под именем Выксунского Иверского общежительного монастыря, Гефсиманского скита Московской губернии иеромонах Варнава благодетельствует вверенной мне обители, а именно:

1) при его содействии вокруг всего монастыря устроена высокая ограда, стоящая около 40 тысяч рублей;

2) монастырская колокольня со всеми колоколами, стоящая не менее 50 тысяч рублей;

3) каменная соборная церковь с престолом в честь Иверской иконы Божией Матери с двумя приделами, с полным иконостасом в пять рядов, вызолоченным, уставленным новыми иконами, и со стенной живописью по всему храму, стоящая до 200 тысяч рублей;

4) другая каменная церковь, двухалтарная, с пристроенными к ней больничными помещениями наверху, а внизу с богадельней – около 100 тысяч рублей;

5) каменный трапезный корпус двухалтарный, стоящий не менее 50 тысяч рублей;

6) еще шестнадцать деревянных корпусов новых, назначенных для живущих в обители, стоящих около 50 тысяч рублей;

7) кроме того, имеются два новых деревянных амбара для хранения хозяйственных принадлежностей и три каменных погреба. Эти постройки стоят не менее 8 тысяч рублей.

Принимая во внимание совершившееся при живом непосредственном участии честного отца Варнавы, возбудившего к великим пожертвованиям высоких благодетелей, от которых постоянно и доселе мы получаем содержание, осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Преосвященством об испрошении несравненному благодетелю Выксунской Иверской обители золотого наперсного креста».

Игуменья Митрофания, обладая душевной простотой, участливостью ко всем, стала со временем опытной руководительницей сестер и в их духовной жизни. Несмотря на крайнюю многообразность и сложность всего монастырского уклада, она благоразумно управляла обителью. От трудов она сильно изнемогла и заболела. Как истинно православная христианка за пятинедельный срок своей болезни она усердно готовилась к переходу в вечность. В пять часов утра 10 мая 1892 года заунывный звон большого монастырского колокола возвестил сестрам о кончине искренно и горячо любимой ими матери, семидесятилетней старицы игуменнии Митрофании. С горькими слезами осиротевшие сестры похоронили свою матушку за алтарем Успенского храма. Вплоть до самого разорения монастыря приходили они поклониться праху своей старицы и с особым старанием и заботливостью украшали цветами дорогую могилку.

По смерти матушки игуменнии настоятельницей Иверской обители стала казначея – монахиня Павла, в миру Прасковья Ивановна Кокушкина. Ей было в то время пятьдесят четыре года. Ее отец был купцом города Шуи Владимирской губернии. В обитель она поступила в 1874 году, проходила разные послушания, некоторое время была благочинной. В смутные годы при Марии Пивоваровой она вместе с другими подвергалась гонениям. По представлению епархиального начальства монахиня Павла указом

Священного Синода от 29 июля 1892 года была утверждена в должности настоятельницы, а 6 августа того же года преосвященнейшим Владимиром, епископом Нижегородским, возведена была в сан игумении. У нее сложились добрые и искренние отношения с отцом Варнавой. В период ее правления было немало сделано для благоустройства монастыря. Выстроили большую каменную гостиницу для богомольцев, которая всегда содержалась в безукоризненном состоянии, а 17 августа 1897 года совершилась закладка величественного собора во имя Живоначальной Троицы, о чем подробно будет сказано в своем месте.

Благолепие монастыря

Из всех храмов обители особой красотой отличался соборный храм, построенный в 1877 году и освященный в честь Иверской иконы Божией Матери. При нем два придела: правый – во имя святителя [Василия Великого](#) и преподобной Ксении, левый – во имя Святителя Николая Чудотворца и Преподобного Сергия Радонежского. На главном престоле – бронзовое, под стеклянным футляром, одеяние изящной работы, вызолоченное через огонь и украшенное эмалью различных цветов с рельефными матовыми изображениями – жертва московского купца Ф. А. Овчинникова. Иконостас из дерева, резной, в византийском стиле. В том же стиле – резные позолоченные киоты с иконами святых угодников. Иконопись во всем храме – на чеканном золотом фоне. Все иконы написаны были в строгом православном духе, очень искусно, мастерами палехской школы Сафонова. Над ликами святых угодников сияли серебропозлащенные венцы – жертва московского купца П. Ф. Микляева. Среди святынь собора стоит назвать гробничку с частицами Гроба и Креста Господня, с мощами святых угодников числом до ста. Как сказано в описании, они «перешли в обитель жертвами разных достопочтенных боголюбцев».

В монастырской разнице хранились три Евангелия в серебропозлащенных окладах, чеканные напрестольные кресты, потиры, диски. По изяществу и художественности исполнения заслуживают внимания две дарохранительницы, пожертвованные Н. А. Журавлевым и И. Д. Бокастовым, плащаница с изображением Божией Матери, лежащей во гробе, шитая по бархату золотом. Одежда на Богородице вся сплошь вышита золотом. Вокруг изображения Богородицы крупными буквами полууставом вышит тропарь. Вся работа по вышиванию и отделке плащаницы выполнена сестрами обители – золотошвейками по послушанию.

Была в монастыре и библиотека. Поскольку обитель возникла недавно, то в ней ценные старинные рукописи или книги не хранились, но было множество книг, изданных различными учеными обществами и учеными людьми, почти все, что выходило в то время.

Под Иверским соборным храмом при его постройке выведен был довольно значительных размеров склеп. В 1891 году усердием благотворителей его

переделали в трехпрестольный подземный храм. В 1892 году 12 июля по благословению преосвященного Владимира, епископа Нижегородского и Арзамасского, средний алтарь его был освящен в честь Собора честных бесплотных сил. Алтарь правого придела 13 июля освятили в честь апостола Петра и мученицы Агриппины; левый придел – 14 июля в честь преподобного Герасима Иорданского и преподобномученицы Анастасии Римляныни.

Соборный Иверский храм возводился усердием и на средства благотворителей: мещанина Сергиева Посада В. Т. Рыбакова, петербургского купца Г. Ф. Шустрова, купцов из города Богородска И. С. Кулаева и Г. Д. Куприянова, а также некоторых других жертвователей.

Почитатели старца – устроителя обители – принесли в дар монастырю частицу мощей [апостола Варнавы](#), небесного покровителя батюшки. 20 июня 1901 года священник Георгий Раевский в письме иеромонаху Варнаве сообщал, что мощи святого апостола Варнавы в серебряном крестообразном ковчеге, полученные от Марии Сергеевны Кошелевой – вдовы потомственного дворянина, передаются в Выксунский женский монастырь, «где бы облагодетельствованные Вами сестры имели более напоминательных побуждений молиться о Вас, достойного носителя святого имени, пред небесным Вашим покровителем святым апостолом Варнавою».

Когда возвели соборный храм, то новая домовая церковь в богадельне, построенная в русском стиле с 1884 по 1887 год, была названа Успенской. Часть земли до возведения храма занимало монастырское кладбище, и несколько могил оказались под сенью храма. Так, возле южных дверей его под мраморной плитой покоился прах родительницы отца Варнавы схимонахини Дарии. Незадолго до ее кончины между ними произошел такой разговор.

– Матушка, какой бы мне памятник тебе поставить, когда Господь призовет тебя к Себе?

Кроткая, смиренная старица отвечала:

– Кормилец, сладкое мое чадо, что обо мне заботишься? Когда умру, то хоть выбрось меня куда-нибудь – мне все равно. А вот о чем попрошу тебя. Приходит уж конец моих дней, и я вполне испытала на себе немощи старческие, поэтому понимаю, как тяжела жизнь других престарелых и какого они требуют ухода. Меня-то покоили все время и с любовью ухаживали из благодарности к тебе, кормилец ты мой. А посмотрел бы ты, как тяжело другим старушкам, когда за ними и некому ухаживать. Хороший был бы мне памятник, если бы ты устроил для старых монахинь богадельню и для больных больницу.

Такое святое желание умиравшей матери для любящего сына было законом.

– Хорошо, матушка, – отвечал он, – благослови и помолись за меня. С Божией помощью я надеюсь исполнить твоё желание. Уповаю на милосердие Царицы Небесной, что Она поможет мне не только успокоить престарелых и больных, а еще построить при больнице и богадельне церковь во славу Ее

пресветлого имени. Там, под сенью храма Божия и будут покоиться твои косточки.

Вскоре после кончины схимонахини Дарии явился к отцу Варнаве за благословением один боголюбец, удрученный скорбью по поводу кончины своего родителя. Это был Николай Аркадьевич Журавлев, приехавший за советом, как лучше привести в исполнение завещание покойного отца – построить храм в богадельне для престарелых. Старец указал ему на возведенную обитель, которая не имела еще ни больницы, ни богадельни. Не прошло и трех лет со дня этого разговора, как с помощью Царицы Небесной устроен был новый пятиглавый храм с примыкающими к нему больничным и богаделенным помещениями. Сооружение зданий, внешняя и внутренняя их отделка, снабжение всем необходимым производились исключительно на средства щедрого благотворителя Н. А. Журавлева. Он не остановился на этой милости в своем святом стремлении послужить ближним – и в дальнейшем продолжал оказывать юной обители все новые и новые благодеяния. *Блажени милостивии, яко тии помилованы будут*³⁴.

Храм этот отличался красотой отделки. Весь цоколь его на два аршина от земли облицован был белым тесаным камнем. Главки на пяти куполах были железными, окрашенными синей краской, и увенчаны вызолоченными крестами. Престол освящен был 8 июля 1887 года в честь преславного Вознесения на небо Матери Божией по святом Ее Успении, празднование которого свершается 17 (30) августа. Чин освящения совершал владыка Модест, епископ Нижегородский. Стены храма расписаны были палехскими мастерами в 1894 году. Предалтарный иконостас, многоиконный, резной, устроен был в византийском стиле. Возле северных дверей храма за левым клиросным киотом находилась так называемая «темница», в которой помещалась изваянная фигура страждущего Спасителя – в терновом венце, багрянице и с тростью в руке. Отец Варнава рассказывал, что «темничка» эта сооружена им по обету: «Зашел я однажды в лаврскую больничную церковь, где находится темничка, по образцу которой устроена и эта. Сильно страдал я тогда от головной боли. С глубокой верой припал я к пречистым стопам Божественного Страдальца, молясь об исцелении. И дивное дело! Приложившись, я почувствовал большое облегчение и тут же, не отходя, дал обет своему Милосердному Врачу в изъявление моей глубокой душевной благодарности Ему соорудить и поставить в Иверской обители точно такое же изображение Христа Страдальца. Вскоре моя боль исчезла совершенно».

С западной стороны к Успенскому храму примыкало здание богадельни. Ее верхний этаж, где разместилась прекрасно устроенная и обставленная всем необходимым больница, кроме прихожей и других подсобных помещений, состоял из шести палат, довольно вместительных, высоких, светлых и сухих. Воздух в них очищался особыми вентиляторами. Тут всегда поддерживалась безукоризненная чистота и порядок. Аптека монастырской больницы в

достаточной мере снабжалась всевозможными медикаментами. Из больничного коридора на хоры храма вела полусветлая дверь, и больные свободно могли бывать за богослужениями, стоя на хорах; услышать службу можно было, даже не выходя из палат. Для ухода за больными при больнице находились две женщины-фельдшера и несколько сестер-послушниц. Кроме того, два раза в неделю в определенные дни и часы сюда приезжал доктор с заводов господина Колендо, что в селе Выкса. По предписанию доктора фельдшеры составляли лекарства, бесплатно выдавали их сестрам, а те – больным.

Нижний этаж здания составлял собственно богадельню. Здесь, как и в верхнем этаже, кроме различных необходимых комнат, имелось шесть помещений для немощных и престарелых сестер. Призреваемые из коридора могли попасть прямо в храм, что являлось для них большим удобством. При богадельне имелась общая столовая. Уход за престарелыми был возложен на послушниц.

Отдельно и на значительном расстоянии от храмов, в центре лицевой южной стены монастыря, возвышалась гигантская каменная четырехъярусная колокольня высотой в тридцать две сажени. Построили ее в 1876 году. Инженерное решение основания колокольни довольно просто: оно заглублено в землю на пять аршинов и, по причине сырого грунта, положено на плоту, состоящем из двух рядов толстых сосновых бревен, прочно соединенных между собой.

На колокольне закрепили восемнадцать колоколов общим весом более двух тысяч пудов, пожертвованных в разное время разными благотворителями. Большой колокол весом в 1076 пудов был пожалован обители в 1895 году неизвестным жертвователем. Второй колокол – в 550 пудов – был передан одним из крупных благотворителей монастыря В. Т. Рыбаковым. В верхнем ярусе помещались часы с особыми, подобранными по тонам, колоколами. Каждую четверть часа они вызванивали песнопение «Кто ты может избежать, смертный час?» – напоминая насельникам обители о времени молитвы, трудов и занятий.

Замечательные часы эти были подарены Г. Ф. Шустровым.

По сторонам к колокольне примыкали два каменных здания. В первом помещалась лавка для продажи икон, богослужебных и духовно-нравственных книг, крестиков, четок и прочих церковных вещей, а также некоторых предметов рукоделия, изготовлявшихся сестрами обители. В другом здании размещались привратницы и лавочницы. Тут же жили и две сестры-звонарницы.

Святыми вратами входили богомольцы в монастырь, шли парадной асфальтовой дорогой, проложенной до самого Иверского храма, обрамленной красивыми железными решетками и уставленной скамеечками для отдыха. Чудный вид открывался из Святых врат обители. Она казалась раем.

В 1897 году 17 августа посреди монастырской площади, на месте упраздненной часовни, в восьми саженьях от Иверского храма было начато возведение нового, пятиглавого каменного соборного храма во имя Святой Живоначальной Троицы – грандиозного по размерам, прекрасной, в русско-византийском стиле, архитектуры. Храм стал украшением не только монастыря и Нижегородской епархии, но и всей православной России. Он вмещал до четырех тысяч человек. Замечательной работы металлический иконостас, чудная живопись по стенам, богатейшая церковная утварь, мозаичный пол из метлахских плит довершали убранство этого величественного здания.

Необходимость в новом строительстве объяснялась тем, что имевшиеся монастырские храмы не вмещали и половины всех богомольцев, во множестве и отовсюду стекавшихся в обитель в праздничные дни.

Чин закладки храма совершил преосвященнейший Аркадий, викарий Нижегородской епархии, в сослужении многочисленного духовенства. Велика была радость насельниц. Чтобы разделить духовное торжество, в монастырь прибыли многие щедрые ее благотворители и высокопоставленные лица. Бесчисленное множество богомольцев добавляло праздничности всему происходящему.

По окончании Божественной литургии на месте новосооружаемого храма совершен был крестный ход. Здесь после водоосвящения и состоялась торжественная закладка храма. Вслед за преосвященным Аркадием в основание сооружения положили свои кирпичи отец Варнава, В. К. Саблер, А. Н. Столпаков, игумения Павла и многие другие из присутствовавших. Затем владыка Аркадий произнес приличествующее моменту слово³⁵. Все завершилось провозглашением многолетия и, как это ежегодно бывало в праздники Успения, вокруг монастырских стен двинулся крестный ход.

Кроме храмов, Иверский монастырь славился многочисленными постройками, которые изумляли своими размерами и красотой отделки. Всего жилых зданий насчитывалось 24. Это трапезный корпус, построенный в 1894 году на средства московского дворянина Николая Аркадьевича Журавлева. В нижнем этаже его помещались: обширная трапезная, кухня, хлебопекарня, кладовые и другие хозяйственные помещения. Своды и стены были украшены живописью. Хорошей столярной работы большие столы и скамьи при них были расставлены длинными рядами в обширном помещении в виде огромного восьмиконечного креста. На особом возвышении стоял аналой для чтения житий святых и иных поучительных повествований. Здесь же находились три резных шкафа с прекрасной посудой и столовым бельем, отличавшимися безукоризненной чистотой. На верхнем этаже размещались несколько келлий, а также мастерские – иконописная, золотошвейная, ризошвейная. Кроме трапезного корпуса были игуменский, певческий, сестринский, где жили насельницы; помещения для кладовой; продуктовая,

лавки, свечная мастерская, цветочная, переплетная, портновская, башмачная. Были своя прачечная, своя баня, разного рода хозяйственные постройки.

Сестры испытывали неудобства от недостатка воды, так как содержимого имевшихся колодцев на всех не хватало. Число сестер увеличивалось, и нехватка воды не могла не заботить старца. Твердо уповая на милость Пречистой Богородицы, он всегда ободрял сестер:

– Потерпите! Матерь Божия вас утешит, и воды будет столько, что и девать некуда!

И действительно, Царица Небесная не замедлила послать им обильный и неиссякаемый источник воды. Одна благочестивая женщина, А. И. Решетникова, пожертвовала обители капитал, необходимый для сооружения артезианского колодца. Потом нашелся и сведущий в этом деле человек – В. С. Щербаков, под его присмотром все было устроено. Знаменательно то, что вода в скважине показалась и пошла обильным потоком в самый день празднования 250-летия со времени перенесения Иверской иконы Божией Матери с Афона в Москву при [Патриархе Никоне](#).

Паровая машина с резервуаром находилась с одной из башен монастырской ограды. Отсюда вода поступала по трубам во все жилые и хозяйственные помещения обители. Для келейных надобностей и поливки садов, кроме водопровода, в монастыре имелись два небольших прудика, несколько колодцев и один небольшой фонтан. На участке земли между огородами за скотным двором на средства Н. А. Журавлева был вырыт большой проточный пруд для мытья белья.

За южной и восточной стенами монастырской ограды находились две гостиницы. Платы за номера не полагалось, а состоятельные посетители могли опустить свою лепту в кружку, висевшую в коридоре. Кушанье постояльцам также подавалось бесплатно.

К одной из гостиниц примыкал конный двор, обнесенный каменной стеной с навесами. Внутри двора – каменное помещение с экипажным сараем, кузницей и слесарней. Здесь же располагались кладовая и конюшня с отдельными стойлами для лошадей, которых в обители насчитывалось до двадцати.

У восточной ограды устроили обширный скотный двор с большим коровником и двухэтажным зданием, в котором наверху жили сестры-скотницы. На нижнем этаже располагались столовая, молочная и погреб для хранения молочных продуктов. В обители держали до шестидесяти голов скота. За двором тянулись обширные огороды с парниками и колодцами. Собственных овощей почти всегда хватало до следующего урожая. Его хранили в прекрасно обустроенных подвалах, представлявших собой последнее слово техники. Некоторые специально приезжали посмотреть, как все было устроено.

В летнее время, кроме определенного каждой сестре послушания, все трудились в огородах и садах. Насельницы святой Иверской обители не умели бездельничать. Все свободное от молитвы время они проводили в трудах и занятиях, возложенных на них старшими сообразно с силами и способностями каждой сестры. По послушаниям они разделялись на живописиц, золотошвеек, ризничих, переплетчиц, портних, башмачниц, цветочниц, свечниц и т. д.

Все послушницы-рукодельницы должны были приходить в мастерские после ранней литургии и работать до обеда, а затем, в зимнее время, работы продолжались до вечерни. Летом, после двухчасового отдыха, работали до ужина. В мастерских царили порядок и тишина. Очередная сестра читала вслух жития святых или нечто иное, но неизменно – духовно-нравственного содержания. Таким образом труд, давая сестрам некоторую передышку в молитвенном делании, в то же время не позволял суете и мирским тревоблениям овладеть их душами.

Монастырь имел лесные угодия – сто пятьдесят десятин. При строгой бережливости и правильной вырубке обитель ежегодно получала довольно значительное количество бревен на ремонт и дрова для отопления монастырских зданий. На этом же участке леса имелась пасека из ста пятидесяти ульев, которой ведали сестры-пчельницы, жившие здесь же в деревянном флигеле.

На расположенном недалеко от монастыря собственном кирпичном заводе наемные рабочие ежегодно выделывали до восьмисот тысяч штук обожженного кирпича, столь необходимого для строительства обители.

У Иверского монастыря было благоустроенное подворье в Москве, состоявшее из двух каменных двухэтажных домов со всеми необходимыми при них службами.

Монастырские порядки

Старец Варнава оставил сестрам подробное руководство к должному прохождению иноческого жития. В поучениях батюшки нет, кажется, ни одного слова, не подтвержденного примером его личной жизни. Так, ободряя ослабевших, он являл собой образец истинного подвижника неусыпаемой молитвы, неустанных трудов. Пример его подвижнической жизни сильнее всяких слов действовал на малодушных, заставляя их благоговеть пред величием его подвига. Если учил он любить скорби, тесноту монастырской жизни, унижения, поношения, то и вся его многоскорбная жизнь была подтверждением его слов о пользе терпения. Сестры знали, что их родной батюшка всю жизнь проводил в тесноте, трудах и скорбях, не только никогда не стараясь уклоняться от них, но, как нередко казалось, сам добровольно подчиняясь им, всегда готовый с радостью претерпеть всякую клевету, поношение, оскорбление. Пожалуется, бывало, ему иная малодушная сестра, что слишком тяжело ей живется; труды-то трудами, да еще и бранят все ее, так что иной раз и невыносимо бывает. «Тебя все бранят? А ты думаешь, что

Варнаву-то не бранят? Еще как ругают-то меня, грешного! И пусть, дочка, нас с тобой бранят: ведь монаха-то сколько ни черни, черней рясы не будет!» – говаривал он в утешение скорбящей.

Бывало, скорбит какая-нибудь старшая сестра и жалуется, как нелегко подчас ей приходится с вверенными ей послушницами, а отец Варнава и посоветует в такие минуты вспоминать, как нелегко ему иметь попечение о целой обители. Для всех было очевидно, что он презрел себя ради Бога, не искал и не имел покоя, довольства плоти, жертвовал всецело собой для ближних, что и давало ему чистую духовную радость.

«Вера горами движет»³⁶ – по слову Спасителя. Чем же, как не верой своей, упованием на помощь Божию и покров Царицы Небесной и своей глубокой любовью, старец Варнава двигал вперед развитие и процветание Иверской обители?! И эта вера и упование старца служили основанием его трудов и забот, которым он отдал всю свою жизнь. И поистине дивное дело: его упование никогда его не посрамляло. Мать Божия незримо исполняла все прошения раба Своего, который с твердой верой все относил к Ее святой воле и милосердию. «Так угодно Царице Небесной, Мать Божия все Сама устроила, Сама Она и попечется обо всем», – обычно говаривал старец тем, кто дознавался, почему он поступал так или иначе. В деле устройства этой обширной прекрасной обители старец был только как бы хранителем доверенного ему Царицей Небесной достояния.

Иеромонах Варнава своими молитвами и неусыпным попечением всячески оберегал Иверскую обитель от злобы и расхищения врагов, видимых и невидимых. И за все годы был ли хоть один день, когда батюшка не думал бы о ней, не ходатайствовал за нее пред Богом и людьми?! Можно с уверенностью сказать, что не только дня такого, а и часа одного не проходило, когда бы забывал он о своем Иверском. Начиная день, он как любящий отец на молитве вспоминал о своем «детище» и просил Бога о его благополучии; в беседе с посетителями он всячески располагал их в пользу Иверского монастыря; в своих письмах, которым большею частью отдавал он свои ночные часы, он не переставал «докучать» духовным детям просьбами об Иверской обители. В груде получаемых отовсюду писем он отыскивал прежде всего конверты со штемпелем «Выкса», и их прежде других вскрывала его рука.

Денежные или какие другие вещественные дары неизменно почти всегда отправлялись в Иверский. Дал как-то раз один добрый человек батюшке сто рублей, с тем чтобы он употребил эти деньги на благотворительность. Старец принял с великой благодарностью приношение и сказал: «Я их теперь же пошлю в Иверский, ведь там у меня пятьсот нищих!» Один фабрикант пожертвовал старцу несколько тюков черного кашемира, и батюшка препроводил его в свою обитель для раздачи нуждающимся сестрам. А таковых у него было всегда большинство. Из года в год набирал он именно неимущих в свою обитель. Из глухих тамбовских деревушек, из столичных

городов – отовсюду шла к нему беспомощная беднота, ища крова и надежного духовного руководства.

Как ни тяжело было старцу иметь на своем попечении великую семью, отказать бедным девицам, сотни верст прошедшим до его келлии, он был не в силах. С любовью примет он, бывало, их, запыленных, усталых, унылых, утешит, оделит чем Бог пошлет, благословит идти в его обитель и даст еще на дорогу.

Впрочем, не всегда и не всех благословлял старец в Иверскую обитель. Однажды пришли к нему две молодые девицы-землячки попросить благословения и указания на избрание жизненного пути. Обе они были готовы с верой принять его совет и в точности исполнить все, что скажет им старец. Знали они, что у батюшки есть и свой монастырь где-то далеко в Нижегородской губернии, и потому уже переговаривались между собою по дороге к келлии старца – идти ли им туда, если батюшка будет посылать их в свой монастырь... Одна с охотою пошла бы и туда, а другая решилась отказаться от Иверского, принимая во внимание дальность расстояния до него от ее родины. «Ведь туда кто из родных-то приедет ко мне, – говорила она, – кто чего принесет мне? Ни масла, ни яиц негде будет взять». И старец, приняв их к себе, благословил обеим идти в монастырь: первой – в его Иверский, а второй – в Хотьково. «Тут к тебе поближе будут родные, – сказал он ей при этом, – а туда далеко им, и ты без масла и без яиц насидишься, пожалуй!»

Каждая новая «дочка» приносила ему с собой и новые заботы. Приняв ее на свое попечение, старец немедленно писал о ней «матери», как звал он игумению, уведомляя ее о том, что такая-то девица принята им в обитель и что должно дать ей подходящее послушание и келлию. А по приезде своем в обитель он непременно осведомится у новенькой, привыкает ли она к монастырю и не скучает ли. Если посетят обитель родные какой-нибудь «монашки», он обязательно внушит им не забывать свою родную богомолицу и чем-нибудь да порадовать ее. Случалось нередко видеть в его келлии различные посылки, принесенные родственниками для передачи насельникам: тут и самовар, бывало, стоит в углу, и валенки, мешок с какими-нибудь вещами и узелок с домашними гостинцами... Согревалось батюшкино сердце, когда представлял он радость сестер при получении этих посылок. А как он сиял, бывало, когда какая-нибудь из его дочек иверских проездом из обители на родину заедет к нему, как к отцу родному! Как старался он тут ее утешить, обласкать, вразумить!

Неутомимый труженик, вечно занятый с посетителями, обремененный грузом множества забот и хлопот, он, бывало, и виду не покажет, что устал от целодневных трудов. Напротив, оторвавшись на какой-нибудь час от обычных занятий, с народом, он, казалось, забывал свою старость и усталость, когда оставался один на один со своими присными «любимыми детками», как звал он всех, особенно же своих иверских.

Если уж в «Пещерах» батюшка старался уделить побольше времени и внимания сестрам, то тем более он всецело принадлежал им, когда приезжал в обитель, а это бывало раз шесть-семь в году. И нужно было видеть, как готовилась обитель к встрече своего кормильчика, особенно перед праздниками, и как радостно встречала его! Следует сказать, что посещения иеромонаха Варнавы вносили праздничность в тихую трудовую жизнь насельниц обители и надолго оставляли по себе светлую память.

Что касается монастырских порядков, то Иверская обитель, как общежительная, представляла собой одну семью из четырехсот сестер-насельниц. Все они в одинаковой мере пользовались всем потребным, одинаково же и трудились на общую пользу. [Жизнь](#) их текла под бдительным надзором матери игумении, которая во всем руководствовалась указаниями и советами старца Варнавы. Новоначальных поручали старшим монахиням, которые наставляли молодых послушниц на пути добродетельной жизни. От новеньких требовалось лишь полное повиновение старшим и отсечение собственной воли.

Тому, чтобы блюсти монастырский уклад, способствовала удаленность обители от мира. Отлучались из монастыря не иначе как с позволения игумении, да и то лишь по послушанию, которое выполнялось вне обители: купля, отправление и получение почтовой корреспонденции, хозяйственные и прочие поручения. Отец Варнава строго-настрого запретил посылать сестер в мир за подаянием. При этом он всегда говорил начальнице: «Лучше, мать, претерпим скудость и недостаток в чем, только постараемся сохранить вверенных нам сестер от соблазнов мира в чистоте и целомудрии». Такое послушание, как сбор с кружкой в миру, опасно в нравственном отношении. Поэтому не только какие-либо отлучки строго воспрещались, но даже выходить сестрам за монастырскую ограду не дозволялось без особого на то благословения.

Монастырские правила всеми соблюдались строго. Церковные богослужения посещались неукоснительно, положенное монашеское правило тщательно исполнялось. Как истинный пастырь своего духовного стада старец, навещая Иверскую обитель, всякий раз требовал следовать монастырскому уставу.

Утренняя начиналась в четыре часа пополуночи. За час до звона назначенные сестры с колокольчиками ходили по корпусам и будили насельниц. Они громко творили Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». После чего произносили:

— Сестры, вставайте. Бдению настало время, и молитве час.

Насельницы тихо выходили из своих келлий и спешили в храм. Богослужение, продолжавшееся около двух с половиной часов, а иногда и более, состояло из утренних молитв, 17-й кафизмы, полунощницы, акафиста и утрени. После пения тропарей следовали две рядовые кафизмы. Строжайше

положено было петь и читать в храме громко, внятно, неспешно, истово. Полагались и уставные чтения: канон дня из октоиха и минеи святого. Ирмосы и катавасии пелись на клиросах. Стиховны, хвалитны и первый час вычитывались вполне по монастырскому уставу. По окончании утрени клиросные сестры, сойдясь на середине храма, умильно пели «Под Твою милость прибегаем...» Затем начиналась ранняя литургия, после которой ежедневно совершалась краткая лития или вселенская панихида об умерших благодетелях обители.

Сестры-мастерицы, отстояв раннюю обедню и напившись чаю, спешили в свои мастерские и с прилежанием принимались за рукоделье.

В 9 часов служили позднюю литургию. По прочтении Евангелия на сугубой ектении поминались главные ктитори обители. Ежедневно совершался молебен Матери Божией, во время которого по особо заведенному синодику поминали благодетелей обители.

По окончании молебна ударами в висевший у трапезного корпуса колокол возвещали о времени трапезы, и все сестры попарно шли на трапезу. Клиросные, идя впереди, пели 144-й псалом *«Вознесу Тя, Боже мой...»* За ними следовала настоятельница и все сестры. Чередная чтица читала «Отче наш». Настоятельница произносила: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» И все садились за стол. На обед ежедневно полагалось четыре блюда: холодное с рыбой, щи, суп и каша. Вечерняя трапеза состояла из двух блюд. На перемену каждого кушанья настоятельница звонила в колокольчик. Иногда, в дни поминовения умерших, подавали булки. В праздничные же и воскресные дни трапеза значительно улучшалась. Кушанья приносили определенные на то послушницы-трапезницы числом восемь человек под надзором старшей монахини. Во все время еды соблюдалось глубокое молчание, только чтица громко, внятно и неспешно читала в это время жития святых. По окончании трапезы и по прочтении положенных благодарственных молитв пели тропари, затем поминали о здравии и спасении старца, игумении и всех благодетелей обители.

Вечерня в зимнее время начиналась в 4, а в летнее – в 5 часов. По окончании ее совершалось малое повечерие, во время которого вычитывался канон святого, положенный на этот день, каноны Иисусу Сладчайшему, Божией Матери и ангелу-хранителю. В воскресенье, понедельник и пятницу – акафист Матери Божией. По окончании повечерия и канонов совершалось скитское правило³⁷, заимствованное из Гефсиманского скита, которое ввел владыка Филарет, митрополит Московский.

Нельзя было совершать это правило без особого чувства благоговейного восторга и умиления. В церкви, освещенной одними только лампадами, царили полумрак и глубокая тишина. Неспешно и умиленно произносились чтицей слова молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас,

грешных!» Так и слышался в этих святых словах, исходивших из сокрушенного сердца, вопль грешной души к своему Спасителю. Затем водворялось полное молчание — каждая сестра творила свою безмолвную молитву. По временам слышались только вздохи. Богомолец, побывавший хотя бы однажды на этой молитве в обители, не мог забыть пережитого в эти священные минуты.

По окончании правила все сестры шли на вечернюю трапезу. Затем совершалось вечернее правило и читался помянник. Из трапезной сестры тихо расходились по своим келлиям, не заходя друг к другу. Удаляясь на покой, каждая невольно вспоминала слова своего духовного наставника: «Сестры, когда вы удаляетесь на ночное время в свои келлии, вы запираете свои двери и никто уже не знает, чем занимаетесь вы в это время, кроме ангела-хранителя вашего, который невидимо остается при вас безмолвным зрителем деяний ваших. Молитесь вы — радуется он. Предаетесь беспечному сну — он печалится. Ночь дана нам, дети, не для одного только отдыха, но и для упражнения в богомыслии: в ночной тишине даже удобнее нам беседовать с Богом».

На воскресные дни, двенадесятые, Богородичные и полиелейные праздники положено было совершать всенощное бдение. Малая вечерня с тремя канонами и акафистом в эти дни совершалась в 4 часа, а всенощная начиналась в 6 часов вечера и продолжалась 3–4 часа — Церковный Устав в обители всегда выполнялся строго. По окончании всенощной, после пения «Под Твою милость прибегаем...» читались молитвы на сон грядущим.

В воскресные дни во время утренних молитв бывал Троицен канон рядового гласа и акафист Иисусу Сладчайшему, а в прочие дни недели читались следующие акафисты: в понедельник — архангелу Михаилу; во вторник — Преподобному Сергию; в четверг — святителю Николаю; в субботу — пред иконой Божией Матери «Скоропослушница»; в среду и пятницу — пред Ее Иверской иконой, а в праздничные дни — акафист празднику.

В воскресенье после вечерни положено было отправлять полунощницу и чин двенадцати псалмов. Вначале читалась 17-я кафизма, затем следовала вседневная полунощница, по окончании которой отверзаются Царские врата и священник начинает: «Слава Святей...». Чтица — «Приидите, поклонимся...», за сим: «Господь просвещение мое...» и прочее. После каждого стиха трижды пели «аллилуиа». Совершать эту службу положено было по скитскому уставу.

Земные поклоны от Святой Пасхи до Пятидесятницы оставлялись. В течение всего года в двенадесятые, Владычные и Богородичные праздники, в воскресные и субботние дни, а также и в дни причащения Святых Таин поклоны также отменялись — полагалось лишь четыре поклона по числу четырех важнейших возгласов иерея, относящихся к совершению великого Таинства Святой Евхаристии. При чтении акафистов в воскресные дни коленопреклонение разрешалось с благословения старца, также и в праздничные и воскресные дни следовало прикладываться к местным особо

чтимым святыням. Коленопреклонение строго воспрещалось при важнейших песнопениях на всенощном бдении, как то: величание, песнь Богородице и великое славословие.

Поскольку все необходимое для монастыря получали от благотворителей, то батюшка напоминал об обязанности ее насельниц непрестанно молиться за всех благочестивых жертвователей, дабы полученная милостыня не послужила бы сестрам в погибель. Ведь добрые боголюбивые люди спешат со своей щедрой милостыней в святую обитель, полагаясь, главным образом, на иноческие молитвы сестер. «Многие боголюбцы-миряне, – говорил при этом старец, – занятые службой и различными многосложными делами, не имеют достаточно времени для молитвы, а потому и просят монашествующих помолиться о них. А мы здесь и собраны затем, чтобы непрестанно молиться о всем православном мире».

Нередко при этом отец Варнава приводил рассказ о видении некоего затворника.

«В одном монастыре, славившемся добродетельной и богоугодной жизнью, подвизался затворник, с юных лет проводивший дни в чистоте и воздержании, всячески работая Богу. Со многими слезами молясь Ему о спасении своей души, о властях и о мире всего мира, удручая свое тело постом и бдением, не заботясь о приобретении богатства или какой-либо собственности, он занимался чтением и пением Псалтири, непрестанно возносясь умом и сердцем к Богу. Одевался во вретище, спал на рогоже, от усердствующих благотворителей никогда ничего не принимал. Приехал однажды в ту обитель начальник города и сам раздавал всем инокам по сребренику, а придя к затворнику, дал ему златницу, умоляя его принять ее. Затворник, не желая обидеть столь почетного гостя, принял от него златницу. В ту же ночь он имел видение. Подвижник видел, будто он со всей братией находится в поле, заросшем тернием и разделенном на участки по числу братий. При этом какой-то необычный юноша заставляет всех монахов жать терние. Юноша говорит и затворнику: «Жни терние». Видит затворник, что из всех участков у него самый большой. И говорит он юноше-ангелу:

– Почему у меня участок больше всех?

– Потому, – отвечает ангел, – что ты больше всех получил. Вспомни: ты вчера вместе с братией нанялся, взяв деньги у того христолюбца, а это все плоды дел его. Приступи же и жни, чтобы златница была твоей душе на пользу, а не во грех.

Проснувшись, в ужасе затворник вернул златницу градоначальнику и, как тот ни умолял его взять все-таки златницу, раздать бедным, он не хотел ее брать, при этом говорил:

– Не хочу чужих грехов терние жать – своих грехов терние не могу истребить.

После этого градоначальник еще более раздал милостыни, вспоминая слово Писания: «Милостыней и верой грехи очищаются»³⁸.

– Молитесь же, сестры, за всех милующих и питающих вас, чтобы не быть вам осужденными в тунеядстве. А вы, «отчаянные», – ласково обратился старец к клирошанкам, – должны усерднее славить Господа и молиться за благодетелей, так как на вашу долю выпадает более утешения, чем на долю других, тем более что и послушание-то ваше состоит в молитве и славословии».

Отцом Варнавой установлен был и чин поминаения усопших. Когда умирали сестры обители, ударяли в большой колокол: при кончине монахини – двенадцать раз, рясофорной – шесть, послушницы – три раза. В это время каждая сестра обязана была положить двенадцать земных поклонов о упокоении новопреставленной с молитвой «Упокой, Господи, душу усопшей новопреставленной рабы Твоея (*имя*) и прости ей всякое согрешение, вольное же и невольное». Такое поминаение о душе новопреставленной каждая сестра совершала в течение сорока дней после утренних и вечерних молитв.

Приготовив усопшую, выносили ее в больничный Успенский храм, где она находилась до дня погребения, при этом день и ночь читали по новопреставленной Псалтирь. Отпевание совершалось духовенством монастыря соборно при трогательном пении сестринского хора. Помолиться и проводить к месту вечного покоя свою сотрудницу собирались обычно все насельницы. Когда прах почившей при похоронном перезвоне колоколов опускали в могилу, каждая сестра полагала двенадцать поклонов с вышеприведенной молитвой. После погребения сестры шли в трапезную, чтобы помянуть усопшую. По апостольскому завету – молиться друг за друга³⁹ – новопреставленную записывали в синодик на вечное поминаение на проскомидии и за чтением Псалтири.

В больничном храме заведено было неусыпаемое чтение Псалтири следующим порядком. Передняя сестра, сотворив обычное начало, два поклона поясных и третий земной пред иконой Спасителя, приложившись к святой иконе, успокоив свои чувства и собрав помышления, вставала на молитву пред Господом и начинала чтение по такому правилу: «Молитвами святых отец наших» и прочее, Трисвятое по «Отче наш», тропари и молитва ко Пресвятой Троице, затем «Приидите, поклонимся», «Блажен муж» и прочее, по каждом стихе трижды «аллилуиа».

Как уже говорилось, в Иверской обители строго положено было читать неспешно и внимая читаемому, «да чтуще молится и молящееся читает, ибо молитва есть глаголение к Богу, чтение же Божие к человеку беседование, и аще молитва от чистого сердца воссылается горе, небеса проницает и тща не возвращается, но низводит дары благодати, умудряющие ум и спасающие души, от источника премудрости Спасителя нашего Бога».

По прочтении же кафизмы, после Трисвятого, обычных тропарей и молитвы сестра начинала читать помянник. Прочтя имена о здравии и спасении благодетелей обители по двум синодикам, она тем же порядком читала вторую кафизму с тропарями и молитвой. По второй кафизме следовало чтение помянника об усопших: «Помяни, Господи, от жития сего отшедших...» и прочее, далее читались имена.

Так каждая сестра начинала свою череду с кафизм, которые по порядку ей прилучатся, оканчивала чтение положенными по девятой песни тропарями и молитвой «Многомилостиве и премилостиве Господи». По окончании чтения сестра, положив пред иконой Спасителя три поклона и приложившись к святой иконе, отходила с миром в свою келлию. Если же чередная сестра задерживалась, то трижды ударяли в малый колокол, подавая знак к поспешению на чтение. Время для каждой череды полагалось по два часа. В таком порядке чтение Псалтири совершалось в обители день и ночь, начиная каждую седмицу с шестого часа пополудни воскресного дня до шестого часа утра субботнего дня. Только в двенадцатые праздники чтение Псалтири оставлялось. Ежедневно также совершалось поминовение живых и умерших на проскомидии, на сугубой и заупокойной ектениях, на молебном пении о здравии и на Великой панихиде. Для совершения богослужений в Иверской обители содержались три священника и диакон. Ежедневно совершалось две литургии – ранняя и поздняя. Читали и пели при богослужениях сестры, в алтаре прислуживали манатейные монахини.

За порядком и чистотой в алтарях и храмах наблюдали церковницы и пономари. На обязанности сестер также лежал весь монастырский колокольный звон. Благозвучность колоколов приводила в умиление сердца богомольцев.

Содержание монастырского причта при готовых квартирах и отоплении было вполне удовлетворительным. Из монастырских сумм на содержание духовенству ежегодно выдавалось: священникам по триста рублей и диакону – двести рублей. Кроме того, они пользовались частью текущего дохода от проскомидий, молебнов и панихид. Вообще, монастырское духовенство получало средства и содержание вполне достаточные.

Посещение обители старцем

Иверский Выксунский женский монастырь своим величественным видом невольно пробуждал в душе каждого благонамеренного православного чувство благоговения перед неисповедимыми судьбами Промысла Божия. При виде этой обширной и цветущей обители всякий, кто хотя бы немного знал ее историю, невольно проникался мыслью, что находится она под особым покровительством Царицы Небесной, незримо помогавшей усердному служителю Своему иеромонаху Варнаве устроить и благоукрашать ее, несмотря на все препятствия, какие встречал он на пути к осуществлению этого трудного и многосложного дела. Неусыпными попечениями

назначенного Матерью Божией старца-строителя обитель достигла такого благосостояния, что своим внешним видом, равно как и внутренним духовным благим устройением, стала не только вровень со многими другими монастырями, древними, известными, но и далеко превзошла многие из них.

На пространстве в девять квадратных десятин⁴⁰ расположены величественные здания и постройки юного Иверского монастыря, обнесенного крепкой оградой с четырьмя высокими башнями по углам. Посреди южной стены, обращенной к Выксе, над прекрасно украшенными Святыми вратами высилась четырехъярусная колокольня. При входе в обитель прежде всего обращали на себя внимание внушительные по своим размерам, но вместе с тем изящной архитектуры храмы – Иверский и Успенский. Недалеко от Иверского высился прекрасный собор во имя Святой Живоначальной Троицы. Далее взор посетителя останавливался на жилых зданиях монастыря, отличавшихся красотой своей наружной отделки. Затем шли другие постройки – крупные и небольшого размера.

Перед храмами были разбиты цветники и насажены обширные плодовые сады. Возле каждого малого домика, не говоря уже о больших, имелись палисадники, обнесенные частью деревянными, а частью изящными коваными решетками. Не могли нарадоваться сестры, созерцая этот святой, мирный и дорогой для них уголок, где за четырьмя высокими стенами, как в тихой пристани, вне опасности от бурь и треволнений мирской жизни они спокойно наслаждались тем, что подавала им в утешение Мать Благая, Небесная их Покровительница. Особенно привлекательной бывала обитель летом, когда ее храмы, большие корпуса и маленькие домики, – все было залито солнцем, сияло чистотой и опрятностью среди яркой зелени тополей и плодовых деревьев. Воздух, и без того чистый от лесных просторов и уединенности расположения монастыря, источал ароматы цветов. Множество богомольцев, стекавшихся в святую обитель из разных мест, дополняли этот чудный вид.

Вся эта радующая взор картина свидетельствовала о святой ревности старца-строителя и сестер-насельниц в деле благоустройства монастыря. И действительно, неусыпно пекся любвеобильный отец Варнава о своем детище, прилагая много стараний к изысканию потребных для этого средств. Стоит заметить, что Иверский монастырь не был обеспечен средствами для безбедного существования. Не было в его владениях ни обширных посевных полей, ни лугов для покоса, ни других каких-либо выгодных хозяйственных угодий. Текущих денежных средств – от церковных треб, продаж сестринских рукоделий, процентов с монастырского капитала, различных прочих доходов – было явно недостаточно для поддержания в должном виде всех его многочисленных храмов, зданий, служб и содержания насельниц.

Главным источником существования монастыря являлась немалая лепта многочисленных почитателей батюшки, которые по чувству особого уважения

к старцу Варнаве щедро отдавали часть своего имения на нужды и потребности обители.

С великим усердием приносили они ей свои пожертвования. Эти-то добровольные приношения в виде денежных сумм, строительных материалов, хозяйственных принадлежностей, продуктов и служили главным источником существования сестер и монастыря.

Сам будучи беден и не имея ничего в собственности, духоносный батюшка пользовался великими и богатыми милостями от Бога, Который и посылал ему через добрых благотворителей обильные средства для содержания и благоуукрашения его детища.

Высокопочтимый старец Варнава являлся в полном смысле слова многопопечительным отцом основанной им обители, а обитель для него – родным и дорогим детищем. Заботясь о внешнем благоустройстве монастыря, старец еще большее попечение проявлял о ее внутреннем благоустройстве. Никому не ведомы труды, скорби и всевозможные лишения, понесенные им при этом незримом для внешнего ока служении, а между тем под его мудрым окормлением обитель достигла определенных высот духовного совершенства. Как порядок церковных служб, так и весь заведенный старцем внутренний строй монастырской жизни не оставляли желать ничего лучшего. И слово старца было для сестер законом.

Вдали от монастырских зданий, в сосновом бору, одиноко стоял двухэтажный деревянный, на каменном фундаменте, домик. В 1893 году построен он был одной боголюбивой особой, имя которой неизвестно, но знает его [Бог](#). В нем и останавливался отец Варнава, когда посещал обитель. Половину верхнего этажа, состоящую из двух комнат – келлии и приемной для посетителей, – занимал сам батюшка, другую половину и все нижнее помещение – приезжавшие с ним гости и благотворители. Перед домом разбиты были обширные цветники.

Забывая об усталости, он всегда прямо с дороги отправлялся в храм и при пении «О Мати Благая...» горячо молился пред Иверской иконой Пресвятой Богородицы о всех жертвователях и сестрах обители. Непосредственно после того начиналось повечерие. Во время чтения трех канонов старец, в мантии и епитрахили, выходил через Царские врата на середину храма и читал акафист Матери Божией. Под умиленное и отчетливое чтение неслось к небесам тихое пение сестер: «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая». Какое неотразимо-отрадное и благолепное впечатление производило все это на присутствовавших в храме и каким благоговейным умилением наполняло сердца молящихся! По окончании повечерия сестры подходили поближе к солею и с нетерпением ожидали выхода батюшки из алтаря, чтобы принять от него благословение.

Преподавая благословение, старец для каждой сестры находил слово утешения и приветия. Да и вообще все беседы его с сестрами были проникнуты

отеческой любовью и попечительностью. Это были беседы отца со своими детьми. Для всех одинаково доступный, ко всем равно приветливый и добрый, он все-таки особенно старался поощрять тружениц. Было, например, замечено, что сестры, несшие клиросное послушание, пользовались несколько большим вниманием старца.

В каждый свой приезд отца Варнава успевал везде побывать и все осмотреть, обо всем участливо расспросить, а где нужно, преподать добрый совет и наставление. Не оставались без обличения замеченные им какие-либо недостатки, неисправности.

Поучая сестер более всего помышлять об угождении Господу, старец в то же время оказывал и снисхождение к их немощам, всегда старался доставить им и некоторое утешение. С какой радостью встречали они своего наставника-отца и «кормильчика» и как затем, дорожа каждой минутой его кратковременного пребывания в обители, окружали его густой толпой и старались не пропустить ни одного слова из его назидательной беседы. И старец с истинным самоотвержением отдавал всего себя на служение своим ближним.

По искреннему желанию и усердной просьбе сестер батюшка обходил иногда и келлии, причем от зоркого его взгляда не ускользало ничего неуместного в монастыре. Так, например, он строго запрещал держать в келлиях певчих птиц, кошек или других каких-либо животных. Призывал к тому, чтобы обстановка в келлиях была возможно проще, никакой роскоши он не одобрял и не допускал.

С глубоким вниманием слушали сестры своего батюшку, сопровождая его всюду. Если же с ним приезжал кто-либо из гостей-благодетелей, то даже и «отчаянные» клирошанки почтительно стояли в стороне, не осмеливаясь подойти к нему, пока сам батюшка не скажет им: «Отчаянные, идите-ка сюда!» С отеческой любовью отвечал старец на все их вопросы, утешал в скорбях, разрешал недоразумения, выслушивал различные просьбы и всегда старался всем оказать помощь и утешение. Как истинный «сын утешения» отец Варнава всюду приносил с собой радость, любовь и милость. Многие благословляли тот день и час, когда они по совету отца Варнавы вступили под мирный кров святой обители и приняли монашеское звание, о чем подчас и не думали до знакомства с ним. Сестры вели переписку с отцом Варнавой. Читая эти письма и наставления, убеждаешься, как зорко следил и уже за гробом, с небесной высоты Церкви торжествующей, продолжал следить за духовным совершенствованием своих чад святой преподобный отец Варнава, Гефсиманский чудотворец.

Быстро проходили радостные дни свидания с дорогим батюшкой. В день своего отъезда отец Варнава неизменно служил Божественную литургию и напутственный молебен, после чего отправлялся со всеми сестрами на трапезу, по окончании которой заходил к начальнице. Оттуда, сопровождаемый

насельницами, отправлялся он в Успенский храм, где покоилась его родительница схимонахиня Дария. Приложившись к святым иконам, старец подходил к дорогой ему могилке и, поклонившись праху матери, опускался на колени с усердной молитвой к Богу о упокоении ее души. Тихо пели «Со святыми упокой» клирошанки... Окончив молитву и осенив святым крестным благословением дорогую могилку, старец поднимался на амвон и творил отпуст. Затем благодарил настоятельницу и сестер за их привет и любовь. Земно поклонившись ему, все сестры одна за другой начинали подходить к старцу за благословением.

Когда приезд батюшки приходился на канун святой Четыредесятницы, в Прощеное воскресенье, он в епитрахили и со Служебником выходил на амвон и читал молитву «Владыко, многомилостиве Господи...», а все сестры стояли на коленях, низко преклонившись к земле. По прочтении молитвы старец земно кланялся сестрам, испрашивая у них прощения, и при умильном пении «Покаяния отверзи ми двери» преподавал свое благословение.

Затем все направлялись к выходу. Под колокольной в Святых вратах старец опять останавливался помолиться Божией Матери. При пении «О Мати Благая...» с усердной мольбой преклонял он колена пред Ее святой иконой «Вратарница», вручая обитель свою верной и благомощной Хранительнице.

При пении и колокольном звоне, со слезами провожали сестры своего батюшку. Трогались лошади. Старец с обычной ему добродушной улыбкой всем кланялся и всех благословлял. С грустью глядят сестры вслед уезжающему от них отцу. Вот еще раз, уже в последний, издали, старец встает и кланяется, и экипаж его исчезает за поворотом дороги...

Последние годы жизни

Горячая любовь к старцу Варнаве и преданность ему духовных чад особенно ярко проявились в празднование 50-летнего юбилея его жизни в Гефсиманском скиту. 8 июля и 13 октября 1904 года стали сугубыми праздниками в Иверской обители. В то время как сам виновник этих торжеств забыл и думать о том, что он уже полвека несет верную и усердную службу Богу и ближним, нашлись сначала немногие из его почитателей, решившие между собой отпраздновать этот юбилей 8 июля 1904 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери, о чем уже говорилось в самом начале книги. Их примеру последовали и некоторые другие, приурочив чествование к празднику Иверской иконы Божией Матери 13 октября.

В приветственной речи к юбиляру действительный статский советник Алексей Николаевич Столпаков, в частности, сказал:

«Достопочтимейший, дорогой, горячо любимый наш батюшка отец Варнава! 11-го сего июня пошел пятидесятый год со дня, когда для мира житейского умер слесарь Василий и возродился в мире духовном инок Варнава. Не мне, грешному мирянину, проникать в тайну обращения в течение этих пятидесяти лет того инок в старца Варнаву, нашего общего духовного отца, в устроителя

и блюстителя дивной сей Иверской обители, в кормильца ее, нашего утешителя в скорбях, нашего сорадователя в счастье, всегда во всем наставника и доброго советника и неусыпного за нас молитвенника пред Господом!..

День и год пострижения батюшки мало кому были известны. Только благодаря особым обстоятельствам были об этом осведомлены некоторые из нас, которые, конечно, пожелали ознаменовать его полувековое послушание каким-либо знаком памяти. По человеческой слабости нам было желательно устроить это так, чтобы при батюшке пребывало всегда молитвенное о нас напоминание».

Старцу преподнесли Иверскую икону Божией Матери в позолоченной, с эмалью, ризе; крест и Евангелие, также сребропозлащенные; весьма древнего письма и богато украшенный жемчугом и драгоценными камнями крест для жертвенника, на серебряном вызолоченном пьедестале, с выдвижной подставкой для лампады при нем, также серебряной, вызолоченной, высокохудожественной работы. От лица участников этих приношений и за их подписью был поднесен иеромонаху Варнаве адрес такого содержания:

«Всечестнейший, дорогой наш духовный наставник отец Варнава!

Примите ныне, в день полувекового служения Вашего во славу Божию и на пользу Святой Православной Церкви, искреннее приветствие от Ваших духовных чад. Зная Ваше истинно христианское смирение и боясь нарушить покой Вашего сердца, мы удерживаемся от выражения глубоких чувств, с которыми мы переступили порог этой смиренной обители. Сооружая в память Вашего пятидесятилетия эти святые икону, Евангелие и крест, мы просим Вас, дорогой наставник наш, принять их и сохранить в сердце своем память о духовных чадах Ваших, здесь смиренно ожидающих Вашего благословения».

Батюшка, глубоко тронутый этим чествованием, поспешил ответить словом, исполненным чувства подлинного смирения:

«В настоящий день, дорогие мои братья и сестры, когда я вижу вас собравшимися здесь, мне невольно вспоминается один священный рассказ. Этот рассказ записан в [Библии](#), и в нем передается то, как однажды народ еврейский чествовал и прославлял подвиги своего великого царя и пророка Давида, победившего с помощью Божиею гордого и ненавистного Голиафа. И вот когда он вместе с Саулом возвращался с поля брани, то еврейские женщины из всех городов израильских выходили ему навстречу и пением, ликованиями и радостными восклицаниями приветствовали победителя. Они возглашали: «Давид победил десятки тысяч!»

Когда я теперь обращаюсь от этого рассказа к себе и подумаю о том, что это вы меня чествуете, то я не нахожу ответа на этот вопрос. Душа моя пуста, нет у меня личных добрых дел! Если вы и видите теперь эту благоустроенную обитель, то это ведь не я ее создал. Это все устроил Господь и устроил исключительно вашим содействием, возлюбленные братья и сестры. Вы

принесли сюда свои сбережения – вы, а не я украсили дом Божий подобающей ему честью. Моего же здесь ничего нет.

Так за что же вы приветствуете меня? Вы говорите о том, что я пятьдесят лет прожил в монашестве. Но какая в этом моя заслуга?! Все от Бога. Господь призвал меня и успокоил в монастыре. Он же подавал и подает мне силы в борьбе со страстями... А сам я – ничто! Если я сказал бы что-либо в похвалу себе, так это только то, что я последний из людей. *О себе же не похваляюся, токмо о немощех моих⁴¹*. Вы говорите, что я назидал вас своим словом. Но я никогда ничего не говорил от себя, а всегда из слова Божия и отеческих писаний.

Итак, Давиду вполне по заслугам были возданы честь и слава от жителей Иудеи за избавление их от врагов, и я не нахожу и не имею у себя никаких заслуг и вижу одни только немощи. Только ваша любовь, дети мои возлюбленные, не замечает или не хочет видеть этих моих немощей. Вот за эту-то вашу любовь ко мне я и благодарю Бога в настоящий день, как и всегда. Благодарю Царицу Небесную, Владычицу нашу, нашу Помощницу и Покровительницу сей святой обители, ныне, в день праздника Ее, собравшую всех нас сюда. Благодарю и вас всех, мои дорогие братия и чада о Господе, за все, за все, в чем сказалась ваша любовь ко мне, недостойному ни любви, ни почтения, ни этих приношений. По своему недостойнству я и не желал бы никогда быть виною настоящего торжества. Но с любовью принимаю эти дары любви вашей и с благоговением лобызаю этот святой образ Пречистой, этот святой крест и Святое Евангелие.

Мое последнее слово к вам – это просьба о молитве. Молитесь обо мне, да устроит Господь душу мою в Своих обителях».

Юбилейное празднование по своей скромности и неподдельной искренности носило семейный характер. Как приветствуют дети своего горячо любимого отца или ученики своего уважаемого наставника, так тепло и задушевно почтили своего наставника-старца его духовные дети.

В течение пяти лет перед своей кончиной иеромонах Варнава посещал Иверскую обитель особенно часто. Он как будто торопился при жизни упрочить ее внутреннее и внешнее благолепие, потому и старался наблюдать за всем. Зимой и летом, во всякую погоду, забывая о возрасте и тяготах дальнего пути, не обращая внимания на самочувствие, старец всегда ездил налегке и в дороге так же мало заботился об удобствах, как и в скиту. Но Господь хранил батюшку: он никогда не жаловался на недомогание и удивлял всех необычайной для своего возраста выносливостью и бодростью.

Неудобства путешествия на лошадях, особенно в осеннее ненастье или в крещенские морозы, нередко и молодых спутников старца доводили до изнеможения и заставляли подумывать об отдыхе; а батюшка, бывало, не только не показывает виду, что нуждается в отдыхе, но еще и по приезде в

обитель тотчас же принимается за свои обычные труды. Он прилагал много усилий для одоления немощей плоти, и его, конечно же, подкрепляла помощь свыше. Но телесные силы старца постепенно таяли, что замечали многие. Отец Варнава чувствовал это и сам; он сознавал приближение окончания земного поприща, а потому из его уст все чаще слышалось в последнее время, что «он ведь не вечен и нужно ко всему готовиться обители, которую он вручает Матери Божией».

Хотя окружающие видели, как убывали силы старца, но обычная веселость его нрава не допускала и мысли, что скоро уйдет он на вечный покой. Батюшка щадил своих «деток», стараясь потихоньку, понемногу готовить их к разлуке с ним.

Недели за три до кончины он сказал, между прочим, двум бывшим у него монахиням, как бы предуказывая на свою предсмертную болезнь: «Все в воле Божией, а человеку совсем нечем гордиться. Вот потеряет человек зрение, ослабнут у него руки, – при этом он указал на свои глаза и руки, – куда же он тогда годится?! Вот говорят про меня, что я вашу обитель выстроил. А разве это все я сделал? Моего тут нет ничего. Матери Божией так угодно было. Она и посылала добрых людей». Тогда же он прибавил: «Скоро у вас будет большой переворот». Эти последние слова свои о предстоящем в обители перевороте он повторил два раза, добавив при этом: «Помни, дочка, я не ошибаюсь, скоро у вас будет большой переворот». Но все это понималось тогда по-своему, никому и в голову не приходило спросить его о смысле сказанного. Да и последовал ли бы ответ на такой вопрос?..

Он несколько загадочно говорил и раньше, например: «Скоро поеду к Царице». Или же с обычной шуткой промолвит, бывало: «Ну вас, надоели вы мне, уйду от вас в затвор и больше ездить уж не буду...» Эта неизменная в устах его ласковая шутка, относительная бодрость старца имела и своим следствием то, что никто почти и не думал о близкой разлуке с дорогим «кормильчиком».

Но в последние годы даже внешность старца свидетельствовала все-таки об истощении жизненных сил. Однако многолетний навык держаться бодро, быть благодушным, каких бы это ни стоило усилий, приводил к тому, что все окружающие питали надежду, что дорогой, любимый старец еще поживет. До семидесяти лет иеромонах Варнава старел как-то незаметно, но за последние пять лет он сильно изменился, осунулся, стан его сделался согбенным, походка усталой, слух стал плохой, речь – невнятна для непривычного уха, прерывистая от тяжелого ускоренного дыхания. Но, несмотря на крайнее телесное изнеможение, старец до самой кончины сохранил благообразный вид, и внешность его производила на всех приятное впечатление. Он был среднего роста, телосложения довольно крепкого, несколько сухощавый, убеленный сединой. Черты его весьма привлекательного лица были правильны: высокий, без морщин, лоб, тонкий прямой нос и светлые, живые,

изжелта-серые глаза, обрамленные лучистыми морщинками. Цвет лица его, обычно старчески-бледный, иногда становился бледно-розовым, а во время богослужения казался чрезвычайно просветленным. Голос он имел звонкий, приятный для слуха, выразительный. Некоторое время в скиту он был певчим, канонархом и читал Апостол.

Предсмертная болезнь старца (острый катар верхних дыхательных путей) обнаружилась и проявилась в конце января 1906 года сначала в упадке физических сил, головной боли и слабости зрения. 30 января отец Варнава едва смог принять посетителей, чувствовал сильное утомление. Одной бывшей у него в то время сестре из Иверской обители он сказал с обычной своей ласковой шуткой: «Да хоть ты-то не мотайся тут, поезжай, не до тебя мне!» На другой день, 31 января, батюшка выехал (уже в последний раз) в Выксу в сопровождении троих духовных детей. «По дороге от Муром к монастырю отец Варнава, – рассказывал один из тех его спутников, – был довольно весел и, по обыкновению, шутил с монастырским кучером: «Мы тебя все беспокоим, ты бы теперь пил чай, а тут надо ехать. Надоели мы тебе; ну, скоро уж не будем тебя беспокоить"».

Приехав в обитель, старец пошел к себе в келлию. На этот раз он уже не скрывал от сестер, что не совсем здоров: «Голова болит, и в глазах темно...» Больно отозвались эти слова в сердцах сестер, встречавших его. Тогда же потребовали к нему сестру-фельдшера, и батюшка сам делал себе примочки на глаза. А потом, несмотря на недомогание, он все-таки пошел в церковь к повечерию и сам, по обычаю, хотя с великим трудом, совершил одевание двух послушниц в монашеские одежды. Затем старец прошел в новый Троицкий собор, осмотрел его и сделал некоторые распоряжения относительно недоделанного. Тут же он просил своего преданнейшего духовного сына и друга г. К-ва устроить монашеские места для монахов в этом храме. Взглянув на паперть, которую он собирался переделывать, и на этот раз все не решался дать благословение на ее слом. В конце концов сказал: «Ну, там увидим, что вторая неделя покажет, а пока оставить это».

Отсюда прошел он в настоятельские покои, где было предложено ему и гостям подкрепиться трапезой. Отец Варнава немного посидел за столом, но почти ничего не ел и, не дождавшись окончания ужина, вышел из-за стола со словами: «Ну вы кушайте, а я немного отдохну» – и лег в гостиную на диване. Сестра-фельдшер опять стала делать ему примочки на глаза.

Окончив наскоро ужин, все – и гости, и сестры – встали со своих мест со смутной тревогой на душе за отца Варнаву и вошли к нему в гостиную. А старец лежал навзничь, бледный, обессиленный приступом жара, с компрессом на голове. Вид его в таком положении со сложенными на груди руками настолько поразил всех, что, с трудом удерживаясь от слез, сестры невольно опустились возле него на колени.

Иеромонах Варнава не видел этого, но он чувствовал, что вокруг него происходит, и поспешил утешить и ободрить своих «деток», начав едва-едва внятный разговор с ними. Но от жара батюшка часто впадал в забытие.

Но вот, благословив звонить ко всенощной, старец быстро приподнялся и стал надевать наперсный крест и клобук, собираясь в церковь. Сестры просили его дать себе отдых и не ходить в церковь, чтобы не застудиться, но он решительно заявил, что будет служить всенощную и обедню. «А Евангелие-то за меня прочитают, – с грустью добавил он, – сам-то я почти не вижу ничего...» Поднявшись с дивана, батюшка не устоял на ногах и опять присел, бессильно склонив набок пылавшую от жара голову. Неимоверных усилий стоило ему преодолеть немощь и пойти в храм Божий ко всенощной, во время которой он выходил на литию и полиелей и, еле-еле передвигая ногами, в последний раз совершил с диаконом каждение всего храма.

Трогательно и поучительно было видеть этого труженика Божия, тихо, в самоуглублении движущегося и кадящего святым иконам и предстоящим. Окончилась продолжительная праздничная служба. Старец, едва держась на ногах, преподал благословение всем до единой сестрам и удалился к себе, спокойный за сестер, что они теперь не будут скорбеть: он послужил, хотя Евангелие и молитвы сам читать не мог.

После ранней обедни у Святых врат собралась толпа сестер. Все ждут новостей о родном батюшке, ловят каждое слово. Но вот показались сани: это он едет. «Господи, слава Тебе!» – облегченно вздыхают сестры и с радостью спешат к нему навстречу. Побывав у новых сестер, одетых им накануне в иноческие одежды, преподав им благословение и слово назидания, батюшка пошел в покои настоятельницы. Здесь на тревожные расспросы он отвечал, что теперь чувствует себя несколько лучше, только глаза все застилает, даже на часах не видит времени. Затем он приказал подать ему Канонник с крупной печатью, но печально заметил, что видит только одни строки, а слов разобрать не может. «Грехи мои разболелись ныне, даже и за обедней не был!» – скорбно пожаловался батюшка на самого себя. «Надо, непременно надо служить позднюю обедню, а то монашки заскорбят», – решительно сказал он в ответ на просьбу матушки игумении поберечь себя. Просили его остаться в обители еще хоть на денек, но он и это отклонил, говоря: «Ну, уж теперь имейте меня отреченна! Я сегодня же уеду, а вас всех вручаю Царице Небесной. Мне необходимо съездить в Петербург проститься со всеми и поблагодарить этих добрых людей... Теперь последние дни перед масленицей, а тогда уже неудобно будет монаху выезжать...»

И старец исполнил свое намерение: сам отслужил позднюю обедню и в тот же день уехал в Петербург...

Перед отъездом он вошел в Иверский собор, чтобы (в последний раз!) помолиться здесь перед образом Царицы Небесной и вручить Ей свою

обитель, затем преподать сестрам христианское прощение и последнее в жизни сей благословение.

Помолившись в святом алтаре и приложившись к иконе Божией Матери, старец в епитрахили стал на амвоне, чтобы прочесть разрешительную молитву, как он совершал это ежегодно перед наступлением Великого поста. Все склонились к церковному помосту, склонился и сам старец, а молитву прочел и сделал отпуст вместо него отец Иоанн – духовник обители. Началось прощание батюшки со своими чадами, прощание последнее – навеки!

Благословляя каждую подходившую сестру, старец неспешно, истово осенял ее крестным знамением, а иных удостоил при этом и слова своей отеческой ласки. А певчие тихо пели его любимые «На реках Вавилонских...» и «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче».

Преподав всем благословение, отец Варнава из храма прошел к Святым вратам, сверх обыкновения своего, миновав Успенскую церковь и не простившись со своей матушкой (не побывал у нее на могилке), как он делал всегда. Окруженный своими «детками», батюшка горячо молился в Святых вратах пред иконой Вратарницы за свою обитель... А затем, с последними звуками многолетия, «кормильчик» сел в сани, чтобы оставить свою обитель навсегда...

В Петербурге старец с раннего утра, часов с 6–7, и до глубокой ночи ездил по городу, посещая своих духовных детей и проводя в квартире каждой семьи не более десяти-пятнадцати минут. «В большой деревне (так называл батюшка Петербург) народ все хороший, добрый. Любят там меня; да ведь и я их очень люблю», – не раз говаривал он. И действительно, по рассказам самих петербуржцев, старец всегда был для них желанным гостем. Как и всегда, заранее оповещенные батюшкиным келейником о дне приезда старца все его почитатели уже были к тому времени в сборе и готовились принять дорогого гостя.

С вокзала старец прямо проехал к Ш-вым, где он обычно останавливался и откуда выезжал к своим почитателям. Как истинный утешитель он везде и всегда излучал радость, умиротворение. «Радостный, приветливый, войдет, бывало, он в дом, – рассказывает его келейник, – и все вокруг него, от малого и до старого, бывали радостными, счастливыми. Даже малютки-дети и те охотно окружали его, иногда неожиданно для старших вступали с ним в беседу». Так, однажды маленькая трехлетняя девочка, очень любившая старца и привыкшая к его посещениям, заметив, что батюшка в тот раз был без наперсного креста, запросто спросила его, почему он без крестика. И старец, как бы извиняясь в своей оплошности, сказал малютке: «Ах, белый ангел, вот уже теперь всегда буду приезжать к тебе с крестиком!» Так, переходя из дома в дом, поднимаясь с лестницы на лестницу, труженик Божий целых два дня посвятил своим любимым «деткам», встречаясь с ними в последний раз,

благодаря за их любовь, за благодеяния обители Иверской и прося их не оставлять ее впредь своею помощью.

Кончина и погребение

По приезде из Петербурга в Москву 9 февраля (за неделю до смерти) отец Варнава почувствовал еще большую слабость. «С Николаевского вокзала, – вспоминает встречавший старца г. К-в, – мы поехали с ним на подворье Иверского монастыря. Батюшка до того был слаб, что не мог уже сидеть прямо и всю дорогу валился то на одну сторону, то на другую, так что до боли оттянул мне руку. На подворье мы вместе обедали, и батюшка был весел, много говорил и всех нас утешал».

Стремление казаться здоровым было вызвано тем, что на подворье из Иверского монастыря специально, чтобы узнать о его самочувствии, приехала монахиня.

– А то ведь монашки скорбеть будут! – говорил батюшка.

В тот же день отец Варнава благословил монахиню ехать обратно в обитель. Ослушания не допускалось. Старец старался оберегать покой сестер.

Наступил понедельник первой седмицы Великого поста. Прежде батюшка ежедневно, с утра до глубокой ночи, был занят приемом исповедников и потому никуда не отлучался из своей обители. Но теперь он вынужденно оказался на подворье. Он был как-то необычайно молчалив, сосредоточен и на тревожные расспросы сестер, живущих здесь же, кратко ответил, что приехал к главному доктору. Обойдя в каком-то самоуглублении все комнаты: помещение для сестер, кабинет, залу, прихожую и кухню, – старец остановился у стола и тихо, как бы про себя, сказал: «Как-никак отдохнуть мне надо!» На вопрос монахини, благословит ли ее батюшка приехать к нему поговорить, он вздохнул и так же тихо ответил: «Приезжай». Затем старец в сопровождении одного из своих духовных детей, которого он всегда звал своим «келейником», поехал к доктору. Тот прописал ему лечение электричеством и капли для глаз, выписал новые очки. Прежде чем отправиться в Сергиев Посад, старец посетил в Москве одного своего преданного духовного сына г. Т-ва, к его великой радости, очень удивленного необычным временем появления дорогого гостя. Как бы отвечая на мысли г. Т-ва, старец при входе в его дом сказал: «Вот, сынок, с лишком пятьдесят лет прожил я в обители, и в первый раз пришлось мне выехать в Чистый понедельник. Был у доктора, а вот и очки новые. Теперь, сынок, я лучше стал видеть».

На предложение чего-нибудь покушать, так как был уже второй час дня, старец изъявил согласие «хлебнуть чего-нибудь горяченького, хотя пятьдесят лет в этот день не вкушал ничего горячего». Съев не более пяти ложек, как говорил потом г. Т-в, он перекрестился и поблагодарил за угощение.

В шесть часов вечера отец Варнава был уже в Сергиевом Посаде и по дороге в «Пещеры» заехал навестить безнадежно больную г-жу Е. С. Кроткову,

начальницу Дома призрения. Напутствованная Святыми Тайнами, преподанными ей тогда же старцем, мирно отошла ко Господу «редкая, незаменимая Елизавета», как отозвался о ней батюшка. Об этом отец Варнава сообщил письмом в Иверский монастырь. Письмо это было получено в четверг, 16 февраля, то есть накануне кончины старца. Написанное отцом Варнавой собственноручно, оно являет собою свидетельство его стараний доставить утешение и успокоение своим «дочкам»: возможность самому писать должна была, по его мысли, быть для них успокоительным признаком. Но чрезвычайно неровный почерк, неразборчивость и неправильность слов говорят лишь о том, что и зрение его было совсем слабо, и рука с трудом владела пером. Вот это последнее его письмо: «Елизата [Елизавета]⁴² Кроткова померла 8 часов вечера понедельник, хороним в богадельне [Доме призрения] под церковью. Мне теперь здорье [здоровье] слава Богу, купил я себе очки, теперь вижу хорошо...»

Вторник первой седмицы отец Варнава провел в своих обычных занятиях: в молитве, исповедовал богомольцев, присутствовал на панихиде по новопреставленной Елизавете, отпевание и погребение которой было назначено на четверг, 16 февраля.

В среду старца посетил преосвященный Трифон (Туркестанов), епископ Дмитровский, викарий Московский⁴³, прибывший на погребение госпожи Е. С. Кротковой. Несмотря на свою болезнь, старец не уклонился от участия в продолжительном архиерейском служении и совершил последнюю литургию совместно с преосвященным Трифоном перед погребением почившей. Во время литургии отец Варнава обратился к Кириллу, одному из своих учеников, келейнику из мирян, всегда сопровождавшему его в путешествиях, и, слегка ударяя его по плечу, тихо сказал ему: «Не выходи из алтаря до окончания святой литургии – на памяти будет...» После погребения тотчас же батюшка отбыл в свою обитель и дорогой говорил: «Ну, Кирилл, счастлив ты! Больше такой службы уже не увидишь». В скиту старец сказал встречавшему его келейнику отцу Порфирию: «Сожалею, что ты не приехал к обедне; такая была обедня в моей жизни, что ты век бы ее помнил». Через некоторое время добавил: «Хоть и торжественное это было служение в богадельне, а вот у вас в воскресенье будет еще торжественнее: пар десять вас выйдет тогда!» – «Батюшка, – заметил ему один иеродиакон, – да ведь это будет день Православия, а у нас его не справляют так уж особенно торжественно!» – «Ну вот, посмотри, сынок, помянешь ты тогда меня», – весело повторил старец и принялся за разборку корреспонденции. Келейник и секретарь о. Е. помогали ему, распечатывая и прочитывая письма и телеграммы. «Вскрыл я, – вспоминает о. Е., – телеграмму с Выксы, из Иверского, говорю батюшке, что сестры тревожатся за него и просят сообщить о своем здоровье. А батюшка, как бы не расслышав или не поняв меня, спрашивает: «А что же они тревожатся?...» Я повторил ему, что они просят написать им о его здоровье,

затем спрашиваю: «Что благословите им написать?» – «Напиши им, – вставая, ответил старец, – что отец Варнава умер"».

На возражение секретаря отец Варнава серьезно и спокойно повторил: «Сказано ведь тебе! Напиши им, что я умер, – и при этом прибавил: – Если сейчас не хочешь сделать этого, то напишешь после».

Больно отозвалось сказанное батюшкой в сердцах присутствовавших. Знали, что эти слова сказаны не просто, и что очень скоро придется убедиться в их истине.

Так подготавливал старец своих чад к перенесению тяжелой утраты. Он и ранее частенько говаривал им, что уйдет в затвор в Иверский. Но они по-своему понимали его и просили не оставлять их. По дороге от монастыря к Мурому (в последнюю поездку его) батюшка, обратившись к сопровождавшему его г. К-ву, весело сказал:

– Сынок, а ведь монашки-то у меня молодцы – вылечили меня. Вчера ведь было более сорока градусов, а ныне совсем легко!

– Батюшка, после такого жара вам не следовало бы ехать теперь, надо бы полежать денек-другой, – сказал ему на это К-ов.

– Ну, сынок, – тем же веселым тоном ответил старец, – теперь уж недолго мне, належусь и в могиле.

И в Петербурге, в последний раз навещая своих добрых «деток», батюшка в каждом доме говорил всем, что он «приехал проститься со всеми и отблагодарить их за все, за все». В каждом почти доме он так или иначе давал понять, что более уж не увидит их при жизни. Перед отъездом из столицы, сидя за столом в кругу своих «деток», батюшка сказал в ответ на сожаление, что теперь они долго не увидятся: «А вот помрет кто-нибудь вдруг, вот и съедутся все и увидятся. Да не знаю, почему это и в Иверском, и в скиту, и везде меня записали за упокой и поминают?!»

В Москве, перед отъездом в свои «Пещеры», старец встретился с игуменией Н-го монастыря и, давая ей в благословение святую икону, сказал: «Ну, ты больше ничего не получишь от меня», – намекая на конец их свиданиям на земле.

Болезнь старца никому не казалась смертельной, хотя в то же время всем было понятно, что опасность велика ввиду крайнего истощения его сил. К тому же шла первая неделя Великого поста, когда от наплыва исповедников – мирян и братии – старцу совсем не было покоя. Только глубокая ночь оставалась в его распоряжении.

Наступила пятница 17 февраля. Келлия старца с самого раннего утра была полна исповедников. Батюшка был уже на ногах и вышел *на делание* свое даже *до вечера*⁴⁴, последнего в жизни! И в храме Божиим во время богослужения старец не прерывал своих трудов, только на несколько минут в самые важнейшие моменты служб он оторвался от беседы с исповедниками для молитвы. А потом опять весь отдался подвигу своего послушания. Уже еле

говорил, еле двигался труженик Божий, а все принимал и принимал своих духовных чад, идущих к нему с покаянием.

«В день кончины, – рассказывал один из почитателей отца Варнавы, – при выходе из церкви подхожу я к старцу и говорю: «Батюшка, мне хотелось бы сегодня исповедаться у вас“, – а он отвечает: «А вот погоди – через часок привезут меня сюда“».

В тот же день отец Варнава собрался ехать исповедовать насельниц Дома призрения в Сергиевом Посаде, который окормляла Троице-Сергиева Лавра. Обитель давала средства, работали там миряне, управляла всем начальница.

Александро-Мариинский Дом призрения был основан в 1840-х годах наместником Лавры архимандритом Антонием (Медведевым). На должность начальницы поставил он пожелавшую удалиться от мира Елизавету Степановну Кроткову (урожденную Васильчикову), происходившую из старинного дворянского рода. До того, как приступить к своим обязанностям, она, по благословению архимандрита Антония, провела целый год в Дивеевском монастыре. Благодаря трудам и энергии Елизаветы Степановны, духовной дочери отца Варнавы в течение многих лет и не делавшей ничего без его благословения, разросся этот дом до грандиозных размеров. В нем были два приюта – для мальчиков и для девочек, богадельня и дешевые комнаты для малоимущих одиноких дам. Здесь было три домовых храма: средний – большой, верхний – на хорах и нижний, – где и похоронили Елизавету Степановну.

Старец торопливо собирался ехать в Дом призрения, так как там его ждали. Отец Порфирий спросил его, не приготовить ли чего-нибудь покушать.

– Нет, сынок, уже мне теперь ничего не нужно, – ответил батюшка.

С трудом уговорили его сменить белье, влажное от обильной испарины. Спешно одевшись, батюшка вышел к воротам в сопровождении своих «деток» и на вопрос их, когда вернется, ответил: «Скоро, скоро меня привезут!»

В половине седьмого вечера старец прибыл в Дом призрения и, не теряя ни минуты, приступил к исповеди. Сняв клобук и надев епитрахиль и поручи, старец встал у аналая в южных дверях алтаря.

Началась исповедь. Первой исповедницей была госпожа Е. И. Гончарова, только что принявшая на себя должность начальницы Дома призрения. По примеру своей предшественницы Е. С. Кротковой она пожелала иметь своим духовным отцом батюшку Варнаву и теперь просила его не оставлять ее своими молитвами и мудрыми советами. Старец, по совершении таинства, преподал ей краткое наставление и затем, ободрив и благословив, отпустил. После нее должна была пойти на исповедь г-жа С. А. Нихведович. Но... настало время совершиться другому таинству – смерти. И труженик Христов с крестом в руке, в крайнем изнеможении, тихо склонился сначала на колени, а затем и совсем преклонился к подножию святого престола. Крест, выпавший из его ослабевшей руки, лежал на конце епитрахили...

Священник домовой церкви при Александро-Мариинском Доме призрения отец Г. В. Раевский сообщил следующее.

«В 6 часов 30 минут прибыл старец отец Варнава в нашу церковь для исповеди г-жи Гончаровой Е. И. и других. По обычаю, отец Варнава проследовал для исповеди в верхний алтарь храма (на хорах), где он всегда и совершал исповедь. Для сего обычно у южных алтарных дверей в диаконнике ставился аналой с крестом и Евангелием и свеча. Исповедующиеся становились перед аналоем, а батюшка стоял в дверях (алтарных) сбоку аналая, слушая кающихся. С обычной молитвою, усталою поступью, видимо утружденными ногами прошел он из коридора квартиры начальницы правой галереей храма при хорах в алтарь.

В нижнем храме по окончании службы в это время читалось правило для говеющих, а в задней части сего храма [я] продолжал исповедовать тех, которых еще не успел исповедать. В числе стоявших и слушавших правило на хорах были член совета Дома призрения [П. И. Цветков](#) (профессор Московской Духовной Академии) и помощник инспектора Вифанской Духовной семинарии С. В. Крылов; внизу было более двухсот человек.

Обычным бодрым голосом старец исповедал первой, которая оказалась и последней, – начальницу Е. И. Гончарову. По словам ее, окончив таинство, духовно опытный старец благодушно преподавал ей наставление в принимаемой нелегкой должности начальницы Дома призрения, ласково ободрил, утешил и благословил ее на предстоящие труды, обещая не оставлять своим руководством и смиренными молитвами в деле служения ближним.

«Присылай следующего», – сказал старец, отпуская госпожу Гончарову. На замечания ее об усталости от дневных трудов по исповеди батюшка сказал, что исповедал человек четыреста да человек сто пятьдесят ждут его в скиту, желая исповедаться у него.

Второй должна была исповедоваться госпожа Нихведович. Но только что вступила исповедница в диаконник, как удивилась, что батюшки нет около аналая. Не взглянув через южные двери в алтарь, она пошла искать его, но, не найдя нигде, вернулась к аналою и, только пристально взглядевшись внутрь алтаря, увидела такую картину: батюшка лежит на полу в алтаре на левом боку лицом к престолу...

В страшном испуге, выйдя из диаконника, зовет она уже не голосом, а знаками стоявших на хорах в ожидании исповеди, посмотреть, что случилось с батюшкой. Через минуту или две быстро сбегает с хоров ко мне С. В. Крылов и испуганно зовет: «Пожалуйте наверх, там что-то случилось с батюшкой отцом Варнавой!»

Сейчас же бросаюсь туда и нахожу батюшку в вышеописанном положении; припадаю к его лицу своим: дыхания не слышно, лоб покрыт холодным потом, конечности рук холодны и пульса не нахожу. Требую холодной воды, возбудительных капель, нашатыря из больницы нашей. Зову громко на ухо:

«Батюшка, батюшка!» Ни звука в ответ. Расстегиваю подрясник на груди, ослабляю пояс, даю нюхать эфирные капли. При пособничестве Цветкова и Крылова тру каплями виски, темя водою и каплями. Послышалось последнее дыхание, и... все, как сказал наш домовый фельдшер, было кончено.

Делаю распоряжение послать за доктором, доложить о происшедшем отцу наместнику Лавры. Между тем лицо и лоб батюшки стали теплеть. Положили ему под голову подушку, не теряя надежды, что, может быть, он и придет еще в сознание. Через десять-пятнадцать минут являются друг за другом доктора: академический – С. [Н. Успенский](#) и лаврский – П. И. Якуб. Доктора единогласно констатируют факт смерти.

Тяжело было, не хотелось верить, что так внезапно не стало у нас утешителя-батюшки!

Через полчаса прибыл наместник Лавры архимандрит Товия с благочинным отцом Аверкием и, удостоверившись от докторов о последовавшей внезапной кончине старца, сделал распоряжение о перенесении блаженно почившего в Бозе старца в его келлию «у Черниговской».

Все мы благоговейно поклонились праху и преклонили свой ум перед неисповедимыми судьбами Божиими, пораженные дивным событием».

По распоряжению наместника архимандрита Товии отец Варнава как был в епитрахили и поручах (из черного шелкового муара с серебряным позументом), так и был положен на санитарные носилки, только снятая на время исповеди камилавка теперь была надета на него. Наместник, возложив на себя епитрахиль, сам совершил над почившим первую литию, а затем в предшествии его, с пением «Святый Боже» братия подняли носилки с телом незабвенного батюшки, вынесли на улицу и поставили их на приготовленные сани... Четверо поддерживали на санях носилки с телом почившего старца, а за санями ехал лаврский благочинный отец Аверкий, которому наместник поручил проводить тело почившего до «Пещер» и внести его прямо в его келлию. Когда привезли тело усопшего старца в Лавру, навстречу ему вышел его духовный сын – епископ Трифон. Таким образом, состоялась «архиерейская встреча».

Как при жизни своей отец Варнава всегда и все сам делал для себя, так и в день смерти он сам же вполне приготовился к исходу в вечность, так что тело его по благословению наместника было положено в гроб во всем том одеянии, в каком застал его час смертный. «Пусть предстанет пред престолом Всевышнего почивший на трудах в своем труженическом одеянии», – высказался по этому поводу наместник.

А в храме «у Черниговской» между тем еще шла утренняя. Братия и богомольцы все еще ждали, когда придет батюшка и примет их к себе на исповедь. И вдруг... прервалось на мгновение богослужение; взволнованные монахи друг другу передают скорбную весть: старец скончался! Во главе с отцом благочинным они вышли к Святым вратам встретить своего дорогого

авву. Здесь же отслужили заупокойную литию, и тело почившего было внесено в его келлию, где отслужили панихиду и началось чтение Евангелия. «По окончании всенощной, – вспоминает один из насельников скита иеродиакон Аркадий, – вхожу я в келлию отца Варнавы и вижу: лежит наш батюшка с радостной улыбкой на устах... А мы, как птенцы, лишенные матери, все собрались около его смертного одра и, плача, глядели на него... Трудно было примириться с постигшим нас неутешным горем. Очень многие в лице его лишились доброго духовного отца и наставника, иные – брата, для нас же он был духовным окормителем... Стали читать Святое Евангелие. Пробыло уже полночь, но о сне никто и не думает... Ухожу в свою келлию и стараюсь заснуть, сон бежит от меня, и я опять иду к батюшке. У одра его сидят плачущие: ученик и келейник его отец Порфирий, отец Палладий, отец Никанор... В это время был перерыв в чтении Евангелия, и все они делились воспоминаниями о последних днях жизни усопшего и о своих незабвенных беседах с ним».

Благочинный «Пещер» отец Досифей уступил дорогому батюшке гроб, приготовленный им для себя. Скорбная весть о кончине отца Варнавы мигом разнеслась по городам и селам Руси Святой. Дрогнули любящие сердца... Осиротевшие дети блаженного старца поспешили за последним благословением и утешением к дорогому гробу. Мчались переполненные поезда в Сергиев Посад, отовсюду стекались люди в скит и «Пещеры». Гостиницы – лаврские и городские – были наводнены народом. Это множество людей, приехавших поклониться старцу, воочию явило, насколько велика была семья его почитателей; насколько велико было его влияние; насколько он, воспитанный сокровенным иноческим деланием, и в своем уединении был высок и дорог всем тем, кто умел ценить духовные плоды иноческого подвига.

Тесно и сумрачно в подземном пещерном храме. Но всем хотелось побыть возле блаженно почившего старца именно в пещерном храме, около которого в своей убогой деревянной келийке, среди простой иноческой обстановки, он так приветливо принимал всех, кто приходил к нему со своими тревогами и скорбями, телесными и душевными немощами. Беспрерывно служились панихиды у гроба почившего. И сколько за эти дни тут было пролито горьких слез! Сколько тут было принесено горячих молитв к Богу за родного батюшку!

В докладе № 280 Духовного собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры от 18 февраля 1906 года на имя митрополита Московского и Коломенского Владимира сообщалось о кончине иеромонаха Варнавы и о том, что «погребение его предполагается совершить во вторник, 21 февраля, на братском скитском кладбище». Митрополит Владимир написал на докладе: «Скорблю о потере дорогого старца и усердно молюсь о упокоении души его». 18 февраля московский святитель прислал телеграмму на имя архимандрита Товии: «Благословляю похоронить на братском кладбище. Мир праху покойного».

19 февраля, в воскресенье, игуменом Иларием в сослужении десяти пар служащей братии была отслужена панихида. Так, с поразительной точностью сбылись слова старца о предстоящем в это воскресенье торжественном служении. По просьбе игумена Гефсиманского скита и братии Лавры архимандрит Товия послал на Троицкое подворье в Петербурге митрополиту Владимиру телеграмму: «Игумен скита и вся братия смиренно просят Вашего благословения похоронить тело иеромонаха Варнавы за алтарем пещерного храма, куда почивший удалялся на безмолвную молитву. Вход в часовню имеется отдельный – около храма и алтаря».

Игумения Павла с сестрами Иверского монастыря и епископ Нижегородский Назарий начали ходатайствовать о перенесении тела усопшего иеромонаха Варнавы в Иверский Выксунский монастырь. Об этом митрополиту Московскому сообщал наместник Лавры архимандрит Товия: «Приехала выксунская игумения Павла с сестрами, хлопочет здесь и в Нижнем о разрешении перевезти тело усопшего Варнавы в их монастырь. Игумен Иларий с братией скита просит оставить прах в скиту, ибо Варнава всю жизнь здесь прожил и подвизался. С мнением скитского игумена и я согласен».

20 февраля от митрополита Владимира пришла телеграмма: «Благословляю похоронить тело отца Варнавы за алтарем пещерного храма».

Накануне погребения, 20 февраля, гроб с телом почившего был перенесен в верхний пещерный храм, где преосвященный Евдоким, викарий Московский, в сослужении многочисленной братии скита и «Пещер» совершил заупокойную всенощную.

21 февраля, во вторник, в 9 часов утра началось торжественное архиерейское служение Божественной литургии, а затем был совершен чин погребения.

Проститься со старцем-тружеником прибыли преосвященные Трифон, Евдоким и Никон⁴⁵, наместник Лавры архимандрит Товия, инспектор академии архимандрит Иосиф, старшая братия Лавры, скита и подведомственных Лавре монастырей. В их числе были: казначей Лавры архимандрит Досифей, игумен скита отец Иларий, казначей отец Мефодий, благочинный «Пещер» отец Досифей, строитель Махрищского монастыря отец Олимпий, казначей Спасо-Вифанского монастыря отец Серафим, благочинный Лавры отец Аверкий, настоятель Антиохийского подворья в Москве отец Игнатий и другие. Гроб окружили почитатели старца – люди всех сословий и званий, богатые и бедные, знатные и незнатные. Неподдельное чувство скорбящей любви отражалось на всех лицах.

При этом многие из присутствовавших были так переполнены чувством наступившего одиночества, что не могли сдерживать скорби. «Батюшка, дорогой, ты все давал в жизни мне», «... ведь ты, ты исцелил меня», «... отрада жизни моей» – возгласы, которые время от времени прерывали печальный трогательный обряд погребения.

У гроба батюшки плакали все, но при этом не омрачалась светоносность торжества. Плакал святитель Трифон. Он время от времени приподнимал с лица почившего покров и лобызал его главу и руки; плакали иноки-братия и его духовные дети; рыдали миряне, в нем одном находившие поддержку и утешение; горько рыдали его сироты-сестры иверские, лишившиеся своего отца, своего благодетеля-«кормильчика», своего любвеобильного заступника-покровителя. Лик его был светел и покоен. Теперь яснее, чем прежде, в каждой морщинке вокруг глаз, в складке рта, во всем лице отражалась младенческая чистота его святой души. У его гроба было скорбно за себя, но радостно за него, свободного теперь от всякой болезни, печали и воздыханий.

Но вот окончилось прощание детей с дорогим отцом. Толпа всколыхнулась, духовенство подняло гроб, и шествие направилось с крестным ходом вокруг собора, а затем и к месту его вечного упокоения – в Иверскую часовню пещерной церкви, еще при жизни полюбившуюся старцу как место уединенной молитвы при богослужениях, в «затвор Иверской», как он сам говорил. Перенесение тела почившего старца по своей торжественности походило больше на праздничную процессию, чем на печальное погребальное шествие. Тело отца Варнавы пронесли через алтарь, мимо престола Божия. А произошло это потому, что гроб невозможно было пронести к могиле по узкому коридорчику, ведущему в пещеру. Оставался более свободный ход – через алтарь. «Вдумываешься во все это, – писал очевидец, – взираешь на народную любовь к нему, на редкую кончину его – и невольно преклоняешься пред таким служителем правды, который никогда не остывал в своей вере, не тяготился людскою доукою, не истощался в добродушной отзывчивости, который следил за каждым открывающимся для воздействия благодати сердцем. Да, истинно, что любовь никогда не умирает...» Как кончина старца последовала у святого престола, так и места вечного упокоения он достиг, будучи перенесен в часовню над святым престолом. По совершении литии теми же епископами и духовенством гроб с дорогими останками священнослужители тихо опустили в могилу, и «вечная память» огласила своды храма. Задолго до своей кончины старец преуказал двум своим духовным дочерям, что эта Иверская часовня будет его усыпальницей. «Здесь вот, дочка, у нас служат панихиды!» – говорил он, показывая часовню...

Так угас светильник и был сокрыт под спудом, а на месте его вечного упокоения затеплились неугасимые лампы. Над могилой старца, у правой (южной) стены пещеры, возвышалось каменное надгробие с массивной мраморной плитой. На ней были выгравированы восьмиконечный крест, над которым полукругом надпись: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем», а под крестом: «Здесь погребен старец Гефсиманского скита и основатель Иверского Выксунского женского монастыря иеромонах Варнава, 75 лет. Скончался 1906 года, февраля 17-го дня. Он жил во славу Божию». На плите – металлическая канунница для возжжения свеч.

Напротив входа в часовню-пещеру на восточной стене была большая Иверская икона Богородицы. Взор Ее, как живой, приветливо-ласково обращенный на входившего богомольца, как бы говорил, что Она видит его сердечную скорбь. «Невольно влечется сердце к этой материнской любви, светящейся во взоре Небесной Заступницы, – писал современник почившего старца, – в молитве пред Нею оно изливает всю свою скорбь и получает благодатное утешение. Недаром батюшка любил эту пещерку-часовенку и каждое утро молился здесь пред Иверскою иконою... И идут сюда изо дня в день православные люди, одни на смену другим; помолятся, поплачут слезами умиления, неслышно побеседуют с родным старцем, попросят его святых молитв и благословения, возьмут маслица из лампы, что теплится у гроба его, достанут через отверстие над надгробием песочку и оставляют его дорогую могилку с заметным приливом окрепших, как бы обновленных духовных, а иногда и физических сил».

А за Муромом, в лесной глуши, далеко от могилки почившего отца одиноко стояла осиротевшая обитель. Воля Божия совершилась над ней: она лишилась своего любвеобильного благодетеля... Что пережила обитель, пораженная в самое сердце страшной вестью о внезапной кончине «кормильчика», – едва можно представить. Кажется, и сами монастырские стены стонали тогда. То было в субботу первой седмицы Великого поста, в девять часов утра. Едва только сподобились сестры принять Святые Тайны и не успели все еще разойтись из храма по своим келлиям, как пронеслась эта скорбная весть: батюшка скончался! Пораженные известием, все сначала словно бы оцепенели. Совершилось то, о чем сестры ранее, при жизни старца, и помыслить не могли без слез и туги сердечной. Но вот очнулись от первого потрясения... Невыносимой болью сжались сердца полутысячной осиротевшей иверской семьи... Протяжные, унылые удары тысячепудового колокола отняли последнюю надежду на, возможно, ошибочность ужасной вести. Стали служить панихиду по новопреставленному рабе Божию иеромонаху Варнаве.

Но молился ли кто словами обычных молитв? Невыразимо тяжело и болезненно отзывалось в скорбящих сердцах дорогое имя, когда и священнослужители с трудом из-за душивших слез произносили его. Пение монахинь-певчих, которых батюшка так любил и утешал, было теперь едва слышно. Голоса священников старались поддерживать их, но рыдания почти всё заглушали.

Для многих сестер кончина старца не прошла бы без печальных последствий, если бы не подкрепила их, слабых, благодать Божия: они только что приняли Святое Причастие. Теперь невольно вспомнились слова отца Варнавы, обращенные к сестрам: «Благодать Божия подкрепит вас тогда, когда узнаете о кончине моей».

После панихиды сестры проводили матушку игумению и некоторых старших сестер на похороны дорогого «кормильчика». А осиротевшая обитель продолжала безутешно плакать и молиться: врата храма почти не закрывались. Монастырское духовенство, несмотря на утомление от непрерывного служения, не отказывало скорбящим сестрам в единственном теперь утешении – помолиться вместе с ними за дорогого для всех старца. Всех томила теперь неизвестность места его погребения. Телеграммы от матери игумении из скита, переходившие из рук в руки, то давали надежду на то, что батюшку похоронят в обители, то совсем почти отнимали ее.

19 февраля, в воскресенье, была получена телеграмма от В. К. Саблера с выражением сочувствия сестрам и извещением, что старец будет погребен на братском кладбище в «Пещерах». Это известие еще более усилило скорбь. Игумения Павла телеграммой поспешила известить, где и как последовала кончина иеромонаха Варнавы, и любовно-матерински убеждала своих сирот надеяться на милость Божию и молиться. Известие о блаженной, достойной истинного праведника кончине утешило всех. Теперь, когда точно определилось и место погребения отца Варнавы, осиротевшей обители оставалось только одно: смириться в покорности воле Божией и молиться Господу о упокоении со святыми души усопшего раба Его. В скорби поникли и юные, неопытные еще послушницы, и старицы, много испытывавшие за свою жизнь в монастыре: для всех одинаково тяжела была эта неожиданная утрата. Ведь теперь уж не только не будет у них родного отца, но и не всегда, да и не всем им будет возможно найти себе утешение у его могилки в тайной, но ощутительно-отрадной для сердца безмолвной беседе с ним, как с живым. Да и сама обитель, еще совсем юная, так нуждалась в нравственной и материальной поддержке, в окормлении. Что же будет с ней далее, что ждет ее впереди?

На двадцатый день после кончины отца Варнавы, 8 марта 1906 года, епископ Трифон (Туркестанов) сказал слово в память о старце.

«Священное Писание учит нас помнить наших наставников. Следуя сему завету, я не могу не помянуть добрым словом так недавно скончавшегося иеромонаха Гефсиманского скита отца Варнаву.

Мое знакомство с ним началось с конца семидесятых годов, когда еще гимназистом я посетил для говения Петровским постом скитские пещеры. Мне давно хотелось с ним познакомиться, ибо я много слышал раньше о его подвижнической жизни, о тех мудрых советах, которые он дает тысячам людей, к нему ежедневно приходящих. Но долго не решался это сделать, и это потому, что у многих людей светского общества существует совершенно неправильный взгляд на подвижников, то есть на людей высокой созерцательной жизни, особенно же на тех, которые, по общему мнению, отличаются даром прозорливости, то есть предвидением будущего. Им все

кажется, что все такие люди отличаются крайней суровостью к приходящим к ним грешникам. Они боятся, что те поразят их каким-нибудь наказанием или смутят душу страшным пророчеством.

Сознаюсь, что и я не был лишен в годы моей юности этого предрассудка. То было еще до знакомства с отцом Амвросием, Оптиной пустыней и вообще русским православным монашеством. Но вот я решился повидаться с отцом Варнавой. Сначала поговел в продолжение недели; усердно помолившись в маленьком пещерном храме Черниговской, на месте которого теперь воздвигнут громадный собор, я со страхом и трепетом чудным июньским вечером постучал в дверь маленького деревянного домика, в котором обитал отец Варнава. Долго он мне не отворял. Наконец послышались шаги, щелкнула задвижка, и на пороге появился седой монах небольшого роста с мягкою, доброю улыбкой на устах, с проницательным взором темных очей. Вглядевшись в меня, он произнес тем радостным, ласковым тоном, который так памятен всем близко его знавшим: «А! Милый барин, здравствуй! Ну, рад тебя видеть, мы тебя все здесь полюбили», – и с этими словами он меня благословил, обнял одною рукой и через темные сенцы ввел в свою келлию, освещенную одною восковою свечой.

Часто после этого приходилось бывать мне в этой келлии. Больше двадцати лет продолжалось мое знакомство с ним, а обстановка келлии не изменилась. Те же несколько простых икон в переднем углу, перед ними на аналое медные крест и Евангелие, рядом деревянный стол с несколькими книжками и брошюрами духовно-нравственного содержания, в углу деревянная кровать, покрытая одним войлоком. Вот и все. Но сколько великих дел совершилось в этой убогой обстановке! Сколько изнемогавших в борьбе с самими собой и житейскими невзгодами душ получили здесь себе облегчение и помощь! Сколько людей, дошедших до полного отчаяния, выходили отсюда бодрыми и радостными, готовыми на всякий подвиг!

Да, много великих тайн хранит эта бедная келлия, поистине она неизмеримо драгоценнее роскошных чертогов земных богачей.

Не могу выразить словами, но до сих пор помню то необыкновенно светлое чувство какого-то духовного восторга, какой-то неземной радости, с которыми я возвратился от отца Варнавы. С этого времени начинается мое с ним духовное знакомство, продолжавшееся в течение всей его жизни. Во всяком своем деле я советовался с ним, получал от него добрый совет и благословение. И так до самой его кончины.

Последний раз я вместе с ним совершил Божественную литургию в четверг на первой неделе Великого поста и навеки простился с ним. Последние его слова были: «Прежде я иногда, при моих приездах в Москву, объезжал тебя, ну а теперь я часто, очень часто буду тебя навещать»⁴⁶. С этими словами он пожал мне руку, и уже более живым я его не видел. Он скончался в пятницу вечером. Верю, что он духом своим будет мне соприсутствовать.

Какими же особенными добродетелями отличался старец Варнава? Апостол Павел говорит в своем Послании к коринфянам, что всякому истинному христианину *...дается проявление Духа на пользу. Дары различны, но Дух один и тот же. Одному дается Духом слово мудрости... иному вера... иному дары исцелений*⁴⁷. Сообразно с нравственными качествами человека, его характером, образом жизни, воспитанием и дары даются различные. Так, например, по моему мнению, отец [Иоанн Кронштадтский](#), вращающийся среди болящих и недугующих по преимуществу людей, обладает даром исцелений. Отец Амвросий Оптинский, получив духовное воспитание под руководством мудрых старцев, сам изучивший в совершенстве Священное Писание и творения святых отцов, обладал даром духовной мудрости. Отец Варнава, по моему глубокому убеждению, обладал даром веры. Для него не существовало преград между нашим миром и миром загробным. Никакой и тени сомнений и колебаний у него не было в отношении истин веры. Все его существо было проникнуто этой верой, все его поступки вытекали из этой веры.

Но все дары Святого Духа, все эти духовные таланты, если можно так выразиться, при постоянном совершенствовании ведут к самому величайшему дару, выше которого нет ничего ни на небе, ни на земле. Этот дар духовный, который останется и тогда, когда и пророчества прекратятся, языки умолкнут и знание упразднится, когда не будет нужды ни в вере, ни в надежде, ибо все обещанное совершится и наступит вечное Царство Божие, есть любовь. Вот почему все Божии люди и исполняются постепенно этой христианской любви. А про отца Варнаву можно сказать, по слову апостола Павла, что его *вера поспешествуема любовью*⁴⁸. Эта любовь притягивала к нему, как магнит железо, людей самых разнообразных положений. Они открывали ему свое горе, свои нужды, свои не только духовные, но и семейные затруднения, имущественные, служебные неприятности. Одним словом, у них от него не было тайн. И он всегда давал им добрый совет, часто носивший пророческий характер. Особенно же он был велик, когда ему приходилось иметь дело со слабыми в вере и малодушными людьми. Здесь своей верой он их настолько ободрял, вдохновлял, что долго после этого они смело и бодро шли житейским путем.

Скажут, быть может, некоторые: «Но ведь это, в сущности, очень легко — выслушать исповедь человека и дать ему совет!» Нет, скажу, по своему слабому опыту, что чрезвычайно трудно! Скажу более: это невозможно для обыкновенного человека.

Для того чтобы так утешить и ободрить человека, необходимо ему в полной мере сострадать, а для того, чтобы сострадать человеку, надо совершенно уничтожить ту духовную преграду, которую ставят между нами самолюбие, чувственность и другие страсти, заставляющие нас глядеть на своего ближнего с недоверием, с сухостью, а иногда даже с раздражением и озлоблением: не обмануть ли, дескать, меня пришел. Человек же истинно христианской любви

смотрит на всякого приходящего к нему, кто бы он ни был, как на самого милого, дорогого брата или сестру. Он весь, так сказать, претворяется в него, живет его жизнью, действительно страдает и мучается его страданием, весь уходит в бездну его зол и скорбей, не только не гнушается его страшных духовных ран, но готов жизнь отдать за их исцеление. Вот почему и дается такому человеку слово великой духовной мудрости, слово предвидения и пророчества, которое делается способным своею силой оживить духовного мертвеца.

Но не сразу, а путем тяжелого подвига и путем внутренней работы над самим собой и молитвой человек достигает духовной высоты. И отец Варнава не сразу достиг такой веры и любви, а после долгих трудов. Он был необыкновенно строг к себе; какую простую подвижническую жизнь вел он молодым послушником, такую он продолжал вести до самой кончины – уже больным старцем. Никаких поблажек себе, никакой даже самой невинной прихоти; он носил самую простую одежду, вкушал самую грубую пищу, вовсе не пил чая. Что меня особенно в нем пленило – это то, что удовлетворение телесных потребностей для него никогда не было каким-то делом, к которому надо особенно готовиться. Он, например, кроме тех дней, в которые ему приходилось как чередному иеромонаху присутствовать на трапезе, никогда как следует не обедал, а так перехватит что-нибудь – и опять за дело. Он никогда как следует не спал, а так, «прикорнет», как говорится, во всей одежде на деревянном ложе, с подушкой, набитой чуть ли не булыжником, и снова встанет на молитву. Бывало, совершив с ним продолжительную литургию в Доме призрения и видя, что он торопится уехать тотчас после службы домой, скажешь ему: «Батюшка, да отдохните немножко!» Но он обыкновенно шепнет, сжав мою руку: «Прости, не могу, ведь там их несколько сот дожидается, ведь они все скорбные, несчастные!»

И с какою любовью в это время звучит его голос! И с раннего утра до поздней ночи открыты были двери его келлии, кроме времени богослужений, которые он посещал неопустительно, неся тяжелую череду священнослужения, как всякий обыкновенный иеромонах.

В последние годы своей жизни он особенно любил беседовать со мной об основанной им женской обители на Выксе. Несколько раз по его приглашению я посещал эту обитель; и надо было видеть, с какою трогательною любовью встречали его сестры, каким благоговейным вниманием окружали они своего «кормильчика» (так привыкли они его называть), потому что, поистине, он для них был кормильцем и духовным, и телесным. Вместе с ним бедные сестры потеряли многое на земле! Верим и будем утешать себя тем, что он помолится за них в Царствии Небесном!

Он умер, как и жил, на службе Богу и ближнему. Совершив Таинство Исповеди над начальницею Дома призрения, он в поручах и епитрахили склонился до земли перед престолом Божиим в алтаре и уже более не встал.

Так умирает воин на поле брани с оружием в руках. Его давно предостерегали от переутомления и советовали отдохнуть, но он всегда отвечал: «Пока живем, надо приносить пользу людям». – *«Большаи сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»⁴⁹* – говорит Господь.

Закончилась жизнь, полная страданий, труда, никому неведомой борьбы с самим собой. *Претерпевый до конца, той спасется⁵⁰*. Покойный батюшка отец Амвросий сказал одному монаху, изнемогавшему в душевных страданиях, на его восклицание: «Батюшка, да когда же, наконец, успокоимся?!» – «Тогда успокоимся мы, когда над нами пропоют ‘Со святыми упокой’».

Верим, что и батюшка отец Варнава успокоился ныне от дел своих. ... *Блажени мертвии, умирающие о Господе... Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих⁵¹*.

Прощаясь с ним, я дерзнул поднять монашеское покрывало и взглянуть в его лицо. Оно было вовсе не тронут тлением и дивно хорошо! Такое выражение бывает у маленького невинного ребенка, который среди игры внезапно засыпает. Лицо принимает при этом выражение какого-то ангельского спокойствия и чистоты – такое же выражение лица было и у почившего старца.

Мир тебе, возлюбленный брат о Христе и наставник! Тысячи людей молятся теперь за тебя. Для тысяч сердец ты продолжаешь существовать, ибо любовь не умирает. Любовь нельзя заключить в гробу и закопать в землю. Она будет жить до тех пор, пока будут биться эти самые дорогие сердца.

И какой еще высшей награды за свои труды может ожидать человек!

Помолись же за нас всех, труждающихся на ниве Христовой, чтобы нам обладать малою долей твоей веры и твоей любви!»

Полугодовое поминовение почившего в Бозе старца пришлось на 17 августа – на престольный праздник Иверской обители. В тот день сестры были утешены посещением и служением своего архипастыря, который был настолько милостив, что сам пожелал почтить память почившего «кормильчика» обители и разделить со всеми скорбь этого дня. Прибыв накануне, то есть 16 августа, преосвященный Назарий совершил с монастырским духовенством всенощное бдение, закончившееся уже за полночь, а 17 августа – литургию и крестный ход. Вечером того же дня была совершена заупокойная всенощная. Соборне с монастырским духовенством служил прибывший с владыкой настоятель Феодоровского Городецкого монастыря архимандрит Алексей. Утром 18 августа, перед поздней литургией, была совершена панихида о почившем иеромонахе Варнаве.

После блаженной кончины старца игумения Павла стала хлопотать об установке кружки для сбора средств в пользу Иверской обители у гроба иеромонаха Варнавы. Когда об этом намерении узнал наместник Лавры архимандрит Товия, он написал игумении Павле: «С моей стороны, равно как и со стороны скитского строителя, препятствий к сему не имеется. Только я

нахожу, что дело это нужно оформить: Вам следует прислать об этом строителю скита бумагу хотя бы в виде отношения от монастыря; мотив может быть выставлен тот, что за [смертью](#) старца, имевшего попечение об обители и доставлявшего ей средства к существованию, она теперь сильно нуждается в средствах. Строитель представит Вашу бумагу в Собор, а Собор испросит на это разрешения владыки».

20 сентября 1906 года игумения Павла поблагодарила архимандрита Товию за заботу: «Примите вседушную мою благодарность Вам за изъяснение Вашего внимания к нуждам вверенной мне обители. Ваше письмецо было для нас радостной вестью, и скорбная обитель встретила ее как новую милость Божию по молитвам старца и отца своего». В тот же день настоятельница обратилась с прошением к строителю Гефсиманского скита игумену Иларию: «Вверенный мне монастырь, основанный в Бозе почившим старцем иеромонахом «Пещер» Гефсиманского скита отцом Варнавою, теперь, за смертью своего основателя, имевшего попечение об обители и доставлявшего ей средства к существованию, сильно нуждается в материальной поддержке, и поэтому обращаемся к Вашему Высокопреподобию с усерднейшей просьбой исходатайствовать нам разрешение иметь при гробе почившего старца кружку для сбора пожертвований в пользу Иверского монастыря».

В рапорте Духовному собору Троицкой Сергиевой Лавры игумен Иларию излагает просьбу игумении Павлы и высказывает свое суждение о том, что со стороны скита препятствий не имеется и просит Духовный собор, «не найдет ли он нужным прислать кого-либо для осмотра места при гробнице, как бы удобнее поставить кружку, которая должна будет опечатываться печатью Гефсиманского скита, счет же денег из оной должен производиться на общих основаниях и отсылаться по назначению».

11 октября 1906 года Духовный собор Троице-Сергиевой Лавры игумении Павле сообщил, что в постановке кружки препятствий не имеется, далее говорилось и о печати, и о подсчете денег и т. д.

2 ноября последовал указ Духовного собора Лавры строителю Гефсиманского скита игумену Иларию с предписанием «устроить в удобном для сего месте кружку для означенной цели».

Так и после смерти не оставил «кормильчик» своей обители без попечения, поручив ее милости Божией и покрову Небесной Заступницы. Неоскудевающая любовь и благоговейное почтение к памяти почившего старца со стороны его духовных детей, приносящих добротные дары его любимому детищу, дали средства обители для ее благоустройства, о чем батюшка в свое время предрекал. Тогда, в 1897 году, закладывали фундамент Троицкого собора. Игумения Павла заметила старцу: «Кормильчик, уж какую ты огромную постройку затеваешь, а сам-то ведь слабый становишься, помилуй [Бог](#), что с тобой случится, что нам и делать тогда с таким храмом?» – «А я так нисколько и не беспокоюсь: вот они мне его dokonчат», – ответил

старец с отеческой лаской, указав на совсем еще молодых послушниц, которые и стали впоследствии одна – настоятельницей, а другая – казначеей монастыря, именно при них уже после кончины отца Варнавы завершалось строительство собора, его благоустройство.

Сначала на призыв о помощи батюшкиных сирот робко отозвались трое преданнейших духовных детей старца Варнавы: их усердием был устроен иконостас среднего алтаря Троицкого собора, освящение которого было совершено в августе 1909 года преосвященным Назарием и епископом Муромским Евгением. А потом и прочие благотворители изъявили желание послужить обители своими средствами и общими силами соорудить иконостас и всю алтарную обстановку правого придела. Иконостас левого придела – всецело жертва некоей боголюбивой души. Освящение обоих приделов храма было совершено в 1912 году в торжественной обстановке. Правый придел освящен митрополитом Московским Владимиром и епископами Нижегородским Иоакимом и Ростовским Иосифом, левый – этими же двумя архиереями.

Дар предвидения старцем дальнейшей судьбы монастыря и грядущих смутных времен сказался в строительстве им ограды вокруг обители. Года за два до своей кончины он начал строить каменную монастырскую стену высотой восемь с половиной аршинов и почти четыре версты длиной по периметру. Заложил он ее как-то необычно, прерывистой линией: там канаву только пророят (по линии ограды), в другом месте забутят, где-то часть стены сложат, а то и пустое место оставят. На недоуменные вопросы сестер и рабочих старец подробно не высказывался, лишь говорил: «После узнаете и будете благодарить меня... Вот как понастроят жилье-то около вас, тогда и скажете мне спасибо».

Начатую и частями возведенную ограду со временем построили и поняли замысел старца. Если бы он не обозначил хотя бы «пунктиром» свой проект, то в трудные времена, когда монастырь нуждался в средствах, когда извне стали давить на монастырское начальство, то четырехверстную линию ограды непременно бы сократили. А так уже ничего нельзя было изменить. Мудрый старец-строитель находил способы предупреждать возможное отступление от его планов и предназначений.

По кончине иеромонаха Варнавы сестры его обители не оставляли надежды перезахоронить батюшку в Иверском Выксунском монастыре. Но определением Святейшего Синода от 24 марта 1908 года ходатайство игумении Иверского Выксунского монастыря о перенесении в этот монастырь останков иеромонаха Варнавы оставлено без последствий.

24 ноября 1911 года епископ Нижегородский Иоаким (Левицкий)⁵² представил в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода ходатайство священника Нижегородской епархии Владимира Орлова,

причтов, церковных и сельских старост близлежащих селений о перенесении останков иеромонаха Варнавы в Иверскую обитель.

В свою очередь Духовный собор Лавры просит митрополита Владимира отклонить эту просьбу. «Духовный собор долг имеет объяснить, что в 1907 году игумения Иверского Выксунского монастыря с сестрами ходатайствовали пред ее Императорским Величеством Государыней Императрицей Александрой Феодоровной об испрошении Высочайшего соизволения на перенесение тела старца иеромонаха Варнавы из места погребения его в пещерном храме Черниговской Божией Матери при Гефсиманском ските в Иверскую Выксунскую обитель Нижегородской епархии, причем просительницы объяснили, что означенная обитель была устроена только благодаря почившему старцу Варнаве, их духовному отцу и «кормильчику», что посему они желали бы всегда быть с ним, прибегая к могиле его во всех радостях и скорбях. Означенное ходатайство Святейшим Синодом определено отклонить ввиду того, что Духовный собор и вся братия Гефсиманского скита также усиленно ходатайствовала об оставлении тела усопшего старца Варнавы в Гефсиманском скиту, где он жил и подвизался и где похоронен за алтарем пещерной церкви в часовне, в которую покойный при жизни своей любил часто уединяться для сосредоточенной молитвы, причем присовокупили, что перенесение тела старца Варнавы за несколько сот верст в другую епархию, да еще по Высочайшему повелению, может послужить поводом к разного рода толкам и даже причиной соблазна и в особенности в настоящее время.

Ныне, ввиду представленного г. Обер-Прокурору Святейшего Синода нового основания к перенесению тела почившего старца иеромонаха Варнавы, а именно, что просители свое ходатайство ставят целью, дабы удовлетворение оного послужило к возвышению Выксунской обители, к распространению и усилению воздействия ее насельниц на окрестное население в направлении религиозного его развития и нравственного преуспения, и что таковое их желание являет благочестивые их намерения и чувства почтения к памяти почившего старца Варнавы, Духовный собор долг имеет объяснить, что и ходатайство братии Гефсиманского скита, и Духовного собора об оставлении тела старца иеромонаха Варнавы в месте его погребения основано было тоже на благочестивом их намерении и чувстве почтения к памяти почившего старца и, между прочим, на том, что отец Варнава был духовным отцом и руководителем ко спасению не только 450 сестер Выксунского монастыря и 250 человек братии Гефсиманского скита, но и многих тысяч людей всякого звания, населяющих соседнюю со скитом обширную столицу, и многих высокопоставленных особ как светских, так и духовного звания. Все они как при жизни его притекали к нему со всякими скорбями и недоумениями, так и по смерти находят для себя утешение в посещении его могилки. Справедливо ли будет лишить их этого утешения, в

котором они нуждаются даже более, чем насельники и насельницы двух названных обителей?

Ввиду сего, а также принимая во внимание еще и то, что искусственное возвышение Выксунской обители для миссионерской деятельности перенесением тела иеромонаха Варнавы, как известно, очень мало принимавшего личное участие в миссионерской деятельности, едва ли достигнет своей цели, так как обители возвышаются для мира не искусственным возвышением их, а особым Промыслом Божиим, и личными трудами, и добрым житием насельников и насельниц обителей, Духовный собор со своей стороны считает долгом смиреннейше просить ходатайства Вашего Высокопреосвященства об оставлении просьбы священника Орлова, других принтов и сельских старост без удовлетворения».

6 октября 1912 года Святейший Правительствующий Синод определил: «Представленные Преосвященным Нижегородским ходатайства священника Владимира Орлова и других поименованных выше лиц оставить без последствий».

В 1913 году, в связи с возрастающим почитанием иеромонаха Варнавы, был поднят вопрос о переименовании Иверского Выксунского женского монастыря в «Иверский Варнавинский». 25 августа 1913 года настоятельница Иверского монастыря игумения Серафима написала рапорт епископу Нижегородскому и Арзамасскому Иоакиму следующего содержания:

«Пятьдесят лет назад в ноябре 1863 года было положено начало великому делу создания вверенной мне обители Иверской, когда ее приснопамятный основатель и строитель старец отец Варнава, в то время еще послушник Гефсиманского скита Василий Меркулов, впервые посетив окрестности села Выксы, избрал и благословил место для будущей обители инокинь... Обозревая ныне дивную историю ее возникновения и процветания и в умилении сердца прославляя Бога, Его же изволением зародилась и в столь краткое сравнительно время достигла своего настоящего величия та поистине великая обитель, смиренно повергаю к стопам Вашего Преосвященства от имени всех сестер и благодетелей обители горячее желание и усердное прошение наше, дабы ради славы Божией даровано было нам милостивое архипастырское разрешение Ваше, Владыко святой, ознаменовать грядущий пятидесятый год жизни обители совершением юбилейного празднования по чину Святой Церкви с переименованием монастыря в память почившего основателя и строителя его «Иверским Варнавинским». И желательно было бы приурочить это юбилейное торжество к дню 17 августа, ибо тогда же малым освящением пилонов⁵³ в иконостасе Троицкого храма, оставшегося по смерти старца-строителя лишь вчерне только отстроенным, обитель довершает и последнее неоконченное дело ее отца и благодетеля».

В 1919 году духовные чада иеромонаха Варнавы и его почитатели обратились в Духовный собор Троице-Сергиевой Лавры с ходатайством об

устройстве в пещерном храме Гефсиманского скита, рядом с местом погребения старца, придела во имя святого [апостола Варнавы](#).

Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский)⁵⁴ в письме от 10 марта 1919 года на имя наместника Лавры архимандрита Кронида⁵⁵ просил удовлетворить просьбу духовных чад старца Варнавы:

«Высокопреподобнейший отец Архимандрит!

По содержанию прилагаемого ходатайства... усерднейше прошу Ваше Высокопреподобие, если не встретится законных препятствий, не отказать в удовлетворении... Благоизвольте довести до сведения о таком моем желании Духовному собору. Смею надеяться, что исполнение такового желания, согласно с желанием просителей, не послужит тяжелым бременем для обители, а для меня это было бы истинным утешением в настоящие дни скорби и нужд. Призывая на Вас и братию обители Божие благословение и себя поручая Вашим молитвам, пребываю Вашего Высокопреподобия преданным слугою. Митрополит Макарий».

20 марта 1919 года духовные чада и почитатели иеромонаха Варнавы обратились с прошением к Святейшему Патриарху Московскому и всея России Тихону с той же просьбой – «устроить в пещере за алтарем, рядом с погребением старца, небольшой придел во имя святого апостола Варнавы. Средства на это имеются, собран уже необходимый строительный материал. Место для устройства храма-памятника оказалось вполне достаточным, на что прилагается чертеж».

В докладе Духовного собора Лавры Святейшему Патриарху Тихону от 30 апреля 1919 года говорится, что «Духовный собор долгом имеет объяснить, что со стороны Собора препятствий к исполнению просьбы просителей не встречается, если Вашему Святейшему благоугодно будет разрешить устройство такового придела в указанном месте под наблюдением архитектора».

На докладе Духовного собора 1 мая была поставлена резолюция святителя Тихона: «Разрешается, если на месте не встретится препятствия».

3 июня 1919 года митрополит Макарий в письме наместнику архимандриту Крониду просил содействия в исполнении благословения Святейшего Патриарха Тихона: «Прошу Ваше Высокопреподобие, если найдете возможным, зависящими от вас мерами посодействовать благоуспешному исполнению этого богоугодного дела на молитвенную память благочестия сего старца Варнавы, на утешение благочестивых детей и почитателей его».

На прошения духовных чад позднее была поставлена резолюция наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Кронида: «25 июня 1919 года написать Указ Духовного собора строителю Гефсиманского скита отцу Израилю, что Святейший Патриарх на устройство придела соизволил благословить и чтобы отец игумен немедленно дозволил приступить к устройству придела».

16 июня 1919 года строитель Гефсиманского скита игумен Израиль обратился в Духовный собор Троице-Сергиевой Лавры с рапортом следующего содержания: «Во время приезда Святейшего Патриарха на праздник Святыя Троицы в Свято-Троице-Сергиеву Лавру Его Святейшеству благоугодно было посетить Гефсиманский скит и пещерное отделение сего скита и осмотреть то место, где почитатели старца иеромонаха Варнавы просят устроить престол во имя святого апостола Варнавы. При осмотре места Его Святейшество высказал таковое мнение, что устройство святого престола на сем месте излишне, потому что совсем рядом с сим местом устроено уже два престола... и в верхнем храме еще три престола, к тому же и пространство места (4 1/2 x 9 арш.) весьма недостаточное для устройства престола. Осмотревши подробно место, Его Святейшество положительно высказался против устройства святого престола на вышеупомянутом месте. Всецело присоединяясь к мнению Его Святейшества, почтительнейше докладываю о сем Духовному собору».

* * *

После революции место захоронения отца Варнавы несколько раз менялось. Дело в том, что Черниговский скит в 1921 году был закрыт. Монахам еще какое-то время разрешали молиться в пещерном храме. В 1922 году и Черниговский собор отобрали у верующих; чудотворную икону перенесли в Москву, в храм Преподобного Сергия, что в Рогожской слободе (ныне пл. Прямикова). В 1923 году жительница Сергиева Посада Авдотья Тарасовна Александрова, жена профессора А. А. Александрова (ученика и младшего друга К. Н. Леонтьева – публициста, философа, духовного сына преподобного [Амвросия Оптинского](#)) добилась разрешения перезахоронить старца Варнаву на Вознесенском городском кладбище. В 1934 году это кладбище закрывают, и А. Т. Александрова переносит тело старца на Никольское кладбище. Когда упразднили и это кладбище, то духовный сын отца Варнавы по имени Димитрий в 1968 году перезахоронил старца на так называемом Северном Загорском кладбище.

С прославлением иеромонаха Варнавы в лике святых, о чем скажем в своем месте, его мощи были обретенны и выставлены для поклонения в возрожденном Черниговском скиту.

Молитвенное предстательство старца после кончины

Современники находили духовное родство между иеромонахом Варнавой и преподобным [Серафимом Саровским](#). Не во исполнение ли слова Божия дано и воздаяние за жизнь во славу Божию! То же начертано на надгробии и преподобного [Серафима Саровского](#). Неслучайно это совпадение: оба они жизнью своею славили имя Божие и, можно с уверенностью сказать, были сродны друг другу по духу своей подвижнической жизни.

Один духовный сын старца – петербургский купец В. Н. М-в – еще до кончины отца Варнавы видел знаменательный сон, который потом и рассказывал самому батюшке. «Виделось мне, – говорил он, – будто я иду на богомолье в Никольский монастырь, что близ моей родины в Гороховецком уезде. Во сне дорога мне показалась незнакомою, и я блуждал в лесу. Вдруг вижу: впереди меня идет старец с сумою за плечами, и в руках топорик. Поравнявшись со старцем, я спросил у него, как пройти в Никольский монастырь. Старец сказал: «Пойдем, проведу тебя, я туда же иду». Вглядываясь в своего спутника, я признал в нем отца Серафима и сам спросил его: «Батюшка, Вы будете отец Серафим?» – «Да, я Серафим», – отвечал мне старец, и мы продолжали свой путь по лесу. Отец Серафим остановился подле попавшегося нам большого срубленного пня и сел на него, положив около ног суму и топорик. Сел рядом с ним и я. Вдруг с другой стороны от меня неожиданно явился батюшка Варнава и сел подле меня, так что я оказался среди обоих старцев, которые были очень радостны, облобызались между собой и затем стали что-то говорить. Но что говорили они – не мог я понять и проснулся». Батюшка Варнава, выслушав этот рассказ, весело заметил только: «Ну вот, был между нами, а не слышал, что говорили!»

Поистине – будь они современниками, им было бы о чем побеседовать между собой духом. В их жизни, и особенно в их личном нравственном подвиге, много общего, как это чувствовалось всеми духовными чадами почившего старца Варнавы. Истинно, бескорыстно любили они людей и всей душой служили им. Так же истинны были расположение и почтение к ним и их современников.

На блаженном старце Варнаве исполнились слова апостола Павла: *... служившии добре степень себе добр снискают и многое дерзновение в вере, яже о Христе Иисусе*⁵⁶. Об этом говорит тот факт, что и по отшествии своем в горние селения старец Варнава приходит на помощь своим духовным чадам, а иногда и является им во сне, беседует с ними, как бывало при жизни.

Некоторое время спустя после кончины иеромонаха Варнавы во время литургии с одной из молящихся в храме сделался припадок. Придя в сознание, она сказала: «Отец Варнава в поручах и епитрахили ходил между нами». Во время Херувимской с больной припадок повторился; тогда отнесли ее к гробнице отца Варнавы и приложили ее к святому кресту, что был высечен на его гробнице. С тех пор, по ее словам, с ней больше припадков не повторялись, и она часто приезжала в обитель помолиться перед чудотворным образом Пресвятой Богородицы и у гробницы отца Варнавы.

Известен случай исцеления у могилки старца крестьянки Смоленской губернии, Вяземского уезда, Елининской волости, Елены, страдавшей страшными припадками, приводившими ее в умоисступление.

Одна из духовных дочерей иеромонаха Варнавы сообщила следующее: «Последний раз была я у отца Варнавы за два года до его кончины и хотя очень

хотела поехать на его похороны, но по семейным делам не смогла. В марте 1907 года во сне является мне старец Варнава, подает сложенную коричневую епитрахиль и говорит: «Дочка, сделай мне вот такую, а то у меня все красные». А потом кладет на эту епитрахиль образ Преподобного Сергия и прибавляет: «А это вот так положишь...» Я поспешила исполнить его желание; и каково же было мое удивление, когда, войдя в часовню, где он почивает, увидела, что на иеромонахе, служившем панихиду, действительно была надета ярко-пунцовая епитрахиль. Что же касается образа, который батюшка положил на епитрахиль, то это было предсказанием. В том же году я совершенно неожиданно вышла замуж за Сергия, который через полтора года умер.

В 1914 году я была сильно больна. Во сне является мне отец Варнава и говорит: «Скажи, дочка, чтобы отслужили заупокойную обедню о всех твоих родных, а тебя пусть помянут за здравие – вот и выздоровеешь». На другой же день исполнила я его совет и через неделю уже могла заниматься.

В 1918 году у меня сделалось сильное мозговое переутомление, и врач советовал надолго прекратить всякие занятия. Опять вижу во сне отца Варнаву, который говорит мне: «А ты, дочка, приезжай ко мне, вот и успокоишься...» Мне дали отпуск, я пробыла в обители только один месяц и совсем поправилась. И теперь при всяких трудностях спешу к этому источнику утешения и помощи и всегда получаю духовное успокоение и даже чувствую, как мысленно старец внушает мне: сделай так-то или не делай того-то, – и когда я поступаю согласно его указанию, все неожиданно устраивается благополучно».

Почитание старца Варнавы, как и его молитвенная помощь, продолжается до настоящего времени. Православный народ твердо верил в его святость, что до сих пор и подкрепляется чудесами, совершающимися при молитвенном обращении к теперь уже прославленному Церковью в лице святых преподобному Варнаве Гефсиманскому.

Как свидетельствует жительница города Муром Галина Михайловна Ильина, с детства почитавшая старца Варнаву, она страдала от жестоких головных болей. «Однажды ночью, изнемогая от очередного приступа, я молитвенно обратилась к старцу Варнаве, глубоко веруя в его святость, прося о помощи и избавлении меня от недуга. Во время молитвы забылась легким сном и вдруг увидела старца Варнаву, который подошел ко мне, опустил на мою голову свою руку и, улыбаясь, начал отдаляться от меня. В глубокой радости я вскрикнула и проснулась. Батюшки не было, головная боль стихла. После этого захотелось посетить могилку старца Варнавы, который, как я знала, похоронен на Северном кладбище в Сергиевом Посаде (после разорения скита). Придя на могилку, мы вместе с подругой Варей решили пропеть литию. Я петь не умела, но вдруг у Вари пропал голос, и петь пришлось мне. В отчаянии взмолилась я к батюшке Варнаве: «Батюшка, помоги!» – и вдруг, неожиданно для себя, я запела, не узнав собственного голоса. Более того, когда

я пела, то слышала голос поющего со мной батюшки. Батюшкино пение слышала также и Варя.

Эти события июля 1993 года свидетельствуют о том, что батюшка продолжает и после своей кончины помогать тем, кто с глубокой верой и искренней любовью обращается к нему за помощью».

Монахиня Сергия (Слепова Елена Петровна) рассказывала, как она еще молодой девушкой ходила на могилку к старцу Варнаве. «Когда на душе была скорбь, я подолгу просиживала на лавочке и уходила всегда с облегчением. Мне хотелось иметь фотографию старца, и он не замедлил утешить меня. В 1959 году я познакомилась с Софией Николаевной Красусской (позже ставшей инокиней Софией), проживавшей на улице Комсомольской, в доме № 50, Сергиева Посада. Когда однажды я пришла ее навестить, то увидела портрет батюшки Варнавы, который она и завещала мне. Об этом портрете известно следующее.

Первое чудо от портрета произошло с двумя княгинями (память моя не сохранила их фамилий), скрывавшимися от советской власти в доме, брошенном хозяевами. Надежды несчастных женщин на то, что их не будут искать в нежилом доме, не оправдались. И вот когда милиция пришла с обыском, то княгини закрылись в чулане и, упав ниц перед портретом старца Варнавы, стали горячо молиться ему. Произошло чудо: пришельцы рыскали по всему дому и даже не заглянули в чулан, где спрятались страдалницы.

Второе чудо произошло в том же заброшенном доме несколько позднее, во время пожара. Сгорело почти все, портрет же старца Варнавы чудом остался невредимым, только снизу немного подгорел».

Этот чудотворный портрет в настоящее время находится у настоятеля Рождество-Богородицкого Санаксарского монастыря Мордовской епархии архимандрита Варнавы (Сафонова), к которому он попал в 1984 году от архимандрита Георгия (Тертышникова), составителя развернутого жизнеописания старца Варнавы. Отец Георгий получил этот портрет в том же году от монахини Сергии (Слеповой), а ей, в свою очередь, он достался в 1975 году от Софии Николаевны Красусской, которая хранила уцелевший от пожара чудотворный портрет старца Варнавы и который после ее смерти по завещанию перешел к монахине Сергии.

В 1983 году портрет был реставрирован в Московской Духовной Академии реставратором Екатериной Сергеевной Чураковой.

Монахиня Феофила (в миру Надежда Васильевна Бубнова) много лет страдала от болей в ногах, вызванных отложением солей. В день празднования Иверской иконы Божией Матери, 26 октября 1992 года, она вместе с Анной Васильевной Силантьевой при посещении могилки старца Варнавы обратилась к нему с горячей молитвой: «Батюшка, исцели! Батюшка, помоги

нам!» При этом они сняли обувь и встали босыми ногами на могилку. С тех пор боли в ногах прекратились.

Людмила Петровна Гиацинтова 26 августа 1995 года рассказывала о чудесном явлении ей во сне старца Варнавы. Случилось это вскоре после ее обращения к Богу, когда она стала серьезно задумываться о своей жизни и о том, что погрязла в грехах. «Однажды снится мне сон. Наш батюшка, отец Стефан, настоятель храма Успения Божией Матери, что в Строгино, несет раку с мощами святого. Вдруг святой встает во весь рост и говорит мне: «Приезжай ко мне, дочка, я почищу твой второй сапог, первый чист». Во сне мне очень хочется узнать, где это и кто этот святой. Я спрашиваю: «Вот я читаю [Библию](#), Евангелие, скажи мне так, чтобы я запомнила, кто ты?» Тогда он назвал себя Варнавой. Я знала из Евангелия о разбойнике Варавве и опять спрашиваю у святого: «Назови фамилию или имя твое в миру». Тогда он мне назвал фамилию – Меркулов. Еще он упомянул автобус и деревню Корбуха (название я хорошо запомнила). Во сне святой сказал, что может помочь мне во многих вопросах, только чтобы я скорее приезжала.

После того сна я вскоре поехала в Сергиев Посад поклониться мощам Преподобного Сергия Радонежского и Черниговской иконе Божией Матери, которую очень почитаю и явно ощущаю исходящую от нее особую благодать. В Лавре узнаю, что совсем недалеко, всего в трех километрах, находится скит, где можно пособороваться. В скиту я купила маленькую книжечку «Гефсиманский скит», а когда уже дома стала ее читать, то радости моей не было конца: оказывается, старец Варнава, по фамилии Меркулов, это и есть тот святой, который звал меня к себе. Такой радости я не испытывала за всю свою жизнь. Не могла заснуть до утра, перечитывала книжечку вновь и вновь. С тех пор я постоянно приезжаю в Гефсиманский скит. Прикладываюсь к надгробной плите, беру воду в бывшем храме Архистратига Михаила и ощущаю помощь старца Варнавы в моем духовном возрождении».

* * *

С 1989 года церковная общественность и Духовный собор Троице-Сергиевой Лавры начали ходатайствовать о прославлении в лике святых иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита. Святость старца засвидетельствована праведностью жизни, подвижничеством монашеским деланием, чудотворениями, бывшими при жизни отца Варнавы, продолжающимися и поныне, непрекращающимся народным почитанием.

19 июля 1995 года, в день Собора Радонежских святых, был совершен акт канонизации иеромонаха Варнавы (Меркулова) Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Мощи преподобного почивают теперь в воссозданном

храме в честь Черниговской иконы Божией Матери Гефсиманско-Черниговского скита. Боковой придел храма посвящен иеромонаху Варнаве.

Память преподобного Варнавы Гефсиманского совершается 17 февраля (2 марта) и в Соборе Радонежских святых – 6 (19) июля.

Великий молитвенник и любвеобильный утешитель старец Варнава вечно пребывает не только в сонме небожителей, но и на земле – в сердцах людей. Великая духовная семья старца Варнавы вечно будет хранить его светлый образ, из рода в род передавая сказание о его жизни и трудах во славу Божию. Душа же старца Варнавы, чуткая к нашим прошениям, возносит их к престолу Божию, «сын утешения» молится за всех любящих и чтущих его память.

* * *

Иверский Выксунский монастырь, построенный старцем Варнавой, в 1928 году был закрыт и разорен. Часть его помещений использовалась под жилье и учреждения, многие здания, в том числе и храмы, были разрушены. В 1995 году то, что осталось от когда-то процветавшей обители, частично передали Нижегородской епархии. К 2000 году здесь подвизалось двадцать сестер. Управляет монастырем старшая сестра Феофилакты (Левенкова).

Преподобному Варнаве, старцу Гефсиманскому

Тропарь, глас 5

Измлада Христа Бога чисте возлюбив, / сын утешения был еси, / преподобне отче Варнаво. / По имени и житие твое бысть: / коемуждо страждущему, и нищу, и царю, / пастырь кроток, утешитель и целитель явился еси. / Поминай нас, благодатный отче, / да молитвами теплыми твоими / Жизнодавец Бог дарует нам / утешение и велию милость.

Кондак, глас 2

Печальнику земли Российския Преподобному Сергию от юности последовал еси, святе Варнаво, / и завет старца твоего, сице рекшаго: / «Тако хочет Бог: / словом и хлебом питай алчущих», – поистине до конца исполнил еси. / Сего ради и ныне молим тя, / не Остави нас, утешительный отче, / небесною любовью твоею.

Величание

Ублажаем тя, преподобне отче Варнаво, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче ангелов.

Молитва преподобному Варнаве Гефсиманскому

О преподобне отче Варнаво, пастырю наш кроткий и утешительный, милостивый помощниче и теплый о нас молитвенниче! Ты измлада чадо благословения Божия быв, образ послушания родителем, повиновения господем и служения ближним показал еси. Заповеди Господни возлюбив, в Лавру Преподобного Сергия притекл еси и того верный ученик явился еси. Во обители же Божия Матере повелением настоятеля аввы Антония пребывая, дух смиренномудрия, кротости и терпения стяжал еси и дар рассуждения и прозрения помышлений душевных от Бога приял еси. Сего ради

монашествующим духовный наставник, инокинем созидатель обители Иверския на Выксе-реце и всем страждущим и болезнующим целитель и попечитель милостивый даже до часа смертного был еси. По преставлении же твоём Бог многия милости почитающим память твою яви и иноком учителя твоего верна дарова.

Темже молим тя, праведный отче, якоже и прежде ходатайствуй пред Богом молитвами твоими всем людем во всячем звании дух утешительный стяжати и коемуждо потребная обрести: юным послушание и целомудрие страхом Божиим сохраните; в возрасте сущим – любовь Божию и согласие стяжати; алчущим – не токмо хлебом насущным, но и наипаче словом Божиим насытитися; плачущим – утешитися; изгнанником и странником – пристанище обрести: в темнице сущим – от уз свободитися; благочестивым – в Дусе Божиим возрасти и смиренномудрия достигнути. Сшествуй нам во всех путех жизни нашея, паче же умоли Господа нашего о прощении прегрешений и неправд наших и к свету заповедей Божиих стопы наши направи, да единым сердцем и усты славим Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Письма и духовные поучения

Письма к сестрам Иверского Выксунского монастыря. 1871–1900 гг.

1

Возлюбленные и честные о Христе сестры!

Мир вам и благоволение Божие!

С великим праздником Рождества Христова всерадостно приветствую вас. И ангелы и человецы ныне купно славословят Господа: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение»*⁵⁷. Радуйтесь о Господе, се, Христос посреде нас: *Слово плоть бысть и вселися в ны*⁵⁸. Единородный Сын Божий, ради спасения нашего приклонив небеса, сниде на землю да нас на небеса возведет; ради нас вочеловечился, пострадал и умер на кресте и чрез это даровал нам блага Царствия Божия. Одно только теперь с нашей стороны нужно – шествие по стопам Его, то есть послушание святым Его заповедям: *приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы*⁵⁹. Что может быть сладостнее сего славного упокоения в обителях Христовых? И можно ли с ним сравнять все утехы мира сего? *И мир преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки*⁶⁰. Кто мы здесь? Странники и пришельцы в земле чуждей. Что жизнь наша земная? *Яко цвет селный, тако оцветет... не будет, и не познает ктому места своего*⁶¹. Вот пред нами начало нового наступающего года, а старый где? Истек и канул в вечность. Так и мы, что ни год, что ни день, все ближе и ближе к смерти, Суду и воздаянию. В этом отношении не только год, но и каждый час, каждая минута сколько важны, столько же и поучительны. Посему, если хотим себе спасения, должны неустанно и непрерывно работать Господеви, доколе течет

еще время труда и подвигов, время сеяния, да, егда приидет время жатвы – воздаяния, воспримем сторицею. Вот вы избрали себе нелегкий путь подвижничества ради Христа; стойте же твердо и неуклонно на пути сего благого избрания. Путь этот действительно трудный и тернистый: знамя его есть крест терпения, соединенный с любовью непоколебимою; но он показан и освящен шествием Самого Подвигоположника Господа Иисуса. Сам Он сказал: *«О сем разумеют еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»*⁶²; и еще: *«Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми»*⁶³. И самый путь сей Он освятил Своим примером: от Иордана по Крещении идет в пустыню поститься да благословит грядущих вслед Его, по Нем имущих быти, пустынников и постящихся в монастырях ради великия любви к Нему. В пустыне приемлет и побеждает искушения и, *Сам искушен быв, по-всячески может и нам, искушаемым, помощи*⁶⁴. Посему не унывайте, если постигают вас скорби и искушения, а утешайте себя надеждою на всегдашнюю и неоскудную помощь благодати Божией, благодушествуйте в терпении, друг за друга тяготы носите со смирением, друг друга чтите взаимною любовию и снисхождением, чтобы со стороны, видя ваше доброе жительство, тоже сказали: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех сих почиет Божие благоволение»*. Таково мое сердечное желание всегда, ныне и присно. Посильными моими грешными молитвами призываю на вас милость Божию и благословение, и вы меня не исключайте из святых своих молитв. Поручаю себя и вас милости Божией. Остаюсь благожелатель вашего спасения.

Многогрешный иеромонах Варнава, 1871 г.

2

Христос посреде нас!

Возлюбленные о Христе сестры!

Мир вам и спасение Божие!

Скорбите вы и печалитесь о смерти своего доброго благодетеля Н. П. Да, нелегко вам перенести лишение такого многозаботливого друга. Он от имени своего служил вам, желая учинить вас беспечальными о нуждах телесных, чтобы вы не думали более о житейском, а искали единственно прежде Царствия Божия, егоже избрали себе единым на потребу. Ныне, когда, по определению Божию, скончал он свое течение и за дело веры и любви позван получить праведное воздаяние, помолимся убо о нем Господу, да будет и преизбудет на нем милость Божия, как и он любил творить дела любви и милосердия ради Его святого имени. Самих же себя всецело предайте воле Божией, возверзьте печаль вашу на Господа, и Той вас препитает. Он сказал: *«Воззрите на птицы небесным, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучших их есте?»*⁶⁵ *Не печытесь душою вашею, что ясте или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесь...*⁶⁶ *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, а все*

прочее *приложится вам*»⁶⁷. Господь видит и слышит моления искренно верующих и сподобил если не телесного, то благодатного утешения душевного. Он одного только ищет, чтобы вы всецело предали себя Его воле и благому промыслению. Он благоволит к боящимся Его; и кто стяжал сию надежду, тот выше всех скорбей.

Опять скажу: благодетель Н. П. требует наших молитв, и если усердно будем молиться за первого благодетеля, то Господь откроет вам и другого, и многих. Прошу молитв ваших и о мне, да возгреваются ими посильные и мои о вас молитвы, да не погибнут втуне наши общие заботы и попечения о благе обители вашей и упокоении в ней труждающихся. Надейтесь же, веруйте и молитесь. С искренним благожеланием остаюсь всегда присный вам, смиренный богомолец иеромонах Варнава.

1872 г.

3

Мир вам и спасение от Господа, о Христе сестры!

Желаю вам от Господа паче и прежде всего душевного спасения. Известился я, что многие скорби обдержат вас, а паче от зависти людей недобрых. Душевно состражду вам и прошу Всевышнего, дабы наделил вас благодушным, с кротостию, терпением. Помните и веруйте, что все бываемое от Господа бывает и *влас главы* наша *не погибнет*⁶⁸ без Его святой воли. Сей тернистый путь скорбей и терпения есть путь всех избранных Божиих. Сказано: образ Приимите злострадания и долготерпения пророков и всех святых. Да, вот и святые Божии, коих весь мир недостоин, и те подверглись скорбям, и скорбям таким, о которых мы, грешные, и помыслить не можем: вспомните Иова, плачущего на гноище: Предтечу, алчущего в пустыне; Петра, распятого на кресте; Саму Преподобную Матерь Спаса нашего, стоящую у Креста Своего Божественного Сына, – нам ли сетовать и роптать на наши сравнительно с теми ничтожные скорби?

Но вот много таких людей, которые бедствуют, по-видимому, без всякой причины, и мы, видя несчастных, невольно думаем: «За что они страдают?» За что, например, страдают младенцы невинные и безгрешные и другие прочие? Ответ на этот вопрос тот же, какой Иисус Христос дал апостолам, когда спросили они о слепце: «*Ни сей согрешил, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем*»⁶⁹. Кто бы как ни страдал, при благодушном терпении и благодарении Богу много пользы получит от своих страданий: страдает телом – зато не будет страдать душою, страдает несколько времени – зато будет блаженствовать вечно.

Но все же Богу возможно без этих тяжких страданий спасти нас? Да, Богу возможно все, но Бог творит, что нам полезно, – этого требует закон Его любви и правды. Нет человека без греха, мы все рождаемся во грехах, во грехах живем, во всех есть семена злобы. Скорби, посылаемые нам от Бога, хотя и горькое, но верное лекарство, которое исцеляет наши греховные немощи,

останавливает в нас действие злых наклонностей. *«Хвалимся в скорбех, – говорит апостол, – ведяще, яко скорбь терпение соделоваает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит, яко любви Божия излиися в сердца наша Духом Святым, данным нам»*⁷⁰. Нет ни одного страдальца, который бы терпел случайно и понапрасну, и нет ни одного бедствия, которое бы не принесло страждущему пользы, не содействовало бы к лучшему: это лучшее иногда сбывается на земле, но большею частию оно там, на небе, ибо *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие*⁷¹. Сказано: *Егоже* бо любит Господь, наказует⁷²; в другом месте: ... от Господа наказуемся, да не с миром осудимся⁷³; и еще: в терпении вашем стяжите души ваша⁷⁴. Давайте терпеть – и спасемся: ... претерпевый же до конца, той спасен будет⁷⁵.

Итак, простите меня в том, что сам я еще неключим и не стяжал ни малого навыка к терпению, а убеждаю вас к сей добродетели. Не я убеждаю, а слово нашего Подвигоположника Господа Иисуса. К Нему и обратимся с молитвою сердца сокрушенного и смиренного. Верен есть и праведен словеси Своему: *просите, и дастся вам*⁷⁶, молитесь усерднее – и не оставит, помилует и утешит. Прощайте, да хранит вас [Бог](#). Доброжелатель вашего спасения грешный раб иеромонах Варнава.

1871 г.

4

Христос посреде нас!

Да будет со всеми вами милость Божия!

Приветствую вас с наступающими днями спасительной Четыредесятницы; вменяю себе святым долгом душевно пожелать вам взаимного мира и любви, а с сим и успехов спасения. Сама Святая Церковь, указуя нам пути к Царствию Божию, первым средством к достижению сего вечного блаженства поставляет всеобщую любовь и со всеми полное примирение; посему-то мы и называем дни Сырной седмицы днями прощальными. Итак, честнейшие сотрудницы, последуем повелению Святой Церкви, и, аще что имате на меня, прошу, простите, Бога ради, мою немощь. Если кому-нибудь из вас и случилось слышать от меня что-либо суровое и строгое, простите – это было о Христе от полноты любви и благожелания всего вам лучшего ради вечного спасения. Об одном еще прошу: не скрывайте от меня ваших на мя, грешного, оскорблений, потому что я, как человек, мог и ошибаться в моих советах и наставлениях, о которых ваше смирение всегда с усердием просило мою скудость и недостойнства. Бога ради, простите во всем, кого чем огорчил, и оставьте долги мои, якоже и аз оставляю вам и всем и все.

Непрестанно памяуйте совет Писания: *... солнце да не зайдет в гневѣ вашем*⁷⁷, тем паче в нынешние дни, когда готовитесь принести Господу жертву поста и покаяния; простите – и простится вам, не осуждайте – и не осуждены будете и в ню же меру мерите – возмерится и вам. Вспомните притчу

Спасителя о царе, *который захотел сосчитаться с рабами своими*⁷⁸. Кто ужасом не содрогнется, не прощающий ближнего? Да будет же между всеми вами мир и любовь Божия, ибо *Бог любви есть, и пребывая в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает*⁷⁹.

Простите, заочно всех вас благословляю во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Остаюсь благожелатель вашего спасения иеромонах Варнава.

1872 г.

5

Милость Божия да будет с вами, возлюбленные о Христе сестры!

Господь и Спаситель наш всем нам *хочет спастися и в разум истины прийти*⁸⁰. А спасаемся ли мы и кто предвосхищает спасение? Ныне ведомо это Ему, только Единому Всеведущему Сердцеведцу; но придет время, когда дела наши и намерения будут объявлены вслух всего мира, когда Судия неумытный произнесет о нас Суд Свой Праведный: разлучит овцы от козлищ и поставит овцы одесную Себе – в живот вечный, а козлища ошуюю – *и идут сии в муку вечную*⁸¹. Страшное воспоминание, но и полезное: *поминай последняя твоя и во веки не согрешииши*⁸². О Господи! Даруй нам плакаться о грехах наших, доколе еще время есть, доколе еще жизнь не пресеклася, да не восплачемся безвременно тамо, где несть покаяния, но Праведный Суд и воздаяние комуждо по делом его. Тогда все откроется, и объявятся пред всем светом не только дела, но и слова, и сердечные тайные помышления, всякий [грех](#) явится, и делатель-грешник пред всеми обличится; тогда возрыдают не покаявшиеся ныне нерадивицы, которые здесь льстили ложною надеждою, что и не престающие от грехов своих все же удостоятся милости, – это прелесть бесовская. Дознает тогда каждый на самом деле праведный гнев Божий и муку бесконечную за свое нерадение, и, увы, увы! Не будет конца тому страданию. Но кто боится ныне и хочет избавиться страшного сего мучения, тому надобно с благодарностью претерпевать здешние скорби, и тесноту, и всякую болезнь, и злострадания, какими бы Господь ни наказывал по премудрости Своей ради нашего спасения.

Се, ныне время благоприятно Господь даровал нам ко спасению; се, день спасения нынешний, а не завтрашний. Спасайтесь сегодня от всякого греха, разлучающего душу от Бога, спасайтесь о Христе Иисусе, возлюбленные сестры, и меня, паче всех грешнейшего, прошу поминать в смиренных молитвах ваших, да не лишит Господь нас милости Своея во веки веков. Аминь.

О., как благоразумны те сестры, которые ныне всецело вручили волю свою воле Господней и тем, кои от Него поставлены, – настоятельница и отцу своему духовному! От сих-то, несомненно верьте, и истяжет Господь ответ о душах их, а им такое послушание вменит в великую добродетель и заслугу. Воля наша, воля греховная, – куда влечет она нас? Гнев Божий, по слову Писания, пребывает над сквернословцами, злобными, клеветниками,

обидчиками, досадителями, гордыми, надменными, осуждающими ближних и им подобными; а все они текут путем своей греховной воли. Вот до чего доводит нас самомнение и своеволие – в бездну греховную повергает и от Господа отчуждает навеки. А тем, кто идет путем заповедей Божиих, от Господа обетованы блага, их же око не виде, ухо не слыша, и даже самая мысль человеческая представить не может их полноты и сладости.

Итак, любезные сестры, слышите, чего мы лишаемся чрез свои грехи и чего заслуживаем, руководясь своим произволом, – осуждения на вечное мучение, которого сам сатана трепещет. Истинны Господни словеса, всегда верны и праведны, как сказано: *какою мерою мерите, такою же отмерится и вам*⁸³. Если кто внимает Господу и тщится исполнить святые Его заповеди, то и Бог его послушает и наградит Своими божественными дарами – это несомненно. А потому молитва наша прежде всего должна быть о том, да не оставит нас милость Его, помощь и благодать, – без сего ничего доброго ни содейть, ни даже желать не можем. *«Без Мене, – говорит Иисус Христос, – не можете творити ничесоже»*⁸⁴. – *«Не яко же аз хочу*⁸⁵, Господи, но яко Тебе изволися, тако и да будет со мною», – вот что непрестанно, ежечасно, ежеминутно должны мы содержать в уме своем и сердце. Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны и спаси души наша, имиже веси судьбами. Грех разлучает нас от Господа, лишает Его благодати, отгоняет ангела-хранителя, но ведь против сей болезни есть врачевство: покаяние, слезы, сокрушение. Помолимся же о сем к Нему, Спасителю нашему: *«Жизнодавче, отверзи нам двери покаяния!» Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими от Мене*⁸⁶. Он благ, бесконечно благ и милосерд. Он всем *хочет спастися и в разум истины приити*⁸⁷, помилует и нас, помилует и спасет. Боже, милостив буди нам, грешным.

Помолитесь обо мне, молюсь и я о вас.

Грешный раб иеромонах Варнава.

1872 г.

6

Христос посреде нас есть и да будет вовеки, честные о Христе сестры!

Не по силам моего разумения вопрос ваш, кто из вас должен быть болий, и непонятен спор о первенстве. Хотел бы оставить без ответа о сем письмо ваше, но, дабы не навести вам скорбь моим молчанием, решился писать.

Раскройте Евангелие Матфея, главу 18, там написано: *«Приступиша ученицы ко Иисусу, глаголюще: кто убо болий есть в Царствии Небеснем? И призвав Иисус отроча, постави е посреде их и рече: аминь глаголю вам, аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное; иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небеснем»*⁸⁸. Вот ответ на вопрос ваш и научение: кто не будет по свойствам души своей, как дитя, тот не удостоится Царствия Божия: младенец не имеет ни зависти, ни

тщеславия, простосердечен, всегда доволен, незлобив и смирен. Итак, в духовном делании нужно иметь не одно только мужество, но и смиренномудрие; без сего никтоже может спасение получить. Подвиги поста, молитвы, самая милостыня – ничто, если все сие будет твориться с гордостью и превозношением. *Бог гордым противится и только смиренным дает благодать*⁸⁹, потому-то смиряющийся, как *отроча... есть болий во Царствии Небеснем*.

Или вот еще чтите Евангелие от Марка, зачало 47. Что Господь сказал по поводу неуместной просьбы сынов Зеведеевых о первенстве? *Весте, яко мнящиися владети языки, соодолевают им, и велицыи их обладают ими; не тако же будет в вас: но иже аще хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга; и иже аще хочет в вас быти старей, да будет всем раб*⁹⁰; то есть между нами, христианами, первенство не в том должно состоять, чтобы произвольно властвовать другими, а, напротив, в смиренном служении благу ближних. Кто больше служит другим со смирением, с самоотвержением, с детскою простотою, тот и выше других. Кто хочет быть выше других по действительному достоинству, тот должен более угождать другим, чем себе, – быть для своих ближних и другом, и рабом. Таковы были все истинные подвижники Христовы; в них не было честолюбия, они не искали преимуществ пред другими: сие приходило к ним само собою за их смирение и взаимную любовь. Так, *всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*⁹¹.

Вот на ваш вопрос ответ Святого Евангелия, что же иное или большее могу сказать от себя аз, немощный и грешный, разве только тот же совет Евангелия: *любите друг друга*⁹².

Прощайте, да хранит вас Господь Премилосердый. Помолитесь обо мне, как и я молюсь о вас.

Иеромонах Варнава.

1873 г.

7

Христос посреде нас! Возлюбленные о Христе сестры!

Прошу вас и молю: мир имейте между собою и святыню во всем, и в мыслях и в делах; без сего никтоже узрит Господа. Христианской душе, жаждущей спасения, благое дело удерживать мысли добрые, а злые, когда они находят, от себя отгонять. Полезно для этого непрестанно содержать в памяти молитву Иисусову. Берегитесь почаству оставлять свою келлию и ходить без крайней надобности к другим сестрам, дабы не согрешать празднословием: а если и приходит к вам кто бы то ни было, то, Бога ради, старайтесь беседовать только об одном, что избрали себе на потребу, – яже суть Божия, а не человеческая; в противном случае, то есть когда будут говорить что-нибудь непотребное душе, то тотчас же отдайте поклон с прощанием, просите святых его молитв и садитесь за чтение или рукоделие. Что себе желаю, то и вам передаю и

советую. Не от искры ли одной, иногда весьма малой и едва заметной, бывают великие пожары, и от малого зерна вырастает с течением времени великое дерево. Так и у нас: не из *сердца* ли *исходят* вся *помышления злая*⁹³, за помышлением – слова и беседы, а там уже дела и деяния. Поэтому всемерно нужно остерегаться греховных мыслей и мечтаний, свободных слов и разговоров. Всего больше искушаются наши мысль и слово, но вот тут-то и подвиг. Нужно бороться с такими искушениями; лучше перенести скорбь и скуку, нежели впасть в сию прелесть и обман. Памятуйте, что за всякое слово праздное воздадим ответ в день Судный. Если бы даже случилось кому-либо из вас скорбные и поносные слышать слова, не смущайтесь, а благодарите – это по большей части служит на пользу нам; ласкательные слова душу расслабляют и лишают ее твердости и мужества. По-мирскому жить – как по течению воды плыть, но духовно жить – нужно противиться миру, уклоняться от суетного ласкания, презирая всякое плотское успокоение, умерщвлять духом всякие страсти и любить нищету духовную, со всяким смирением ради Господа, как научает нас Святое Евангелие. Хотя сие вначале кажется трудным и горьким, но последствия бывают благие и добрые.

Положи, Господи, хранение устом нашим и не уклони сердца наша в словеса лукавствия⁹⁴.

Молитесь о мне, молюсь и о вас.

Иеромонах Варнава.

1873 г.

8

Возлюбленное о Господе чадо и преподобнейшая мать настоятельница!

Мир тебе и благословение Божие со всеми о Христе сестрами! Господь наш Иисус Христос благословил избрать тебя и поставить на свещнице настоятельства во вверенной отныне твоему смотрению обители.

В подкрепление духа твоего к тщательному исполнению возложенных на тебя высоких обязанностей настоятельства долгом моим поставляю написать к тебе сие убогое слово. Прежде всего, возлюбленное мое о Господе чадо, памятуй всегда заповедь Господню: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим и ближняго своего яко саму себя*⁹⁵. Сего ради положи в уме и сердце твоём не творить ничего противного воле Божией и святым Его заповедям, не забывай никогда, что преступившие в раю едину заповедь Господню праотцы наши изгнаны были из рая сладости в землю скорбей и печали, тем более преступающие ныне заповеди Господни и небрегающие о покаянии и исправлении низведены будут по смерти во ад – в место вечного мрака и мучения.

*Положи... хранение устом твоим и дверь ограждения о устнах твоих*⁹⁶, да не изыщет от них слово праздно или гнило, разве к созиданию и пользе ближнего, а наипаче присных тебе о Господе сестер, им же да отверсты будут двери

сердца твоего и келлии на всякое время, благопотребное к их утешению. Будь, приемля всех с любовью, внимай прошению их с терпением, назидай с кротостью и снисхождением к немощам их и недостаткам, утешая их благим советом, и укрепляй надеждою о Господе. Блюда, да не отринешь кого из них презорством и оскорбиши невнимательностью, да не прогневается на тебя Господь, глаголющий в Евангелии к ученикам Своим: *«Блюда, да не презрите единаго от малых сих; глаголю бо вам, яко ангели их на небесех вынут видят лице Отца Моего Небеснаго»*⁹⁷, – а они все о Христе младенцы. Смехотворство, глумление, ласкательство и подобная сим, ими же растлевается охранение души твоея и бывает поводом к соблазну немощнейшим, да будут далече отринуты от тебе.

Да не презриши, чадо, совета и повеления старца и о Господе отца твоего ни в малом, ни в великом, яже суть к общему благу и общей пользе твоей и всех о Господе сестер, ибо общее благо обители требует много внимания и совета. Посему не должно пренебрегать и советами живущих с тобою и вверенных твоему смотрению искусных стариц, вся благая и полезная советующих тебе, да приимеши с любовью и потщишися исполнити к общему всех утешению, и о Господе миру и любви, и спасению души твоея. Во всяком начинании твоём вспоминай слова Премудрости: *«вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твои, и рекут тебе...»*⁹⁸ И будеши возлюблена всеми смирения ради твоего, и прославит тя и возвеличит тя Господь Бог твой. Злые же советы, яко советы лести и лукавствия, далече да отринешь от себе, и да оградиши ушеса твоя от слышания их, и сердце твое от внимания им – и спасешися. Красны бо видом плоды советов сих и добры в снедь, но носят в себе яд смертоносный, от него же да избавит тебя Господь Своею благодатию и человеколюбием.

Стоя на страже вверенного тебе Богом настоятельства, буди вся око и вся ухо; прими *«вся оружия Божия, яко да возможеш противитися всем кознем диавольским»*⁹⁹. Всякою молитвой и молением припадай на всяко время ко Господу, да призрит на тебя с небесе от святого жилища Своего, и покроет тебя кровом крил Своих, и обьимет тебя, и защитит от всех нападений и стрел вражиих, помилует и спасет тебя и стадо твое от соблазнов мира сего и от всяких нападений вражеских. Напиши на скрижали сердца твоего всегдашнюю память неизбежной смерти, страшного и нелицеприятного Суда Божия, ада и вечных мук, ожидающих грешников; вечного блаженства и наслаждения в Царствии Небесном со ангелы и всеми святыми – наследия праведников, – да не согрешиши. *«Поминай последняя твоя, – говорит Премудрый, – веки не согрешиши»*¹⁰⁰. Скорби, напасти и болезни, попускаемые тебе, прими с благодарением, это есть чаша, юже подает Отец Небесный возлюбленным во Христе чадам Своим: *«егоже бо любит Господь, наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет»*¹⁰¹. *«Аще наказание терпите, – говорит апостол, – якоже сыновом обретается вам Бог»*¹⁰².

Да будет на тебе, возлюбленное мое о Господе чадо и преподобнейшая мать настоятельница, мир, и милость, и благословение Господне со всеми о Христе сестрами, предстательство и покров Пресвятыя Богородицы и молитвы всех святых.

Поручая свое недостоинство святым и усердным вашим ко Господу молитвам, их же смиренно молю и прошу, пребываю навсегда о вас взаимно усердный богомолец и истинных благ вам всем доброжелатель грешный иеромонах Варнава.

1874 г.

9

Возлюбленные о Христе сестры!

Слава Богу о всем!

Вот наконец исполнилось желание сердца вашего. Волею Божиею и благословением архипастырским сестра Мария Пивоварова отныне избрана быть настоятельницею обители вашей. Душевно приветствую вас и сорадуюсь вашей радости. Да соблюдет вас Господь ныне и всегда в мире и любви – вот мое искреннее желание и [молитва](#). Потщитесь убо почитать и уважать ее, быть непрестанно и в послушании и неизменном повиновении: послушание, по учению святых отцов, превосходит подвиги поста и молитвы. Памятуйте слово апостольское: ... *несть бо власть аще не от Бога... учинены суть*, и кто противляется *власти*, тот *Божию повелению противляется*¹⁰³. Обязанности настоятельства где бы то ни было вообще не легкое бремя, но в вашей, еще младенчествующей, так сказать, обители, оно подает сугубые трудности: сами знаете, сколь много имеет обитель ваша нужд, и к тому же весьма разнообразных. Посему-то и должность ваша – своею любовью и послушанием облегчать сию тяжесть трудов и забот управления. «*Творити молитвы*, – учит апостол, – *за царя и за всех власть имущих*, дабы и сами мы под их смотрением *тихое и безмолвное житие* пожили *во всяцем благочестии и чистоте*»¹⁰⁴. Молитесь же и вы о вашей настоятельнице усерднее, да вразумит ее благодать Божия и поможет и укрепит. Содействуйте ей и помогайте делом и словом во всяком благом начинании: где общая любовь и взаимная помощь, там и Божие благословение, а с сим и всякий успех во всех делах и предприятиях. Особенно старшие сестры, более других опытные в иноческой жизни, должны всемерно стараться облегчать труды настоятельства добрыми советами своей опытности и знания, неленостными, ради общего блага, трудами и сердечною любовью к своей настоятельнице. Старшие должны быть для младших образцом послушания и всякой добродетели, чтобы не подать им *вину хотящим вины*¹⁰⁵; ибо если они не будут покорны, то от кого младшие научатся послушанию? Если они непредусмотрительны, или многоречивы, или непостоянны, то как же требовать от новоначальных степенности и постоянства? Вспомните, что сказал Спаситель: «Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем»¹⁰⁶.

Трудности настоятельства увеличиваются еще тем, что сии, по долгу своему и обязанности, вынуждены бывают противу согрешающих употреблять меры строгости, что в иных непокорливых возбуждает скорбь на начальствующего; такая скорбь не от Бога есть, а от лукавого, ибо порождает злобу, ненависть и другие разные нестроения. «Когда начальник наказует тебя, безропотно потерпи, – учит святитель [Тихон Задонский](#), – когда праведно наказуешься, то достоин ты сего, по заслуге твоей прими, почто убо роптать? Когда неправедно, и то потерпи, и причитай тое грехам твоим, которыми Богу согрешил ты»¹⁰⁷. «Клевете и злому слуху о начальнике верить берегись, – учит сей же святитель, – часто бо на человека, а паче на начальника, ложный слух проносится, наипаче берегись оклеветать и осудить его, ибо тяжко согресишь: великое беззаконие есть простого человека оклеветать и осудить, кольми паче начальника. Таковою клеветою отнимается у начальствующих достойное им почтение, а в предначальных порождается о них небрежение и непослушание»¹⁰⁸, а отсюда уже всякое зло и для всей обители. «*Повинуйтесь, – учит нас Слово Божие, – не токмо благим и кротким, но и строптивым. Се бо есть угодно пред Богом*»¹⁰⁹.

Итак, возлюбленные, имейте послушание ко всем о Господе поставленной Им над вами ради блага и спасения вашего, чтобы Господь, видя сие смирение и взаимную между вами любовь, умножил, возвысил и утвердил обитель вашу.

Храните же слово Его, Милосердного, и с вами будет Сказавший: «*Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их*»¹¹⁰. Ему слава вовеки. Аминь.

Соусердствующий спасению вашему многогрешный инок иеромонах Варнава.

1872 г.

10

Возлюбленная матушка настоятельница со всеми о Христе сестрами!

По желанию вашему продолжаю мою к вам беседу!

По благодати Своей даруй нам, Господи, разумети волю Твою и поучатися в ней во всякое время... С неизъяснимою радостью воспоминаю вам Божие обетование: «*Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*»¹¹¹; о сем блаженстве от всея души помолимся ко Господу: «*Отврати лице Твое от [грех](#) моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими от Мене*»¹¹². Так молился царь и пророк Давид, и Господь помиловал его, ибо ... *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*¹¹³, поэтому для всех, а паче для иноков, необходимо смирение и сокрушение сердца; всякое же возношение и кичение разума гоните от себя прочь.

Что же, матушка, сказать Вам о тех, кои подчинены смотрению Вашему? Молитесь и о них, как и о себе, да будут и они истинные монахини не по

одежде только, но в душах своих и делах, повинующиеся истине в страхе Божиим. Непрестанно говорите им, что Господь близ есть всякой душе христианской, ведает не только деяния, но и желания и мысли каждого. Напоминайте им, что будет и не минет суд Божий каждого, тогда все дела, слова и помышления объявлены будут пред всем светом, что по смерти будет другая жизнь: Царствие Небесное или муки вечные без конца; внимающие заповедям Божиим и пребудут с Ним вовеки, нерадивые же и ленивые блюдут себя на Суд и осуждение. Ныне время делания и искуса, потому и проводить его нужно с великой осмотрительностью, чтобы угодить Господу, сохранить всякую чистоту и целомудрие, смиренномудрие и милосердие и отрицаться всякого греха и мыслью и делом. Не смерть, но грех разлучает нашу душу с Богом. Трудитесь же о Господе и молитесь Ему усерднее, доколе время не ушло, доколе душа еще в теле. Обитель иноческая никак не терпит празднословия, шуток, ни зависти, ни злобы, ни порицания и ничего другого, сим подобного, от чего да сохранит Бог всех нас. В обителях по преимуществу должны царствовать благоговение, благочиние, мир, тишина, простота, чистейшая любовь и незлобие, в них нележно должны храниться заповеди Христовы и все делаться во славу Божию. Прошу вас, любезные сестры, искренним словом, живите и помышляйте так, как научает Сам Господь Иисус Христос – Слово Божие, это истинный покой и истинная радость, вечная и неизменная. Не без трудов и скорбей достается сей подвиг, но ведь многими скорбями, трудом и терпением приобретается небесное веселие. Когда прискорбно и грустно бывает, тогда-то и радуйтесь о Господе, уединитесь на это время, поплачьте, помолитесь – и просветится мысль, и утешится сердце. Опасайтесь уныния, отгоняйте его молитвою, молитесь даже и тогда, когда нет к сему желания; правда, это нелегко, трудно, но понудьте себя, поверьте, утешитесь, успокоитесь – и обновится душа ваша.

Прощайте и простите, да хранит нас всех благодать Божия.

Убогий иеромонах В. 1875 г.

11

Возлюбленная о Господе матушка настоятельница со всеми о Христе сестрами!

То правда, как пишете вы, что и везде можно спастись, ибо везде Господь и на всяком месте владычества Его¹¹⁴, но в монастыре спасение ближе и возможнее, так как меньше соблазнов и меньше поводов ко греху. Одно только нужно здесь – отречение своей воли, а за сим терпение, труд и молитва; о всем благословляй Господа, непрестанно молись Ему, и это несомненный путь к Царствию Божию. При этом всегда и во всем имей к себе самую строгую осмотрительность; случается, что и одна неподобающая мысль, если примешь ее к сердцу и соизволишь пожеланием, может навеки отчуждить тебя от Господа Бога. Что же для этого нужно? Покаяние, искреннее, слезное, непрестанное покаяние: исповедующему грехи своя искренно и от всего

сердца даруется Божией милостью прощение грехов и благодать на утверждение и укрепление молящейся душе. О душе моя! Что спиши? Конец приближается¹¹⁵. Истязуй мыслью своею, что ты сотворила и помыслом, и пожеланием. Пред Господом все открыто! Берегись своего небрежения и нерадения. Долго ли еще будешь приумножать грехи ко грехам, злобу к злобе? Долго ли еще будешь губить время, данное тебе на покаяние? Оно как молния проходит и не возвращается. Не знаешь, когда потребована будешь на Страшный суд Господень – утром, или в полдень, или вечером, или тогда, когда совсем не чаешь. Будьте готовы, бдите и молитесь, *да не внидете в напасть*¹¹⁶, не унывайте от прискорбия и не изнемогайте от расслабления, но бодрствуйте, потерпите ради *Бога*, поработайте *Господеву со страхом*¹¹⁷ и возрадуйтесь уже не на минуту, но без конца, егда придет Господь во славе Отца Своего со множеством ангелов. Блажен той раб, егоже Господь обрящет бдяща в заповедех Его, а не унывающа и спяща в нерадении. Со вниманием читайте церковные книги и творения святых отец наших – это утешает дух и укрепляет его в подвигах делания духовного. Всегда с сердечною верою и усердием молитесь, внимайте труду, поститесь, с кротостью несите возлагаемые послушания – все это ради единого только Господа творите, а не по чему-либо другому. Да спасет Господь милостию Своею, очистит, и обновит, и даст радость вечную страждущему сердцу, день и ночь взыскующему Господа Своего. Всякие скорби, нужду и тяготу, сколько бы тягостно ни было, если примем в подвиге духовном, ради делания заповедей Господних, то Господь всегда нам будет и помощник, и защититель. Читайте чаще Псалтирь, с поклонами и молитвами, – это спасает от всякой неприязни и миротворит бодрствующую душу.

Простите, Бога ради, непотребного и грешного.

Иеромонах Варнава.

1875 г.

12

И опять то же пишу вам, возлюбленные о Христе сестры, о чем не раз и прежде писал и говорил: благодарите Бога, что вы в монастыре, что Господь привел вас в сие тихое пристанище. Отселе вы часть Божия, Господь избрал вас в жребий Свой. Не скучайте же сим избранием, не думайте, что, оставив мир, вы что-нибудь оставили, чего-нибудь лишились: *взыскающих Господа не лишатся всякого блага*¹¹⁸. Что все эти радости и удовольствия мирские? Минутный призрак, за которым пустота, уныние духа, недовольство. Что и самое тело наше? Утлая ладья, нужная на время, которая потом разрушится, уничтожится, обратится в прах и пепел; стоит ли и заботиться для него много? Не душа ли бессмертная больше есть тела тленного? Но только, смотрите, взяв на себя сей труд подвижнической жизни, несите его с любовью и терпением. Не в том достоинство – начать монашеское житие, а чтобы препровождать его и завершить достойно. Что пользы тем, кои, приступив к сему благовому

житию, не радят об исполнении его правил, навлекая таким образом на себя справедливый укор в малодушии и неразумии. Господь говорит о таких: *«Кто бо от вас, хотяи столп создати, не прежде ли сед разчтет имение, аще иматъ, еже есть на совершение, да не, когда положит основание и не возможет совершити, еси видящи начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати и не може совершити?»*¹¹⁹ Итак, положив начало доброго жития, должно и преуспевать в дальнейшем, стремясь к цели начинания, ни во что вменяя все труды, пока не достигнута сия цель. Апостол Павел говорит о себе: *«Братие, аз себе не у помышляю достигша; едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышняго звання Божия о Христе Иисусе»*¹²⁰. Вот так должны и мы – не смотреть на пройденные нами дела подвигов (если сии по милости Божией и совершились нами), но всегда устремляться вперед, всегда к новым трудам и подвигам. Что пользы от вчерашнего вкушения пищи, если ныне нечем удовлетворить голод? Так и душе вчерашняя исправность не принесет пользы, если ныне не останется у нее добродетели, ибо о Боге Судии говорится, что каковым кого Он застанет, таковым и судить будет. Суетен труд праведника, прекратившего шествие путем правды, и блаженно начинание грешника, оставившего путь беззакония. *«Аще совратится праведник от правды своя, – говорит нам Слово Божие, – и сотворит неправду... вся правды его, яже сотворил есть, не помянутся: в преступлении своем, имже преступи, и во гресех своих, имиже согреши, в них умрет... И егда обратится беззаконник от беззакония своего... и сотворит суд и правду... жизнь поживет и не умрет»*¹²¹. Соломон, например, был мудрейший из мудрецов, благочестивый и праведный, а потом, предавшись гнусной страсти, ниспал в идолопоклонство. Или вот еще Иуда: он был апостолом и учеником Самого Господа, но потом, уклоняясь от добра, предавшись сребролюбию, кончил жизнь самым ужасающим образом. Итак, помните, возлюбленные о Господе сестры, что не начавший хорошо праведен пред Богом, но тот, кто достойно проходит и совершает начатое. Не давай же, скажу вам словами псалмопевца, сна очам твоим и веждам дремания¹²², да спасешия, как серна от стрел и как птица от сети¹²³. Внимайте: посреде сетей проходим и идем по крылу стены высокой, откуда падение страшно, а иногда даже безвозвратно погибельно. Молитесь, да сохранит нас Благодетель Иисус.

Непотребный раб грешный иером. В. 1875 г.

13

Возлюбленные о Господе сестры!

Иисус, сын Сирахов, говорит: *«Аще приступавши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение»*¹²⁴. Не забывайте сего премудрого совета, примите его к сердцу, поучайтесь в нем. Без скорбей, без искушений невозможно и спасение. Как золото может быть очищено только огнем, так и душа наша только через борьбу с искушениями укрепляется в вере, очищается

от греховных навыков, освящается. Об одном только должны мы молить: «Господи! Не введи нас во искушение выше сил наших», – а не страшиться их: ведь не сами собой они приходят, а Господом посылаются; Он и поможет нам в благодушном терпении. «Призови Мя, – говорит Он нам, – *в день скорби своей, и изму тя*»¹²⁵; призови, не сомневаясь, с верою и надеждою. Не думайте, чтобы Господь Бог не призывал на наши труды и на наше терпение; Он на все доброе призывает, и если будем сердечно стараться жить по воле Его, не оставит нас, успокоит, поможет, обрадует. Лукавы духовные враги наши – то представят нам одно, то другое, чтобы привести в уныние, в печаль, в отчаяние, чтобы как-нибудь отторгнуть от Бога, – представят то, чего совсем нет, и из малого зерна изобразят пред нами целую гору. Терпеть надобно и слезно молиться: «Господи, отыми от меня весь помысл лукавый»; и если победим какую-нибудь непотребную мысль, то вот уже и победа над страстью, над искушением.

Никто не свободен от искушений; ни юные, ни старицы; особенно первые, новоначальные в монашеской жизни, каковых немало между вами, подвержены нападению искушений. Живя в миру, чего не насмотрится почти каждый из нас, а вот здесь-то в монастыре враг и начинает нам представлять образы прежде виденных соблазнов. Велико искушение, но тут-то и борьба. Скажи себе: «*Весь мир во зле лежит*»¹²⁶; Господи, слава Тебе, яко извел из темницы душу мою». Или вот приходят воспоминания о родине, о родных своих, жалость о них, но ты приведи себе на память иное: ... *отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя*¹²⁷; [Отче наш](#), Иже на небесех, не Остави мене; Спасе! Спаси мя, имиже веси судьбами. Вообще всего более искушается мысль наша: не от сердца ли исходят вся помышления злая? Нужно непрестанно и неусыпно бдеть на страже сердца своего. Если и зародится в уме какая-либо греховная мысль (от них невозможно уберечься), но если не примем ее к сердцу и не соизволим к ней пожеланием, пролетит она, как ветер, пролетит и не воротится. Для сего потребна молитва, искренняя, сердечная, сыновняя молитва к Богу, а за сим смирение, самоуничтожение, строгое и неопустительное исполнение всех правил и уставов монастыря. При усердной молитве, при трудах неленостных, заботах непрестанных некогда и мысли развращаться и страстям бушевать.

В особенности нужно соблюдать постоянную память того, что вы оставили мир ради непрестанного и неизменного служения Господу, что Господь избрал вас в достояние Свое, вы часть Божия, а не мирская, не земная, – зачем же и думать о земном? Да будет помысл ваш всегда в Боге, и Он сохранит вас во днех скорби. Душевно возлюбите молитву, с любовью поучайтесь в слове Божиим, и будет просвещаться сердце ваше. Храните язык ваш от многоречия, чтобы не исходило от него слова гнилого, и соблюдайте в сердце своем страх Божий. Читите святых Божиих, поучайтесь в житиях их, это может воодушевить вас к подражанию добродетелям их. Чаше вспоминайте о

Царствию Небесном и благах его и желанием его возгревайте ревность вашу к благочестию. *«Побеждающему, – говорит Христос Спаситель, – дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем Моим...»*¹²⁸ Видите, только побеждающему даны будут блага Царствия Божия; значит, без искушений нельзя; поэтому, если хотим себе спасения, мы должны все скорби и напасти принимать с благодарением, переносить с кротостью, с терпением и твердостью отражать соблазны и побеждать искушения; чрез все сие очищается душа наша и приближается ко Господу. *Вмале наказаны бывшие, великими благодетельствовани будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе; яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я. И во время посещения их возсияют, и яко искры по стеблию потекут; судят языком и обладают людьми, и воцарится в них Господь во веки*¹²⁹. Вот как велика награда претерпевшим искушение.

Господи, поползновенны мы от юности, но Ты посли благодать Твою в помощь нам, «соблуди нас от всякаго мечтания... устави стремление страстей... даждь нам целомудренне пожити дела и словесы; да, добродетельное жителство восприемлюще, обетованных не отпадем благих Твоих, яко благословен еси во веки. Аминь»¹³⁰.

Простите.

Соусердствующий спасению вашему и. В.

1876 г.

14

Сестры о Господе!

И сие мое письмо начинаю теми же словами Премудрого: *«... аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение»*¹³¹. Так, искушения необходимы нам, без них невозможно спасение: но борьба с ними – нелегкое дело, очень нелегкое, трудное, тяжкое, иначе бы, конечно, победа и награды не заслуживала. Что же, прежде всего, в этом делании нужно нам? Самоотвержение и смиренномудрие. Святые отцы, по-всячески искушенные подвижники, первым и необходимейшим условием в сем делании поставляют последовательность и постепенность, особенно для начинающих. Много в нас и естественного зла, еще более разных греховных навыков, от мирской жизни и от собственной беспечности к нам приразившихся. Как тут быть? Разом отсечь их? Нет, сил неостанет, утомимся и ничего не сделаем. Лучше мало-помалу восходить на высоту преспеяния, нежели, взявшись за многое, ни в чем не успеть. Мало-помалу нужно отсекаль житейские страсти и греховные навыки, и когда успеваем избыть одну страсть, можно перейти на брань и против другой, и таким образом удобно будет при помощи Божией ратоборствовать с ними. Будьте прежде всего терпеливы во всяком искушении, коими обыкновенно искушаются верные, как то: в нареканиях, обидах, осуждениях, клеветах. Не будьте скоры на слово, раздражительны, тщеславны. Не будьте пытливы, но доверчивы и простосердечны. Не

испытывайте о мирских делах, такие разговоры возбуждают греховные страсти. Памятуйте, что вы заключились в обитель ради беспрепятственного служения Господу, а потому *от всякия вещи злыя огребайтесь*¹³². Господь желает от нас подвигов воздержания, смирения, терпения в страданиях, любви духовной и молитвы непрестанной: сими душевными и телесными подвигами зло истребляется, а добродетели растут и укрепляются. Терпением в страданиях умерщвляются страсти телесные, а смирением и любовью – страсти душевные. Если кого-либо из вас начнут обуревать нечистые помыслы, мечты и пожелания, вооружась против них постом, умножь труды телесные; если нападут демоны злобы и гнева, гони их от себя кротостию и терпением; если припадут помыслы тщеславия и самомнения, встречай их сознанием того, что все от Божией благодати, а не от нас, гони эти помыслы самоуничтожением, молитвой, любовью к Богу и памятью о смерти.

*«Поминай последняя твоя и во веки не согрешиши»*¹³³, – учит нас Премудрый. Непрестанно нужно памятовать, что мы должны дать отчет Богу; тогда страх Его всегда будет с нами и защитит в минуту искушения. Необходимо каждодневно испытывать душу свою, как проведен нами день и как – ночь. Если сделали что хорошее, воздадим благодарение Господу, а если в чем согрешили – тотчас же надо идти к отцу духовному, раскаяться и просить исправительных наказаний, иначе проступок случайный или мысль мимолетная могут привиться к нам, обратиться в греховный навык и погубить. Недаром сказано; ... *горе тому единому, егда падет и не будет втораго воздвигнути его*¹³⁴ и еще; *имже несть управления, падают аки листве, спасение же есть во мнозе совете*¹³⁵, то есть коль скоро откроешь от чистого сердца нападающие на тебя злые помыслы или случайно содеянное согрешение, освободишься от них и изгонишь их из твоего сердца. Так боролись с искушениями праведники, прославленные Господом подвижники благочестия, и побеждали их, так при помощи Божией и всякий может ратоборствовать противу соблазнов и одолевать их.

Простите, сестры, помолитесь обо мне, молюсь о вас и я, грешный и непотребный и. В.

1876 г.

15

Милость Божия да будет с вами, возлюбленные о Христе сестры!

Всякому искренно желающему работать Господеви для спасения душевного надлежат прежде всего пост и [МОЛИТВА](#), а за сим смирение и послушание – в сем заключается и от сего истекает вся полнота христианских добродетелей. Пост и молитва составляют самую безопасную ограду от нападений вражеских. Как чрез искушение от запрещенного древа Адам изгнан был из рая, так чрез пост и послушание снова возвращается нам сие потерянное блаженство. Ныне часто приходится слышать: постов много, зачем они? Постная пища вредна и т. п. Не верьте таким и не слушайте их. Вспомните, что

говорит Писание. Когда три отрока и Даниил пленены были Навуходоносором в Вавилоне и другие отроки с ними, то царь повелел им есть от стола своего. Но Даниил и три отрока не захотели вкушать от трапезы царской и сказали прислужнику, смотревшему за ними: «Давай нам от плодов земных, да ядим и воду да пием». Прислужник отвечал им: «Опасаясь господина моего – царя, от такой пищи он увидит лица ваши исхудалыми противу сверстников ваших, питающихся от трапезы царской, и осудит меня». Они сказали ему: «Испытай нас до десяти дней». Он исполнил их просьбу, и потом когда ввел пред царя, то оказалось, что лица их были лучше лиц отроков, питавшихся от трапезы царской¹³⁶. Вот видите, что производит в нас пост, – он врачует болезни, иссушает вредные соки тела, чрез это отгоняет злые помыслы, ум соделывает светлым, сердце чистым, тело здоровым. Однажды апостолы спросили Господа: «Какою силою и властью изгоняются бесы?» – *род*, – отвечивал Спаситель, – *ничимже может изыти, токмо молитвою и постом*¹³⁷. И так всякий раз. Когда нападает на нас смущение помыслов или еще какие-либо прилоги вражии, нужно тотчас же пользоваться сим врачевством, то есть нужно наложить на себя пост, и наветы вражии рассеются. Великая сила сокрыта в посте, и великие дела совершаются чрез него. Пост есть ангельская жизнь, держащий его ангелам уподобляется. Впрочем, не думайте, возлюбленные, что так просто: только телесный пост есть истинный пост. Нет! Не тот исправно постится, кто воздерживается только от пищи, но то почитается полным постом, когда при этом удаляется и от всякого дела злого, и не только дела, а всякого слова праздного и мысли неподобной, словом – всего Богу противного. «Постящися, братие, телесне, постимся и духовне, – учит нас Святая Церковь, – разрешим всякий союз неправды: расторгнем стропотная нуждных изменений. Всякое списание несправедное раздерем, дадим алчущим хлеб и нищия безкровныя введем в дома: да приимем от Христа Бога велию милость»¹³⁸. Вот он, истинный-то пост, целитель наш и спасение. Боже, помоги нам!

Убогий и грешный иером. В.

1876 г.

16

Возлюбленная о Господе сестра!

Твое письмо по поводу моего о посте я получил. Затем такое сокрушение, если оно даже и искренно, одобрить не могу. Ты унываешь о том, что не можешь «уподобляться» в подвиге поста «святым подвижникам». Но вспомни, кто были они и кто мы, чтобы сравнивать себя с ними. Ведь мы, должно сознаться, не приступали еще даже к подвигам делания духовного. После сего думать об уподоблении им сейчас же, не трудясь, – дерзость; мы должны поучаться у них, и только. Прежде нужно потрудиться и помолиться, а там благодать Божия, если мы будем достойны ее, может нам в дальнейшем и довершить наше недостаточество.

Опять скажу: один путь телесный без духовного ничто. Если одно только сухое будем есть да будем роптать, осуждать, ненавидеть – сухоядение не на пользу нам. Святой Иоанн Милостивый укорял себя: «Ты, – говорил он сам себе, – избранные рыбы ешь, вино пьешь». Нельзя сказать, чтобы он употреблял суровую пищу, – он был патриарх, – но пища не повредила ему, когда он смирял себя. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*¹³⁹ – вот где спасение.

Хочешь поститься должным образом – с любовью подчинишься всем правилам и уставам монастырского общежития, а так же и по отношению к пище. В келлии не имей никакой снеди, довольствуйся тем, что предлагается в трапезе: лишнего там не дадут, а что дают, принимай с благодарением. Вкушая пищу, всегда памятуй, что это дар Божий, а потому принимай ее с благоговейною молитвою ко Господу. В трапезе надобно сидеть в тишине и безмолвии, не допускать разговоров и со вниманием слушать читаемое. Четки никогда не покидай, даже и во время вкушения пищи имей их на руке – это меч духовный; они всегда будут невольно напоминать тебе, что обязанность твоя есть непрестанная молитва и богомыслие. Подвиги более суровые – дело более совершенных, а для нас довольно будет, если мы не будем отступать от уставов обители. Не смущайся же такими мыслями, о которых писала мне; уныние – пагуба; живи и подвижайся, как нам указывают, – тут все наше спасение.

Прощай, да хранит тебя Господь.

Недостойнейший из недостойных иером. В.

1876 г.

17

Милость Божия да будет с вами, возлюбленные о Христе сестры!

Бога ради, не нерадите о молитве. «*Бдите и молитесь, да не внидете в напасть*»¹⁴⁰, – учит Сам Спаситель. Молитва потребна всем и каждому, а нам, монахам, она как пища и питье необходима; без нее мы жить не можем. Молитва – это спасительный щит, которым все стрелы вражьи отражаются. Когда Моисей простирал руки, Израиль побеждал Амалика. Так и мы, если будем непрестанно простирать ко Господу наши молитвы – не победит нас диавол. Подумайте, Сам Христос молился, и как молился? До кровавого пота, и *явился Ему ангел с небесе, укрепляя Его к предстоящему подвигу*¹⁴¹. Вот образ, которому мы должны следовать, и милость и помощь небесные всегда будут с нами и всегда поддержат, помогут, укрепят. «*Просите, – говорит Господь, – и дастся вам; ищите, и те; толцыте, и отверзется вам*»¹⁴². Вот как сильна МОЛИТВА. Но какая? Молитва, достойная Господа Бога и должным образом Ему возносимая. Молиться должно разумно и со вниманием, смиренно и с усердием, непрестанно и с упованием. Самое первое, о чем мы должны молиться, это – *Господи, научи ны молиться*¹⁴³. Молитвы наши только тогда бывают приятны Господу и благоплодны для нас, когда мы просим

действительно нужного и полезного душе нашей, а этого нужного и полезного мы часто не знаем, потому-то и следует прежде всего просить Господа: *«Научи ны молитися»*. Спаситель, научая нас молитве, говорит: *«Егда молишися, вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему»*¹⁴⁴. Клеть есть сердце наше; если хотим достойно молиться, мы должны изгнать из него все внешние посторонние попечения и все чувства свои устремить горе, ко Господу. Слова, произносимые только языком, а не сердцем и душою, не достигают до слуха Божия. Господь внимает не устам нашим, а сердцу сокрушенному и смиренному. Иногда одно только воздыхание, от души и чистого сердца вознесенное, приятнее Господу продолжительного чтения молитв, где только язык один говорит, а сердце холодно и немо. *«Хочу пять словес умом моим глаголати... нежели тмы словес языком»*¹⁴⁵, – учит святой апостол. Истинно сердечная молитва всегда бывает смиренна, она единственно только на милость и благодать Божию уповает, а никаким своим заслугам цены не дает, да и не находит их в себе. Она детски проста, доверчива и дерзновенна, как вопль почтительных детей к любимому отцу. «Батюшка, помилуй! Родимый, Кормилец, помилуй!» – молился святитель [Тихон Задонский](#) со слезным умилением. Вот она, истинно сердечная-то молитва. Здесь все: и сознание своей немощи, и недерзновенное упование на всесильную помощь Божию, и истинная любовь ко Господу, и полная, живая и крепкая вера в милость Его. Вот таких-то свойств и должны мы достигать в нашей молитве. Это нелегко. Это особый дар благодати Божией. Недаром говорится в молитве: «Господи, даждь ми слезы умиления»: потому прежде всего и должны мы просить: *«Господи, научи ны молитися»*. А потом сие дается не вдруг, а постепенно. Вначале молитва – труд, а потом, когда привыкнешь к ней, – наслаждение. Для сего нужно чаще и неленостно упражняться в молитве. Тут-то и пригодны правила монастырские: исполняй их неленостно – и приобретешь навык и любовь к подвигу молитвы. Непрестанная молитва необходима нам, ибо мы непрестанно окружены врагами. Но как это можно непрестанно молиться? Это не значит, по учению отцов и подвижников, чтобы всегда стоять да класть поклоны, а – про себя или умом, или устами взывать ко Господу или святым Его. И ежели и стоять, да в рассеянии быть, телом молиться, а умом что-нибудь земное созерцать – труд бесполезный, как древо без плода. Восстав поутру, первое дело – сотворите молитву. Без молитвы никуда не входите, хотя бы в коридор за водой. Занимаетесь ли рукоделием или ходите, имейте непрестанно в устах молитвы, говорите: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную: Матерь Божия, заступница наша, милостива буди мне, недостойной: ангеле Божий, хранителю мой добрый, не отступайся от меня». Дело в руках – молитва в устах, в уме, в сердце. Можно молиться, и разговаривая с другими, только бы разговоры были не праздные: имя Божие, с благоговением произносимое, – та же молитва. Скорбь ли какая придет, не ропщите, не жалуйтесь: пади пред

Господом и со слезами помолись, скажи: «Господи, я достойно страдаю». Не говорите и не думайте, что в смущении не можете молиться, а лучше скажите сами себе: «Мне велено молиться, хоть и не хочется», – и молитесь, чрез это успокоитесь и утешитесь. Сему подобным образом и можно молиться непрестанно.

Простите, дерзаю поучать, хотя и сам нуждаюсь в руководителе. Знаю – слово мое немошно, ибо сам неключим и не стяжал никакого навыка в подвигах спасения, но я исполняю просьбу вашу. Да наградит Господь ваше смирение. Не от себя пишу сии советы, а что читал и чему поучался у святых отцов, то передаю и вам. Читайте, Бога ради, почаще и повнимательнее их святые творения – это кладезь, истинно кладезь воды живой. Господи Иисусе Христе, молитвами святых отец наших помилуй нас.

Грешный и непотребный иером. В. 1876 г.

18

Милость Божия да будет с вами, возлюбленные о Господе сестры!

Се, пред вами Святая Четыредесятница. Мир вам! Спасайтесь! Жизнодавче, отверзи нам двери покаяния! Покаяние и сокрушение сердечное – вот прямой путь ко Господу и верное средство ко спасению. *«Покайтесь!»*¹⁴⁶ – взывал Предтеча, приготавливая народ к сретению Господа; словом *«покайтесь»* Сам Господь предначал Свое спасительное учение и потом, посылая Своих апостолов на проповедь, заповедал им везде и всегда говорить: *«Покайтесь»*. Пойдемте же и мы ко Господу, сотворшему нас, Господу праведному, но всегда готовому помиловать нас ради слез наших сокрушительных. Не подумайте, что слезы покаяния нужны только тем, кои запутывались в страстях бесчестия и больших грехах. Нет! Нет! Всем вам и тем, кои, по мнению нашему, живут исправно, – всем необходимы слезы покаяния. Если и в ангелах Господь усматривает *нечто стропотное* (у пророка Исаии), то мы-то что?.. Один святой муж, кажется, Ефрем Сириянин, однажды шел с учениками своими в город или селение и, проходя мимо кладбища, увидел одну женщину, которая проливала горькие слезы над могилой и никаким утешениям от окружающих ее не внимала. Она все, кажется, забыла, ничего не видела и не слышала, плакала неутешно. Миновав ее, старец, обратись к ученикам своим, сказал: «Видите, как убивается жена эта на могиле сей, так бы и мы должны убиваться плачем о душе своей, которую мы уморили грехами своими и похоронили на чуждой ей земле страстей и похотей плотских». Сказав это, старец зарыдал. Вот как и сами святые Божии разумели о себе и какое приносили покаяние: нам ли, грешным, не скорбеть и не плакать о нашей греховности? Слезы сердечного покаяния – это основа нашей праведности, ими восполняются недостатки правых дел в нашей жизни, истребляются в душе нашей порочные страсти и греховные навыки, чрез них приближаемся мы ко Господу: ... *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*¹⁴⁷. Некоторый человек был подвержен великим

грехам, но наконец раскаялся и, удалившись в монастырь, в течение многих лет каждый день плакал неутешно о содеянных им прежде грехах. Умиловленный столь истинным покаянием, Господь восхотел утешить раба Своего. Он явился ему в видении, облаченный в иерейские ризы, держа в руках чашу. Инок, узревши Господа, пал к ногам Его и с благоговением спросил, что хранится в принесенной Им святой чаше. «Это слезы грешницы, плакавшей у ног Моих в доме Симона прокаженного, – отвечал явившийся Господь. – Я доныне сохранил их в целости, потому что они весьма приятны Мне». По окончании видения инок почувствовал в душе своей неизреченную радость и утешение и во все продолжение жизни своей не переставал служить Господу. Так приятны Господу Богу слезы искреннего покаяния. Пойдемте же ко Господу сим путем слезного покаяния. Праведника нет ни одного на земле, все грешники пред Богом, а все оправдываются туне, благодатию Господа Иисуса Христа, ради веры в Него и слез раскаяния и сокрушения. Будем же плакать о грехах наших да спасемся: *блаженни плачущии, яко тии утешатся*¹⁴⁸. Господи, даждь нам слезы умиления, покаяния и сокрушения.

Простите меня и помолитесь обо мне, молюсь о вас и я, грешный и непотребный иером. В.

1877 г.

19

Христос посреде нас, сестры о Господе!

С приятием Святых Христовых Таин приветствую вас, возлюбленные. Послушайте, что говорит Господь о сей великой тайне Тела и Крови Своея: *«Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе; аще кто снестъ от хлеба сего, жив будет во веки... ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день... ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем»*¹⁴⁹. Вот какого великого дара сподобилися ныне мы, недостойные и грешные. Сам Господь с нами и в нас. Се, пришел Он к нам и вселился в ны. Да изрекут же все силы естества нашего радостное и торжественное славословие: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Благодарим Тя, Господи, Боже наш, яко не отринул еси нас, грешных, но общники быти святынь Твоих сподобил еси! Благодарим Тя, яко и нам, недостойным, причаститися пречистых Твоих и небесных Таин даровал еси! Буди же нам, по глаголу Твоему, Господи: *ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем*, пребуди с нами и не остави нас николиже!»

Велик дар благодати, воспринятый ныне нами; всякому подает Он по нужде его благопотребное: кому мир душевных сил, кому просвещение очей сердца, кому возбуждение ревности на добро, кому готовность на подвиги и самоотвержение – всякому свое. Нужно только благочестием и благочестивой жизнью стараться беречь в себе сей дар. Блюдитесь. Враг всячески будет

стараться угасить в нас светильник полученной благодати. Это и успеет он сделать, если мы допустим его навеять на душу нашу какое-либо недоброе состояние, или рассеяние мыслей, или недовольство чем, или неудовольствие на кого, или другое что подобное.

Всякое такое движение вносит смятение в душу и расстраивает ее. Нужно сохранять полное внимание и обращение ума и сердца ко Господу – и избежим сего преткновения. Со страхом и трепетом приступив к Святым Тайнам, со страхом и трепетом будем и все прочее нашего жития время жить, чтобы всегда с нами пребывал Господь и мы с Ним. Непрестанно на всяк час будем взывать к Нему, Милосердому: «Господи, помилуй! Защити нас от наветов вражиих, не отступайся от нас!» Или вот чаще, с усердием и слезами, будем вопиять к нему умиленной молитвою святителя Димитрия: «Величие души моей, радование духа моего, сладость сердца моего, сладчайший Иисусе! Буди со мною и во мне выну, и мене всеильною Твоею десницею удержи с Тобою, да в Тебе, и о Тебе, и Тобою будут вся помышления моя, словеса и деяния; без Тебе бо не могу творить ничего. Да не к тому себе живу, но Тебе, Владыце моему и Благодетелю; да вся чувства моя душевная и телесная не мне, но Тебе, Создателю моему, работают. И вся силы моя душевная и телесная Тебе, Искупителю моему, да служат. Им же и в Нем же держатся, и все житие мое до последнего моего издыхания да будет во славу преславного имени Твоего, Боже мой!»

Бдите же, сестры, и молитесь, блюдите приятное сокровище да не внидете в напасть. И то сколько уже раз изгоняли мы Его от себя разными непотребствами! Похраним Его в себе хоть теперь. Правда, милостив Господь. Верно, Он снова будет искать входа к нам и снова внидет. Но что, если нынешнее Его снисхождение к нам есть последний предел Его долготерпения?.. Что, если, будучи и после сего вынужден отйти от нас, Он произнесет окончательный приговор: «*Се, оставляется вам дом ваш пуст*»¹⁵⁰. Редко бывает сие, но бывает. По чему знать, не сбудется ли сие над нами, если снова допустим себе оскорбить Его любовью к нам горящее сердце? Тогда что? Тогда семь лютейших бесов внидут и будут витать в нас, муча и терзая. Страшно и ужасно!.. Боже, милостив буди нам, грешным!

Искренно желающий спасения вашего
иером. Варнава. 1877 г.

20

Честные о Христе сестры и сомолитвенницы!

Движимый чувством духовного радования, душевно приветствую вас с наступлением сего великого праздника из праздников и торжества из торжеств. Христос воскрес! Надеюсь, что и вы с тем же чувством сердечного восторга ответите мне: «Воистину воскрес!» О возжеленное приветствие! В сей торжественный праздник чье сердце не трепещет чувством какой-то особенной неизъяснимой божественной радости? Не есть ли это

предвкушение тех вечных радостей, которые уготовал Господь любящим Его? Да, «Христос воскрес из мертвых, смертию [смерть](#) поправ и сущим во гробех живот даровав; и нам дарова живот вечный»¹⁵¹. Посему и желаю вам, мои другини, ничего лучшего не обретаю, кроме как радостно встретить и светло попраздновать сей праздник в здравии и благополучии, в духовном и сердечном утешении. «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить»¹⁵².

Итак, да будет с вами воскресший Господь наш Иисус Христос утешением и радостью во вся дни живота вашего. Призывая на вас милость Божию и благословение, и теперь, как и всегда, остаюсь искренно соусердствующий спасению вашему многогрешный иер. В.

1877 г.

21

Желаю вам со всеми о Господе сестрами радоваться!

Вот наконец вожделеннейшее желание ваше исполнилось. Храм в обители вашей устроился и освящен молитводействиями самого архипастыря. Думали ли мы, ожидали ли, что при наших слабых средствах устроится такой пространный, величественный и благолепный храм? Господи, слава Тебе! Все от Господа, все Его неоскудною помощью. Откуда бы взяли вы все то, что имеете и чем пользуетесь, если бы не было посылаемо Господом щедротателей, усердствовавших и трудами и достоянием. О Господи, воздай им благим Твоим воздаянием и помилуй их Твоим милосердием, по слову Своему святому: *блажени милостивии, яко тии помиловани будут!*¹⁵³ Вы же, получив сей желанный дар от Господа, любите Его душой и сердцем. Ходите во святой храм с усердием и ревностью. В храме стояще, умом своим представляйте, что стоите якобы на небеси, потому что тут все для нас – это небо земное, рай небесный, тут наше прибежище и утешение, надежда будущего и дар настоящего; тут все видимое и – не одни люди, не одни ангелы, тут Сам [Бог](#), посему во храме подобает присутствовать со страхом и трепетом. Грех великий – не только разговаривать или смеяться во храме, но и оглядываться по сторонам и переходить с места на место, и вообще всякая рассеянность и невнимание. Нужно умом и сердцем проникать в то и следовать за тем, что читают и поют в церкви. Отнюдь не должно выходить из храма прежде окончания божественной службы, если даже и немощ какая прилучится, лучше посидеть тут же в храме, но не выходить, а тем паче, представляя у себя какую-либо немощ, оставаться в келлии и вовсе не идти в церковь, разве только по причине какая великая нужды или по послушанию, – в сем последнем случае молитвы других будут за тебя. Нужно помнить, что мы, монахи, везде, особенно в храме, должны служить примером для прочих христиан, мирских, и своим благоповедением поучать и других к надлежащему почитанию и благоговению ко храму Божию. Особенно вам, клиросным, надлежит иметь строгое внимание к своей обязанности. Вы,

подобно ангелам, славословите Господа, обязанность великая, а помните: *проклят человек творяй дело Господне с небрежением*¹⁵⁴. Надобно со страхом и трепетом предстоять пред лицом Божиим, тем паче служить всесвятому имени Его. На вас все смотрят, вас все слушают, станете смеяться или разговаривать – соблазните, и не одного, а многих: грех это великий. Если бы и ошибиться кому пришлось в чтении или пении, смеяться на подобное отнюдь не следует, а равно и останавливать начатое или делать вслух замечания, дабы не навести на других смущения. Что из того, если случилось, например, сказать не тот прокимен или прочитать не столько стихов в каноне, сколько положено, об этом, конечно, легонько напомнить следует, но обращать подобное к смеху избави Боже, – не в том преступление, что не то по ошибке прочитано, а в том, что хотя и прочитано положенное, да без внимания и расположения. Пение должно быть разумно, в нем должно выражать и ум, и сердце, чтобы со словами согласовалась и мысль. Вообще всех вас прошу: Бога ради, будьте внимательны в обязанностях по богослужениям святого храма Божия. Таковое служение ваше благоплодно будет и для вас самих и для тех, которые будут приходить к вам молиться. Другим приходящим чрез сие вы будете содействовать ко спасению, возбуждать в них чувство молитвенное, сами же себе – созидать спасение, не только возбуждая, но и упрочивая, и утверждая в душах своих спасительные чувства раскаяния, благоговения, умиления. Во святом храме соблюдается все потребное к животу и благочестию нашему; тут и слово Божие – истинный руководитель в деле спасения, тут лики святых угодников Божиих – живые примеры христианских добродетелей и подвигов, тут и благодатная помощь Божия, предлагаемая нам во святых таинствах; только нужно иметь любовь и ревность к сему дару Божию. Не мимо же сказано: храм есть училище благочестия. Дай, Господи, чтобы он и был для вас всегда именно таким наставником и учителем; чтобы в нем и чрез него научились вы приносить Господу жертвы духовные – веры, надежды, любви, *такowymi жертвами* и *угождается Бог*¹⁵⁵. Да поможет вам в сем благодать Божия. Прощу не оставить и меня во святых ваших молитвах.

Душевно соусердствующий вашему спасению иером. Варнава.

1877 г.

22

К новоначальной

Возлюбленная сестра о Господе Н. Ф.!

Благодать Божия да будет с тобою отныне и до века!

Письмо твое, в котором извещаешь меня о своем поступлении в обитель и твердой, по твоим словам, решимости остаться в ней навсегда, я получил. Радуюсь за тебя и благодарю Бога. Да *благословит тя Господь от Сиона, и да узриши благая Иерусалима*¹⁵⁶. Истинно слово святого Давида: ... *лучше день един во дворах Божиих, паче тысящ... в селениях грешнических*¹⁵⁷. Ты теперь

в тихом пристанище от всех сует мирских. Помоги тебе Господи благочестно продолжать и скончать начатое житие во спасение душевное.

Просишь ты от меня вразумления и руководства, но ведь я и сам нуждаюсь в учителе и научении, а вот лучше поучимся вместе у святителя Димитрия, чудотворца Ростовского, великого молитвенника о нас, грешных. В кратких словах, но весьма ясно и вразумительно изображает он добродетельную жизнь, которую должен учредить у себя христианин, душевно желающий служить Господу. Вникни со вниманием.

1. От сна воставшу ти, первая мысль буди о Боге, первое слово и молитва к Богу, Создателю твоему и Содержителю живота твоего, могущему всегда мертвити и живити, поразити и исцелити, спасти и погубити.

2. Поклонися и воздаждь благодарение Богу, воздвигшему тя от сна и не погубившему со беззакониями твоими, но долготерпеливо ожидающему твоего обращения.

3. Положи начало к лучшему, глаголя со псаломником: «...*рех ныне начах*»¹⁵⁸ прочее. Путь бо к небеси никтоже добре совершает, разве кто на всяк день добре начинает.

4. С утра буди в молитве серафимом, в делах херувимом, в обхождении ангелом.

5. Времени отнюдь вотще не трать, кроме самых нужных дел.

6. Во всех делах, и словах, и в помышлениях ум имей в Боге; не начертывай в уме что-либо иное, кроме Христа, никакой образ да не прикоснется сердца чиста, разве образ чист Христа Бога и Спаса.

7. К любви Божией себя побуждай всячески, сколько можеша, наипаче сие рассуждение со псаломником в себе глаголя: «В *поучении моем разгорится огонь*»¹⁵⁹.

8. егоже изволяеши непрестанно любить Бога, на Того присутствие всегда внутренними очами да взираеши, и сего ради от всякого злаго дела, и слова, и помышления отстань. Почему вся честно, смиренно и с сыновнею боязнию твори, глаголи и помышляй.

9. Кротость с похвалою и смирение с честностию купно буди.

10. Слово твое тихо, смиренно, честно и полезно буди. В молчании обдумывай словеса, яже имаши глаголати. А праздное и гнилое слово отнюдь да не исходит из уст твоих.

11. Смех аще случится, до улыбки только буди, и то не часто.

12. Ярости и запальчивости и ссоры блюди; в гневе же умеренно имей себя.

13. В ядении и питии воздержание да хранится всегда.

14. Во всякой вещи снисходителен буди, и Бог тя ублажит.

15. Смерть всему конец, о которой всегда мыслить должно¹⁶⁰.

Вот, смотри, что надлежит делать христианину, желающему спасения. Молиться и трудиться в подвигах добродетели. Без молитвы не может быть и

истинно добрых дел. «*Без Мене, – говорит Спаситель, – не можете творити ничесоже*»¹⁶¹. Потому и советуется непрестанно молиться. И, наоборот, без добродетели и молитва ничто: как станешь молиться, когда душа обременена невоздержанием, или возмущена гневом, или в злобе на кого, или развлечена посторонними заботами, и находишься в рассеянности? Потому, если хочешь достойно служить Господу и благоугождать Ему, молись и трудись непрестанно, в труде и молитве проводи всю свою жизнь. Для сего ведь и от мира мы уклоняемся и в монастырь идем. Ты скажешь: трудно это. Нелегко, правда, но ведь *Царствие Небесное нудится, и только нуждницы восхищают его*¹⁶². Надо возыметь одно только – ревность о Боге и спасение в Нем души своя. Вот и старайся прежде всего возбудить в себе сию спасительную ревность ко Господу, а там в дальнейшем благодать Божия и поможет, и сохранит, и защитит; не смущайся, а предай себя всеблагой воле Божией.

Прощай. На первый раз довольно, думаю, для твоего назидания написанного; подумай же со вниманием о наставлении святителя Божия. Да хранит тебя Господь.

Искренно желающий твоего спасения грешный и недостойный иером. В.
1878 г.

23

К той же сестре

Недавно отправил я тебе письмо с наставлениями святителя Димитрия, а вот уже и еще пишу, и это потому, что всеусердно желаю тебе душевного спасения.

Привыкать к новой обстановке где бы то ни было вообще нелегко, точно так же и в монастыре; потому, Бога ради, прошу тебя, будь внимательна к самой себе, с рассуждением всматривайся в свое новое положение, подумай прежде всего, искренно ли твое отречение от мира. Положим, ты еще не произнесла обетов монашества, но, уклоняясь в монастырь, все-таки некоторым образом отреклась от мира. Вдумайся, не в той ли надежде ты пошла в монастырь, чтобы обрести тут жизнь более покойную и свободную; если так, то жестоко ошибаешься и мира душевного не обретишь под кровом обители. Если же ради Господа и спасения души своей, то непрестанно и зорко следи за собой. Смотри, чтобы не возмущала тебя какая-либо страсть. Не почитай себя лучше других, не надмевайся похвалами, если тебе придется слышать их; умеряй свое самолюбие; не ищи преимущества пред другими. Наблюдай, хорошо ли молишься, не омрачается ли чистота твоей мысли, не развлекается ли ум твой во время молитвы другими заботами, не возмущает ли душу твою память о каких-либо нечистых пожеланиях – все гони от себя, тогда в молитве ум твой будет созерцать Господа, а сердце беседовать с Ним. Кто ищет Бога, у того сердце должно быть свободно от постороннего, по Писанию: *упразднитеся и разумеите, яко Аз есмь Бог*¹⁶³. И в монастыре не без искушений, но только там они бывают большею частью от нас же самих, от нашего невнимания к своему

деянию: ... не искушиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум – творити неподобная¹⁶⁴. Кто велит без нужды оставлять келлию, предаваться празднословию, унынию, скуке, осуждать других, злословить, завидовать, лгать, не иметь надлежащего почтения и повиновения старшим, в особенности настоятельнице? Вот от таких-то грешных навыков и склонностей и приходят на нас искушения. Нужно всячески соблюдать в себе смирение, кротость, послушание, терпение, незлобие, любовь ко всем, постоянно иметь в уме память смертную. Праведный Суд и воздаяние, да возмется нечестивый, да не видит славы Господни¹⁶⁵; а праведные услышат сей сладчайший глас Господа Спасителя: «Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»¹⁶⁶.

Если таким образом будем провождать жизнь нашу ради Господа для спасения души своей, то жизнь монастырская будет для нас раем, чего достигнуть и всеусердно тебе желаю.

Искренний твой благожелатель иером. В.

1878 г.

24

К ней же

Письмо твое от 12-го числа сего месяца я получил. Очень рад, что жизнь монастырская пришлась тебе по душе. Дай же Бог с успехом и продолжать начатое. Но прошу тебя – памятуй, что приступающим работать Господеви без искушений пребыть невозможно, по слову Премудрого: ... аще *приступавши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение*¹⁶⁷. Если хочешь успешно ратоборствовать с искушениями и безбедно подвизаться в обители, стяжи прежде всего смирение и послушание. «*Научитесь от Мене, – поучает нас Сам Христос Спаситель, – яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим*»¹⁶⁸. Но чтобы ты вернее уразумела, что такое истинное смирение, я в сем письме изображу тебе эти признаки. Смирненным можно назвать того, кто питает в себе всецелую преданность воле Божией, кто всякий успех свой приписывает благодати Божией, а не своим способностям или заслугам; кто ни в чем не доверяет своему разумению, но во всем последует повелениям настоятельницы или рассуждениям отца своего духовного; кто не только сам не оскорбляет никого, но с радостью переносит оскорбления, причиняемые ему другими; кто с благодарностью довольствуется малым и скудным, считая себя даже и того недостойным; кто истинно считает себя низшим всех и ни в чем не ставляет себя выше других; кто обуздывает язык, не скор на слова и не сварлив в беседе; кто не любит празднословия и многословия. В сем и сему подобном обнаруживается истинное смирение. Успевший в сем востекает на высоту любви, посредством которой не с нуждою и трудом, а с ревностью и душевным расположением проходит подвиги христианских добродетелей.

Если хочешь достигнуть смирения, соблюдай в общении с сестрами следующее правило пророка: *Аз же яко глух не слышах и яко нем не отвержаяй уст своих*¹⁶⁹. Если случится, что кто-нибудь смутит тебя, вспомни следующее правило: *rex: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим*¹⁷⁰, и другое:... *смятохся и не глаголах*¹⁷¹. Не подражай тем, которые недугуют строптивостью, и не обращай внимания на их речи, как бы не слышишь их и не замечаешь. Паче же всего сохрани следующее: поставь себя в число буиих и неразумных да премудра будеши¹⁷², то есть не рассуждай, не испытывай и не раздумывай, когда что приказывает тебе делать настоятельница, но со всякою простотою и верою, как можно скорее, исполняй повеленное. Утверди сердце твое в таком расположении, и ты легко можешь до конца понести благое иго послушания, и никакое искушение, никакая кознь диавольская не могут поколебать твоего душевного мира в общежитии иноческом. Господь да поможет тебе в сем.

Молюсь за тебя, не забывай в своих молитвах и меня, грешного иером. В.
1878 г.

25

Достоуважаемая и вселюбезнейшая матушка моя!

Душевно благодарю Господа и в радости духовной приветствую Вас с принятием великого ангельского образа¹⁷³. Благословен Бог, изволивый тако. Чудны и неисповедимы пути Промысла Божия. Невольно переношусь мыслию в давно прошедшие времена моего детства и отрочества. Могли ли Вы тогда, обремененная семьею и заботами житейскими, думать, что и Вам самим и сыну Вашему приведет Господь окончить жизнь в чине монашеском? Но вот совершилось то, чего ни Вы, ни кто другой из знавших нас предполагать не могли. Буди имя Господне благословенно отныне и до века. Благодарение Господу, исполнившему во благих желание Ваше. Он же Сам есть и подавший сие доброе желание и совершивший по нему, да исполнится приемлющее сердце Ваше радости о Господе нашем. В этом мы убеждаемся истинным словом Священного Писания, что *всякое даяние... благо нисходит свыше, от Отца светов*¹⁷⁴; а потому оно и озаряет душу, и привлекает смиренного человека от земных к небесным, от временных к вечным, да возвеличится Христос в сердцах наших. Слава Богу о всем!

Простите, матушка. Благословите меня и помолитесь о мне – Вашем сыне по плоти, а теперь и по духу – грешном и недостойном иером. Варнаве.

1879 г.

26

К новоначальной

Душевно благодарю тебя, возлюбленная о Христе сестра N, за письмо, которое получил я от тебя третьего дня. Из этого письма вижу, что твое вселение в монастырь искренно, слава Богу! Смотри же всеусердно береги в себе такое расположение. Много всяких искушений будет впереди. В

монастыре хоть и не то, что в миру, но и в нем не без искушений, не без скорбей, ведь не на небе же он и не ангелы бесплотные живут в нем, а все такие же грешные люди, как и я, как и ты. Будь же внимательна сама к себе, без того горе и великая беда может случиться. Бывали примеры, что иные с расположением и любовью к иноческим подвигам шли в монастырь, а потом, будучи небрежны к себе, утрачивали сердечное расположение к иноческой жизни и начинали препровождать жизнь, не подобающую монаху, оскорбляли Господа Бога, бесчестили свой сан и причиняли великое горе приютившей их обители. Да избавит тебя от сего Царь Небесный!

Хорош вопрос, который предлагаешь ты в своем письме: что прежде всего нужно новоначальной в монастыре, чтобы приобыкнуть к монашеской жизни и деланию? Добрый вопрос. Но что ответить на него, недоумеваю. В монастырских уставах все одинаково важно, нужно все исполнять, чтобы добре иночествовать. Но всего разом выполнить с надлежащей точностью невозможно, особенно для таких, как ты – новоначальной. Новоначальные в монастыре – то же, что малые дети в семье. Да, мне думается, что это сравнение очень пригодно к новоначальным; говорю «очень», а не скажу, что совсем или вполне применимо. Ты вот, например, по своему возрасту давно уже не дитя, и детское неразумие тебе непристойно; но добрые, детские качества всем необходимы, а в особенности новоначальным в монастыре. Поучись же у детей, ты не можешь сказать, что не знаешь детей, ты долго жила в миру, видала их; для начинания усвой себе их добрые качества и руководись ими. В монастырь ты пошла ради Господа Бога, ради спасения души своей; но ты должна знать, что говорит Спаситель о детях: *«Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него»*¹⁷⁵, – будь же как дитя, и довольно для начала.

Первое свойство прекрасной детской души есть любовь к своим родителям. Родители для детей все – и отрада, и утеха. Если родители при детях, они и радостны, и покойны; нет при них родителей – они скучны и печальны, не дождутся, когда увидят своих отца и мать. Так и все должны, в особенности мы – иноки. Наш отец – Господь Бог, наша мать – святая обитель, приютившая нас под свой кров. Содержи постоянно в своем уме и сердце Господа, Которому ты добровольно отдалась, люби Его всею душою своею, в Нем одном находя себе отраду и утешение. Сердечно люби святую обитель, в которой живешь, не ищи, да и в уме своем даже не представляй, что может быть что-нибудь лучше той жизни, которую дает тебе твоя обитель.

Дети всегда совершенно уверены, что их родители готовы снабдить их всем, в чем имеют они нужду. Посему когда детям что-либо нужно, то они тотчас обращаются к своим родителям. На родителей своих смотрят они как на неистощимый источник любви и благодеяний и просят у них всего им нужного в полной надежде, что получают просимое. Когда они чего-либо боятся, то тотчас бросаются к отцу или матери и около них считают себя совершенно

безопасными, как будто закрытыми какой-либо неприступной крепостью. Смотри, какой поучительный и утешительный для нас урок! Кто мы все пред Господом Богом? Дети Его. Кто Он для нас? Отец самый милосердый, бесконечно любвеобильный. *«Еда забудет жена отрока свое, еже не помиловати изчадия чрева своего?»* – говорит Он.